

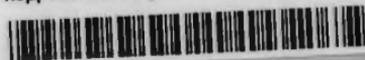
АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ
ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

А. М. ЯКОВЛЕВ

Борьба
с рецидивной
преступностью

код экземпляра

26613

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«НАУКА»
Москва 1964

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР

заслуженный деятель наук РСФСР,

профессор *А. А. ПИОНТКОВСКИЙ*

ПРЕДИСЛОВИЕ

В числе многих ответственных задач, поставленных XXII съездом партии перед советским народом, важное место занимает задача ликвидации преступности в нашей стране. «В обществе, строящем коммунизм, — говорится в Программе КПСС, — не должно быть места правонарушениям и преступности»¹. Программа партии намечает два основных направления, по которым должна развиваться борьба с преступностью. Это — применение наказания за совершенное деяние, с одной стороны, и предотвращение преступлений, еще не совершенных, — с другой. Таковы главные формы борьбы с преступностью. Конечно, назначая наказание за преступление, уже совершенное данным лицом, суд преследует цель обеспечить «предупреждение совершения новых преступлений как осужденными, так и иными лицами» (ст. 20 УК РСФСР)². Это — важное направление в работе по предупреждению преступлений, важное, но не главное. Главное направление предупредительной деятельности в области борьбы с преступностью заключается в устранении причин и условий, способствующих совершению преступлений.

Говоря о том, что рост материальной обеспеченности, культурного уровня и сознательности трудящихся создает все условия для того, чтобы искоренить преступность, в конечном итоге заменить меры уголовного наказания мерами общественного воздействия и воспитания, Программа партии как раз и указывает на те мероприя-

¹ «XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза». Стеногр. отчет, т. III. Госполитиздат, 1962, стр. 307.

² Здесь, как и далее, имеются в виду также и соответствующие статьи УК других союзных республик.

тия общегосударственного значения, которые призваны обеспечить предупреждение, а затем и полное искоренение преступности.

В общих чертах уголовная репрессия может быть определена как реакция государства на совершенное преступление. Восстановить справедливость, попорченную в данном конкретном случае в результате совершения преступлений, наказать виновных — важнейшая задача органов правосудия, и они никогда не откажутся от нее до тех пор, пока будет существовать сама преступность.

Эта задача — при всей ее важности — ограничена. Наказание следует за преступлением, справедливость в каждом отдельном случае торжествует, но исчерпываются ли этим цели, которые ставят перед собой государство и общество в борьбе с преступностью? Разумеется, нет, ибо перед советским обществом стоит задача не только обеспечить систематическую реакцию правосудия на совершаемые преступления, но и снизить, а затем и вовсе ликвидировать преступность в целом. Поэтому наука уголовного права должна расширять пределы своего исследования, а законодательство обогащаться новыми нормами, обращенными к истокам преступного поведения, его причинам. В этом случае основные проблемы уголовного права должны рассматриваться с позиции задач изучения и предупреждения преступности, а методы уголовноправового исследования должны сочетаться с методами исследования криминологического.

Такого рода изучению должна быть подвергнута одна из важных проблем уголовного права — проблема борьбы с рецидивной преступностью. Далеко не все совершенные преступления становятся известными государственным органам и, соответственно, регистрируются, не все зарегистрированные преступления раскрываются, не во всех случаях доказывается вина подсудимого. Требуется напряженная, подчас длительная работа органов суда и следствия, чтобы преступление было раскрыто и преступник понес справедливое наказание. Иногда оказывается, что часть этой работы проводится впустую, не приводит к должному результату. Отбыв наказание, некоторые преступники вновь совершают преступления, подчас более тяжкие, чем совершенные ранее. Рецидив означает фактическое отрицание, опровержение в данном конкретном случае государственных и общественных мер,

применявшихся к данному субъекту, и, соответственно, уголовноправовых институтов, построенных с единственной целью пресечь преступление. Это обуславливает известную остроту проблемы рецидива.

Совсем недавно наше уголовное законодательство вообще не знало термина «рецидив». Однако это вовсе не свидетельствовало об отсутствии рецидива в реальной действительности. Искоренение рецидивной преступности — весьма важная и серьезная задача, стоящая перед органами следствия, судом и исправительно-трудовыми учреждениями. Преступная деятельность рецидивистов наносит вред советскому обществу не только тем, что рецидивист вновь совершает преступления, причиняет все новый ущерб социалистическому имуществу, советским гражданам и их имуществу, но также и тем, что рецидивист стремится вовлекать в преступную деятельность новых лиц, нравственно уродует, развращает неустойчивых молодых людей, подростков, упорно, злобно и сознательно разлагает осужденных в местах заключения, пытается организовать противодействие администрации исправительно-трудовых учреждений и т. д. Рецидивист, прежде всего особо опасный, противостоит социалистическому правопорядку, пытаясь утвердить в своей преступной деятельности чуждую нашему обществу практику паразитического существования за счет совершения опасных корыстных и насильственных преступлений.

Замалчиванию, затушевыванию всей сложности проблемы борьбы с рецидивом пришел конец с изданием новых Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1958 г., новых УК союзных республик, в которых борьба с рецидивной преступностью обрела развернутую законодательную базу. Объективное раскрытие природы рецидива, теоретическая разработка вопросов применения соответствующего законодательства, его дальнейшее усовершенствование, разработка и проведение в жизнь методов трудового перевоспитания рецидивистов и средств предупреждения рецидивной преступности — насущная задача сегодняшнего дня.

Попыткой сделать первый шаг в этом направлении и является настоящая работа. Автор отчетливо представляет себе, что новизна и сложность рассматриваемой проблемы не позволят ему охватить ее полностью. Однако он надеется, что по мере сил сможет послужить делу

привлечения внимания ученых-специалистов в области уголовного права и криминологии, а также практических работников органов следствия, суда, исправительно-трудовых учреждений к совместной разработке теоретических вопросов, связанных с решением важнейшей проблемы ликвидации рецидивной (как и всякой другой) преступности в нашей стране.

ПОВТОРЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ И РЕЦИДИВ

Рецидив преступлений по существу и законодательной форме представляет собой одну из важнейших разновидностей случаев множественности преступных деяний (к числу которых, кроме рецидива, относятся также совокупность преступлений и повторность). Нормы уголовного законодательства, регулирующие ответственность за рецидив, совокупность преступлений и повторность, конструируются в зависимости от объективных свойств этих различных категорий множественности, особенностей их проявления в конкретных преступных деяниях, а также в связи с нуждами и запросами практики работы судебно-следственных органов и исправительно-трудовых учреждений.

Анализ понятия рецидива, разработка принципов построения соответствующих норм уголовно-правового законодательства должны всемерно служить задаче обеспечения успешной борьбы с рецидивной преступностью, задаче дальнейшего укрепления социалистической законности и правопорядка.

Среди случаев множественности преступных деяний необходимо различать такие, когда два или более преступления совершаются лицом до того, как он впервые предстал перед судом, а также случаи, когда за первое преступление субъект уже был осужден ранее, но затем вновь совершил какое-либо преступление.

В первом случае лицо несет ответственность сразу за все содеянное. Для определения порядка такой ответственности (квалификации, назначения наказания) целесообразно подразделить эти случаи множественности преступлений, пользуясь критерием однородности или разнородности деяний, входящих в эту множественность.

Так, однородные деяния в данном случае охватываются понятием повторности, а разнородные деяния — понятием совокупности преступлений. Для целого ряда конкретных случаев квалификации преступлений важно различать: причинены ли данные разнородные преступные последствия одним действием виновного либо двумя (или более) самостоятельными действиями. Пользуясь этим критерием, мы сможем подразделить все случаи совокупности преступлений на идеальную (в первом случае) и реальную совокупность (во втором случае). В свою очередь, эти последние, в зависимости от содержания субъективной стороны входящих в них преступлений, подразделяются на совокупность (как идеальную, так и реальную) преступлений, объединенных единством намерения, и на случайную совокупность.

Достаточно разнообразными являются и случаи рецидива, т. е. случаи, когда второе (или последующее) преступление совершено после осуждения за первое (или предыдущее). Здесь однородность совершенных рецидивистом преступлений позволяет говорить о специальном рецидиве, в отличие от случая совершения рецидивистом разнородных преступлений, когда налицо — общий рецидив. По степени тяжести, степени общественной опасности совершенных преступлений целесообразно различать рецидив тяжких и менее опасных преступлений. Число преступлений, совершенных рецидивистом, позволяет говорить либо о простом рецидиве (в случае совершения двух преступлений), либо о сложном рецидиве (в случае совершения трех, четырех и более преступлений).

Тяжкий рецидив, специальный и сложный рецидив в разных сочетаниях образуют предусмотренное действующим законодательством понятие особо опасного рецидива.

Приведенные разновидности рецидива иногда объединяют общим наименованием легального рецидива (имея в виду, что рецидив такого рода связан с непрерывным требованием наличия предыдущей судимости у лица, совершающего повторно преступление).

В этом смысле легальному рецидиву противопоставляется встречающееся в литературе понятие фактического рецидива, т. е. случая совершения двух или более деяний независимо от наличия или отсутствия у соответствующего лица предыдущего осуждения. Из многих слу-

чаев совершения нескольких преступлений до осуждения заслуживают выделения случаи совершения преступлений систематически (корыстные преступления) и с особой злостностью (насильственные и иные). В дальнейшем мы попытаемся показать значение и особенности приведенных разновидностей рецидива.

Рассматривая вопрос о конкретных видах множественности преступлений, следует всегда учитывать различие, существующее между случаями привлечения лица к ответственности впервые, сразу за все ранее совершенные преступления, и случаями совершения повторного преступления лицом после его осуждения, во время или после отбывания наказания.

Когда человек впервые предстает перед судом, суд в пределах, определенных законом, индивидуализирует наказание и назначает его пропорционально всему содеянному в целом. Ближайшая цель правосудия достигается в данном случае специальным порядком квалификации содеянного и особыми правилами назначения наказания.

Иначе обстоит дело во втором случае, когда лицо было уже осуждено, наказано и, невзирая на это, вновь совершило преступление. Конечно, как и в первом случае, — налицо повторение преступления, но суд в этой ситуации сталкивается с трудностями двойного порядка. С одной стороны, поскольку за первое деяние преступник был уже наказан, возникает вопрос — вправе ли суд, наказывая лицо за последнее преступление, увеличить ему наказание и таким образом во второй раз наказать его за первое преступление, т. е. дважды наказать за одно и то же? С другой стороны, вправе ли суд игнорировать то обстоятельство, что фактом совершения нового преступления субъект доказал недостаточность ранее назначенного ему наказания?

Если комплекс вопросов, встающих в первом случае, связан с решением проблемы совокупности преступлений и повторности, то во втором случае он связан с проблемой рецидива.

В настоящее время общепризнано, что совокупность преступлений всегда состоит из двух или нескольких разнородных преступлений. Если степень разнородности совершенных лицом деяний такова, что они квалифицируются по различным статьям Особенной части УК, то

налицо — совокупность преступлений (ст. 40 УК РСФСР). Совершение же лицом нескольких однородных преступлений закон рассматривает не как совокупность преступлений, а как особый вид единого преступления. В одних случаях — это продолжаемые преступления, в других — собирательные, в частности, повторные.

Уже отсюда ясно значение, которое приобретает выяснение понятия однородности преступлений.

Закон прямо говорит в ряде случаев об однородности нескольких преступлений. Согласно ст. 44, не приводится в исполнение приговор к условному осуждению, если условно осужденный не совершит «нового однородного или не менее тяжкого преступления». Понятие однородности употребляется и в ст. 45 УК РСФСР. Условно-досрочно освобожденный подвергается усиленному наказанию только в случае совершения им «нового однородного или не менее тяжкого преступления» (ст. 54 УК РСФСР).

Однако и в других случаях, когда лицо, осужденное однажды, по отбытии наказания совершает вновь преступление, важно знать, однородно оно или различно с предыдущим преступлением. Если лицо, отбывшее наказание, совершает однородное преступление, то налицо специальный рецидив, который рассматривается как более опасный вид рецидивной преступности по сравнению с общим рецидивом, характеризующимся разнородностью преступного деяния с ранее совершенным.

Разумеется, вопрос об однородности, характерных признаках этого понятия не встает, если последующее преступление точно совпадает по всем элементам с предыдущим, если оба преступления аналогичны, тождественны, предусмотрены одной и той же нормой закона. Однако в общей массе повторно совершенных преступлений большое место занимают случаи, когда между отдельными преступлениями существуют различия.

Каковы же границы этого различия, когда мы можем сказать: данные преступления однородны или данные преступления разнородны?

Имеющиеся в литературе мнения по этому вопросу весьма разноречивы и часто противоречат одно другому. Так, во-первых, предлагаются определения, связывающие вопрос об однородности преступления прежде всего с объективными элементами состава (объект и объективная сторона). «Под однородным преступлением,— писал

профессор С. В. Познышев,— следует разуметь посягательство на такой же объект и по характеру своему представляющее того же рода воздействие на него»¹. Аналогичное, но более развернутое определение однородного преступления дано А. Н. Трайниным: «Однородными считаются преступления, в которых предметом посягательства является одна и та же группа нарушаемых интересов. А потому однородными преступлениями являются те, которые предусматриваются одними и теми же разделами Уголовного кодекса. Так, например, однородными между собой являются все имущественные преступления и т. п.»²

Согласно другой, противоположной точке зрения, хотя признак сходства объектов преступлений и имеет определенную ценность, «так как сходство это зачастую указывает на вкоренившееся в преступнике пренебрежение к общественным благам, охраняемым законом», все же «гораздо более существенным признаком является сходство в *мотивах*, породивших преступление, так как этот момент, относящийся к внутренней стороне деяния, лучше всего характеризует моральный и правовой уклад преступника»³.

И, наконец, существует точка зрения, совмещающая оба направления. «Под однородными следует понимать преступления, направленные на те же общественные отношения или совершенные из одних и тех же мотивов. Так судебная практика признавала однородными кражу и разбой, растрату и кражу («и то и другое преступление представляют собой посягательство на чужое имущество»). Напротив, неоднородными были признаны нанесение побоев и кража»⁴. Следует отметить, что эта точка зрения высказана применительно к действующему законодательству. В этом же духе дается определение однородности в докладе Председателя Верховного Суда СССР на Пленуме Верховного суда 4 марта 1961 г., который выразил мнение, что «под однородными следова-

¹ С. В. Познышев. Учебник уголовного права. М., 1923, стр. 273.

² А. Н. Трайнин. Уголовное право. Часть общая. М., 1929, стр. 285.

³ М. Гродзинский. Рецидив и привычная преступность. «Право и жизнь», кн. 5 и 6, 1923, стр. 63.

⁴ «Советское уголовное право». Часть общая. Изд. ЛГУ, 1960, стр. 517.

ло бы понимать преступления, посягающие на одинаковые или сходные объекты и совпадающие по формам вины»⁵. В Постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 3 декабря 1962 г. указывается, что «однородными следует считать такие преступления, которые были направлены на одинаковые или сходные непосредственные объекты и совершены оба умышленно или оба по неосторожности»⁶.

В диссертации Г. Т. Ткешелиадзе, специально посвященной проблеме совокупности преступлений, говорится, что для установления однородности преступлений «следует установить: 1) тождество (или сходство) объектов посягательства и 2) тождество (или сходство) содержания вины (в определенных случаях мотивов) преступного деяния»⁷.

Правильно решить вопрос, на наш взгляд, можно лишь детализируя понятие однородности, дифференцируя его. Мы не можем согласиться с тем, что «нельзя вкладывать различное содержание в термин однородность при решении вопросов о повторности и совокупности преступлений с одной стороны, и об условном осуждении, с другой стороны»⁸. Больше того, как мы попытаемся показать ниже, следует дифференцировать понятие однородности преступлений также и применительно, с одной стороны, к случаям совокупности, а с другой стороны, к случаям повторности.

Правила, предусмотренные для совокупности преступлений, должны применяться в случае отсутствия абсолютного тождества, одновидности преступлений. В законе это требование нашло свое выражение в виде указания на необходимость квалификации и назначения наказания по совокупности преступлений в случае совершения лицом «двух или более преступлений, предусмотренных различными статьями Особенной части Уголовного кодекса» (ст. 40 УК РСФСР). Таким образом, если одно преступление, входящее в число совершенных деяний, отлично от другого преступления настолько, что это за-

⁵ «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1961, № 3, стр. 3.

⁶ «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1962, № 6.

⁷ Г. Т. Ткешелиадзе. Ответственность при совокупности преступлений по советскому уголовному праву. Автореф. канд. дисс. Тбилиси, 1961, стр. 11.

⁸ Там же.

ставляет законодателя дать его отдельное описание в самостоятельной статье (или части статьи) закона, то в данном случае однородными (а точнее, одновидными) их признать нельзя. Несовпадение между собой любых имеющих юридическое значение признаков из числа признаков, характеризующих совершенные преступления, говорит о разнородности совершенных преступлений и, соответственно, о наличии совокупности таковых. Следовательно, два или несколько деяний образуют совокупность преступлений, отличающихся либо по объекту, либо по субъекту, либо по объективной или субъективной стороне. Более того, совокупность преступлений будет и в том случае, когда при созпадении всех четырех перечисленных групп признаков одно преступление отличается от другого по какому-либо квалифицирующему признаку (скажем, по степени тяжести последствий, если, разумеется, закон учитывает этот признак в качестве квалифицирующего).

Когда преступления не тождественны, то следовательно, налицо совокупность преступлений. Значит, применительно к случаям совокупности решение вопроса об однородности или разнородности входящих в эту совокупность преступлений — это по существу вопрос о наличии или отсутствии тождества этих деяний.

Иное дело — понятие однородности применительно к правилам, действующим в отношении повторности. Конечно, общим правилом квалификации повторных деяний является правило о том, что преступление квалифицируется как повторное в том случае, если ему предшествует точно такое же преступление. Так, кража будет повторной прежде всего в случае, если ей предшествовала такая же кража. Однако по сравнению со случаями совокупности преступлений понятие однородности здесь заметно расширяется. Так, согласно примечаниям к ст. 89 и 144 УК РСФСР, целый ряд преступлений против социалистической и личной собственности следует квалифицировать как повторные не только в случае, когда ранее совершается то же самое преступление, но также и в случае, когда предшествующее преступление отличается от него и по объекту посягательства (виду собственности), и по объективной стороне (способу действия). Однородность преступлений в этом случае проявляется в том, что все эти преступления носят

корыстный характер и направлены на завладение имуществом, независимо от его вида (государственное, общественное или личное). Так, в примечании к ст. 89 УК РСФСР говорится, что повторным в ст. 89 (хищение государственного или общественного имущества, совершенное путем кражи), 90 (хищение государственного или общественного имущества, совершенное путем грабежа), 92 (хищение государственного или общественного имущества путем присвоения или растраты либо путем злоупотребления служебным положением) и 93 (хищение государственного или общественного имущества путем мошенничества) признается преступление, совершенное лицом, ранее совершившим какое-либо из преступлений, предусмотренных этими статьями либо ст. 77 (бандитизм), 91 (разбой с целью завладения государственным или общественным имуществом), 93¹ (хищение в особо крупных размерах), 144 (кража личного имущества), 145 (грабеж личного имущества), 146 (разбой с целью завладения личным имуществом), 147 (мошенничество, направленное на завладение личным имуществом).

Примечание к ст. 144 УК РСФСР указывает, что повторным в ст. 144 (кража личной собственности), 145 (грабеж личного имущества) и 147 (мошенничество, направленное на завладение личным имуществом) признается преступление, совершенное лицом, ранее совершившим какое-либо из преступлений, предусмотренных этими статьями, либо ст. 77 (бандитизм), 89 (кража социалистической собственности), 90 (грабеж социалистического имущества), 91 (разбой с целью завладения государственным или общественным имуществом), 92 (хищение социалистической собственности путем присвоения, растраты, злоупотребления служебным положением), 93 (хищение государственного или общественного имущества, совершенное путем мошенничества), 93¹ (хищение государственного или общественного имущества в особо крупных размерах), 146 (разбой с целью завладения личной собственностью).

Таким образом, согласно этим нормам, хищение государственного или общественного имущества, совершенное путем кражи, такого же рода хищение, совершенное путем грабежа, путем присвоения или растраты или злоупотребления служебным положением, путем мошенни-

чества, признается повторным как в случае, если ему предшествовало совершение этих же преступлений, так и в случае совершения ранее лицом бандитизма, разбойного нападения с целью завладения государственным или общественным имуществом, хищения в особо крупных размерах, а также кражи, грабежа, разбоя и мошенничества, посягающих на личную собственность граждан.

Кража, грабеж и мошенничество, посягающие на личную собственность, признаются совершенными повторно не только в случае, если ранее было совершено какое-либо из этих преступлений, но также и в случае, если ранее лицо совершало бандитизм, кражу, грабеж, разбой, присвоение, растрату или хищение путем злоупотребления служебным положением и мошенничество, посягающие на государственное или общественное имущество, хищение в особо крупных размерах, а также разбой с целью завладения личным имуществом граждан.

Разбой, посягающий как на государственное или общественное имущество, так и на личную собственность, квалифицируется как повторный, если ему предшествует такое же преступление (независимо от форм собственности), либо если ранее лицо совершило бандитизм.

Таким образом, действующий закон значительно расширил понятие повторности, расценив как однородные, не только тождественные, но и иные — сходные преступления, отнеся к однородным преступлениям фактически все формы хищений как личной, так и социалистической собственности⁹.

Приходится констатировать, что по вопросу квалификации повторных преступлений законодательство, и в особенности его истолкование, изменяется, часто достаточно радикально и в сравнительно небольшие сроки.

Первые уголовные кодексы (1922 и 1926 гг.) вообще не подразделяли хищение в зависимости от вида похищаемого имущества. Имелся состав кражи (ст. 180 УК 1922 г. и ст. 162 УК 1926 г.), а также состав присвоения

⁹ «...В основу повторности как квалифицирующего признака некоторых преступлений, представляющих повышенную опасность, положена не формальная однородность этих преступлений, а фактическая их однородность с учетом их направленности на определенный объект, способа и мотивов их совершения (примечание к ст. 89 и ст. 144 о понятии повторности применительно к краже, грабежу, разбою и мошенничеству). А. С. Шляпников. Материалы научной сессии ВИЮН. Новое уголовное законодательство РСФСР. Юсюриздат, 1961, стр. 180.

или растраты (ст. 113 УК 1922 г. и ст. 116 УК 1926 г.). Квалифицированным видом кражи, согласно ранее действовавшему УК РСФСР 1926 г., признавалась кража, совершенная из государственных складов и хранилищ. В Постановлении от 7 августа 1932 г. впервые в качестве самостоятельного состава было выделено хищение государственного имущества. Указы от 4 ноября 1947 г. в более отчетливой форме выразили эту же идею — конструировать в качестве самостоятельного преступления хищение имущества в зависимости от его вида (отдельно — личное, государственное, общественное имущество). Акцент на объект посягательства был так значителен, что характер объективной стороны указанных преступлений во внимание почти не принимался. Это выразилось не только в том, что одинаково квалифицировались, например, и присвоение или растрата, совершенные должностным лицом, и разбойное нападение с целью завладения государственным имуществом, но и в том, что вообще перечень способов был не исчерпывающим, а примерным («... и иное хищение»).

Действующий Уголовный кодекс РСФСР дал развернутое описание составов хищения, подразделяя их по характеру, по методам совершения этого преступления, а также в зависимости от вида похищаемого имущества (государственное и общественное или личное).

Согласно ранее действовавшим уголовным кодексам 1922 и 1926 гг., повторным хищение признавалось только в том случае, если ранее ему предшествовало точно такое же хищение (и по объекту, и по объективной стороне). После выделения посягательства на государственное (и общественное) имущество в самостоятельный состав встал вопрос — будет ли повторным хищение личной собственности, если ему предшествовало хищение государственного имущества, и наоборот? Пленум Верховного Суда СССР в Постановлении от 6 мая 1952 г. указал, что «при разрешении вопроса о повторности хищения суды должны учитывать, что последующее хищение государственного или общественного имущества должно квалифицироваться как повторное независимо от того, предшествовало ли ему хищение государственного, общественного или личного имущества»¹⁰.

¹⁰ «Судебная практика Верховного Суда СССР», 1952, № 6, стр. 3—4.

В Постановлении от 28 мая 1954 г. Пленум Верховного Суда СССР радикально изменил это положение, указав на то, что «хищение государственного или общественного имущества должно рассматриваться как повторное, если ранее было также совершено хищение государственного или общественного имущества»¹¹.

И, наконец, действующий закон при определении хищения в качестве повторного полностью игнорирует вид собственности, на которую посягало лицо в ходе совершения предыдущего преступления, т. е. законодательство в этом вопросе вновь вернулось к позиции 1952 г.

Следует признать, что основная тенденция в данном вопросе сводится к игнорированию вида собственности, на которую посягает расхититель, при конструировании понятия повторности. Следовательно, повторными признаются в данном случае преступления, посягающие как на личную собственность, так и на государственную. Значит, для того чтобы признать наличие повторности, не требуется тождества объектов соответствующих посягательств, достаточно лишь их однородности, т. е. того, что оба раза лицо посягает на **собственность** независимо от ее вида.

Однако не только признаки объекта, но также и признаки объективной стороны подвергаются расширительному толкованию при определении повторности преступлений.

Как уже говорилось, объективные характеристики различных видов хищения государственного и общественного имущества, способы их совершения до принятия действующего законодательства вообще не принимались во внимание при определении повторности хищений государственного имущества. С посягательствами на личную собственность дело обстоит несколько иначе, так как Указ от 4 июня 1947 г. «Об усилении охраны личной собственности граждан» сохранил деление преступлений указанного рода на виды в зависимости от характера объективной стороны соответствующих преступлений (кража и разбой). В 1948 г. высказывалось мнение о том, что «по Указу от 4 июня 1947 г. „Об усилении охраны личной собственности граждан“ повторной может быть

¹¹ «Судебная практика Верховного Суда СССР» 1954, № 4, стр. 2.

лишь кража, совершенная после кражи, но не кража, совершенная после мошенничества или растраты. Повторным может быть разбой, совершенный после разбоя, но не разбой после кражи или иного имущественного преступления»¹². Тем не менее на практике в случае, когда лицо вначале совершило разбойное нападение, а затем кражу, это последнее преступление квалифицировалось как повторное.

Действующее законодательство точно так же расширительно толкует понятие однородности объективной стороны преступлений, образующих повторность, и здесь, как и в отношении объекта, не требует тождества объективной стороны соответствующих составов, а удовлетворяется их однородностью, тем, что в обоих случаях имеет место посягательство на имущество, направленное на завладение им, независимо от способа, которым совершается это преступление.

Установление действующим законодательством правила квалификации в качестве повторных преступлений, посягающих на социалистическую и личную собственность, имеет вместе с тем еще одну, очень важную особенность. Эта особенность заключается в том, что для соответствующей действующему закону квалификации совершенных лицом двух или более преступлений существенное значение имеет последовательность их совершения и соотношение их друг с другом. И в зависимости от того, какое именно преступление совершено раньше, а какое позже, действующий закон либо признает, либо не признает наличие повторности. При этом менее опасные преступления признаются повторными в случае, если им предшествуют точно такие же или более общественно опасные преступления.

Ряд составов преступлений — кражу, грабеж, мошенничество, присвоение или растрату, или злоупотребление служебным положением с целью завладения социалистической собственностью — закон рассматривает с точки зрения квалификации повторных преступлений в качестве равноценных по степени общественной опасности. Поэтому совершение одного из этих преступлений после ранее уже совершенного любого из этих преступлений

¹² М. М. Исаев. Вопросы уголовного права и уголовного процесса в судебной практике Верховного Суда СССР. Юриздат, 1948, стр. 134.

образует повторность независимо от того, какое преступление совершено раньше и какое позже. Так, кража будет повторной после грабежа, грабеж — после мошенничества и т. д.

Два более опасных состава — разбой и бандитизм — подпадают под данное законом понятие повторности: повторными они будут, если им предшествовали также разбой или бандитизм; если разбой и бандитизм предшествуют краже, мошенничеству, грабежу, присвоению или растрате, то эти последние также будут повторными; если же вначале совершены кража, мошенничество, грабеж, присвоение или растрата, а затем — разбой и бандитизм, то повторными разбой и бандитизм не признаются.

И в отношении этих двух опасных преступлений (разбоя и бандитизма) действует то же правило. Разбой менее опасен, чем бандитизм, поэтому если ему предшествует совершение бандитизма, он признается повторным. Однако бандитизм, совершенный после разбойного нападения, повторным по закону признан быть не может.

Вместе с тем при квалификации в качестве повторных составов разбираемых преступлений необходимо различать те случаи, когда во второй (или последующий) раз совершается преступление, предусмотренное той же самой статьей закона, от случаев, когда повторным признается преступление, предусмотренное другой статьей закона. В первом случае, когда одной статьей закона охватываются оба преступления (например, кража личной собственности и в первый, и во второй раз), все содеянное квалифицируется как кража, совершенная повторно, по ч. 2 ст. 144 УК РСФСР. Если же преступления предусмотрены разными статьями кодекса (например, в первый раз кража личной собственности, а во второй раз кража государственного имущества), то оба преступления квалифицируются отдельно по соответствующим статьям закона, так, как это предусмотрено для случаев совокупности преступлений; при этом первое преступление квалифицируется по части статьи, предусматривающей ответственность за совершение данного преступления впервые, а последующее — по части соответствующей статьи, предусматривающей ответственность за совершение деяния повторно. В приведенном примере все содеянное должно квалифицироваться по ч. 1 ст. 144 и ч. 2 ст. 89 УК РСФСР. Здесь одновременно применяется правило

о повторности (примечания к ст. 89 и 144 УК РСФСР) и о совокупности преступлений (ст. 40 УК РСФСР). То же самое бывает и при квалификации повторного убийства (п. «и» ст. 102 УК РСФСР).

Таким образом, и в этом вопросе законодательство воспроизвело точку зрения, высказанную в Постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 6 мая 1952 г. о том, что последующее хищение в данной ситуации квалифицируется как повторное, а наказание за оба преступления определяется по совокупности¹³.

Аналогично решается вопрос о повторности в отношении умышленного убийства. Здесь законодатель также расширяет понятие однородности преступлений, считая убийство повторным не только когда оба раза совершается квалифицированное убийство (ст. 102 УК РСФСР), но и когда одно из совершенных преступлений представляет собой умышленное убийство, совершенное без отягчающих обстоятельств (ст. 103 УК РСФСР), расценив, следовательно, в качестве однородных простое и квалифицированное убийство. Однако если оба эти преступления совершены до рассмотрения дела судом и суд должен осудить преступника сразу за два преступления, то, поскольку они предусмотрены разными статьями кодекса (102 и 103 УК РСФСР), необходимо применить одновременно и правило о повторности преступлений

¹³ В связи с принятием новой нормы об ответственности за хищение социалистической собственности (ст. 93¹ УК РСФСР), где ответственность за хищение была резко повышена в связи с размерами похищенного и независимо от форм и способов совершения хищения, Верховный Суд СССР постановил, что ответственность по этой статье «должна наступать и в тех случаях, когда особо крупный размер похищенного явился результатом нескольких хищений, совершенных в различных формах» (Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 31 марта 1962 г. «О судебной практике по делам о хищениях государственного и общественного имущества». — «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1962, № 3, стр. 32). С другой стороны, ч. 2 ст. 96 УК РСФСР говорит о мелком хищении, признавая его повторным, если оно совершено лицом, ранее совершившим хищение государственного или общественного имущества и личного имущества граждан, независимо от способа хищения, либо разбой (ст. 89—93¹, 96, 144—147). Следовательно, в отношении «полярных» составов — хищения в особо крупных размерах и мелкого хищения — законодательство отходит от наметившейся линии на конструирование отдельных видов хищения в зависимости от его способов и создает фактически в отношении данных составов вновь общее понятие хищения и соответствующую общую конструкцию повторности.

(квалифицировав последнее преступление по п. «и» ст. 102) и правило о совокупности преступлений (ст. 40 УК РСФСР). Таким образом, расширение границ сходства между повторными преступлениями, переход от тождества к однородности соответствующих составов при условии, что оба преступления совершены до вынесения приговора по любому из них, влечет за собой одновременное применение, сочетание правил, относящихся и к повторности, и к совокупности преступлений.

Естественно, такого сочетания нет, если оба совершенных лицом преступления тождественны, предусмотрены одной и той же статьей закона, либо если за одно из этих преступлений лицо уже было осуждено и налицо — рецидив, который в ряде случаев рассматривается законодателем как квалифицирующее обстоятельство.

Это отождествление случаев, когда лицо совершает два преступления до суда (повторность), со случаями, когда лицо совершает последующее преступление после осуждения за предыдущее (рецидив), проистекает от употребления законом в ряде случаев термина «совершение предыдущего преступления» в отличие от термина «осуждение за предыдущее преступление».

Правда, целый ряд статей уголовных кодексов считает квалифицирующим признаком «осуждение за предыдущее преступление». Таковы ст. 70 (антисоветская агитация и пропаганда), 130 (клевета), 131 (оскорбление), 156 (обман покупателей), 173 (получение взятки), 174 (дача взятки), 206 (злостное хулиганство) УК РСФСР. Однако большая часть статей говорит просто о «совершении предыдущего преступления». Таковы ст. 89 и 144 (кража), 90 и 145 (грабеж), 91 и 146 (разбой), 92 (присвоение, растрата, злоупотребление), 93 и 147 (мошеничество), 102 (умышленное убийство), 116 (производство незаконного аборта) и ст. 117 (изнасилование) УК РСФСР. Разъяснение термина «совершение предыдущего преступления» дано в Постановлении Пленума Верховного Суда РСФСР от 7 сентября 1961 г. «Разъяснить судам, что в соответствии с примечанием к ст. 89 УК РСФСР хищение государственного или общественного имущества признается повторным независимо от того, был ли виновный осужден ранее за одно из этих хищений...» 14.

Следует отметить, однако, что эта точка зрения не является единственной. В 1929 г. высказывалось мнение о том, что «при попытке установить мысль законодателя кажется необходимым прийти к выводу, что повторность внешне тождественна с рецидивом и что она предполагает во всяком случае совершение нового общественно опасного деяния по отбытии меры социальной защиты за первое деяние»¹⁵.

Противоположная позиция содержалась в Постановлении Пленума Верховного Суда УССР от 20 декабря 1927 г., который полагал, что «повторность совершения преступлений надлежит понимать так, что момент первоначального осуждения, замена или отбытие меры социальной защиты для определения повторности значения не имеет, достаточно того, что преступление совершено после иного однородного, ранее совершенного преступления, какие бы при этом процессуальные обстоятельства не заключались между совершением одного из последующих преступлений»¹⁶.

В 1930 г. эта точка зрения нашла свое выражение в новой редакции ст. 47 УК РСФСР 1926 г., где в п. «в¹» было записано, что в качестве отягчающего обстоятельства признается «совершение преступления лицом, уже ранее совершившим какое-либо преступление, кроме случаев, когда данное лицо признается несудившимся... или когда со дня совершения первого преступления либо вынесения по нему приговора истекли давностные сроки».

В 1948 г. вновь появилась необходимость подтвердить, что «повторность как квалифицирующий признак следует применять как в тех случаях, когда подсудимый имеет уже судимость за ранее совершенное хищение, так и в тех случаях, когда суд установит, что подсудимый совершил два хищения и более, хотя бы и не был осужден

¹⁵ А. Н. Трайнин. Уголовное право. Часть общая.

¹⁶ «Вестник советской юстиции», 1928, № 1. Высказывались и еще более крайние взгляды, например о том, что для повторности «не требуется, чтобы относительно первого преступления был вынесен ранее судебный приговор; решающим здесь является самый факт совершения двух (или более) преступлений, почему достаточно, чтобы преступления эти были установлены судом хотя бы в одном приговоре; положение не меняется и в том случае, когда первое преступление покрыто давностью, помилованием или амнистией» (М. М. Гродзинский. Привычная и профессиональная преступность. «Вестник советской юстиции», 1924, № 12, стр. 339).

ранее ни за одно из этих хищений»¹⁷. Правда, это Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 19 марта 1948 г. было отменено Постановлением Пленума Верховного Суда СССР от 4 декабря 1953 г., однако введенная норма, как мы уже отмечали, вновь воспроизведена в Постановлении Пленума Верховного Суда РСФСР от 7 сентября 1961 г.

Как видим, понимание характера однородности в связи с повторностью преступлений достаточно противоречиво. Безусловно, можно понять стремление законодательства и практики расширить это понятие. Действительно, допустим, лицо совершает кражу вначале личного, а затем государственного имущества. При суженном понятии однородности преступлений, при сведении однородности к тождественности лицо должно было бы быть осуждено по правилам о совокупности по ч. 1 ст. 89 УК РСФСР максимум на срок до одного года лишения свободы и по ч. 1 ст. 144 УК РСФСР — на тот же срок. Стоило же указанному субъекту совершить кражу личного имущества и в первый, и во второй раз (т. е. совершить в принципе менее опасное преступление), как за второе преступление он мог бы быть наказан уже по ч. 2 ст. 144 УК РСФСР, т. е. лишением свободы на срок до пяти лет.

В стремлении избежать такого положения, примечания к ст. 89 и 144 УК РСФСР как раз и расширяют понятие однородности преступлений, признавая повторным посягательство на имущество независимо от вида собственности (государственная, общественная или личная), на которую посягает преступник.

Сложнее обстоит дело с расширением понятия однородности преступлений за счет игнорирования различий между этими преступлениями в зависимости от характера их объективной стороны, в зависимости от метода их совершения (кража считается повторной после мошенничества, присвоение после грабежа и т. д.). Возникает чисто логическое противоречие: суд вынужден записать в приговоре, что лицо осуждается за повторную кражу, хотя бы в первый раз оно совершило, например, мошенничество. Более того, суд должен будет по правилам о совокупности преступлений квалифицировать каждое преступление отдельно и, следовательно, в приговоре

¹⁷ М. М. Исаев. Указ. соч., стр. 122—123.

должно быть указано, что виновный совершил мошенничество и повторную кражу, т. е., строго говоря, это будет выглядеть так, как будто субъект совершил не два, а три преступления (мошенничество и две кражи).

Однако примечания к ст. 89 и 144 УК РСФСР, как мы видели, признают кражу и другие преступления, равные примерно по степени общественной опасности, повторными после совершения разбоя или бандитизма. Здесь положение усложняется еще более. То логическое противоречие, которое в определенной степени было присуще и двум вышеупомянутым вариантам, выступает здесь в достаточно наглядной форме. Речь идет о том, что при таком расширении понятия однородности и, следовательно, повторности преступлений получается, что в зависимости от такого чисто случайного обстоятельства, как последовательность совершения обоих преступлений во времени, значительно изменится размер наказания за эти преступления.

Допустим, лицо совершит вначале кражу, затем разбой. В этом случае за первую кражу по ч. 1 ст. 144 УК РСФСР ему может быть назначено наказание на срок до одного года лишения свободы и за разбой по ч. 1 ст. 146 — до десяти лет. Стоит же поменять преступления местами (вначале разбой, затем кража), как кража уже будет признана повторной и наказание за кражу может быть назначено уже на срок до пяти лет. Напомним, что по правилам о назначении наказания по совокупности преступлений «суд, назначив наказание отдельно за каждое преступление, окончательно назначает наказание по их совокупности путем поглощения менее строгого наказания более строгим либо путем полного или частичного сложения назначенных наказаний в пределах, установленных статьей, предусматривающей более строгое наказание» (ст. 40 УК РСФСР). Ясно, что окончательное назначение наказания во втором случае будет, по-видимому, по сравнению с первым случаем более суровым (до одного года и до десяти лет, с одной стороны, и до пяти и десяти лет — с другой).

Получается, следовательно, что если лицо от более опасного преступления (разбоя) переходит к менее опасному (краже), это последнее расценивается как повторное, и лицо может быть наказано строже, чем если бы оно от менее опасного деяния (кражи) перешло к со-

вершению более тяжкого преступления (разбоя), хотя, по-видимому, в последнем случае возрастание степени общественной опасности совершаемых деяний может свидетельствовать об обратном, а именно о том, что как раз здесь налицо более опасный преступник, чем в первом случае.

И опять-таки, если кража признается повторной, если она совершена после разбоя и в приговоре, следовательно, фигурирует обвинение в разбое и повторной краже, трудно избавиться от впечатления, что речь идет не о двух преступлениях, как это было в действительности (разбое и краже), а о трех деликтах (разбое и двух кражах). И в самом деле, допустим, что субъект фактически совершает три преступления — вначале две кражи, затем разбой. Он, следовательно, должен быть осужден по закону за повторную кражу и разбой. Таким образом, в этом случае и квалификация содеянного, и рамки возможного наказания ничем не будут отличаться от первого варианта, т. е. от случая совершения двух преступлений — вначале разбоя, затем кражи (так как и здесь лицо должно быть осуждено за разбой и повторную кражу). Получается, что «выгодней» совершить вначале менее опасное деяние (кражу), а затем — более опасное (разбой).

То же самое положение складывается и при квалификации по действующим правилам в качестве повторного такого преступления, как разбой. Если субъект вначале совершает два разбойных нападения, а затем — бандитизм (три преступления), он осуждается за повторный разбой и бандитизм. Однако точно так же он будет осужден, если совершит два преступления (вначале бандитизм, затем разбой), так как и здесь он осуждается за бандитизм и повторный разбой. Мы уже не говорим о затруднениях, возникающих в связи с количественным учетом преступности по видам преступлений (создается положение, когда, с одной стороны, от простой перемены мест слагаемых резко меняется сумма, а с другой стороны, сумма остается неизменной при реальном увеличении одного из слагаемых).

Нетрудно заметить, что это противоречие возникает в связи с двумя особенностями, присущими расширительному толкованию понятия повторности, а именно: признанием повторными различных (хотя и однородных)

преступлений, а также тем, что действующее законодательство (а точнее — толкование действующего законодательства) рассматривает в ряде случаев в качестве повторных такие неоднократные тождественные преступные действия, которые все были совершены до рассмотрения в суде, и ни за одно из которых лицо, следовательно, еще не было осуждено.

Мы уже говорили о логическом несоответствии, возникающем, когда кражу, совершенную после мошенничества, суд должен считать повторной кражей. Ясно, что в данном случае действительно совершается повторное преступление, можно даже сказать имущественное, корыстное преступление, но все же, по-видимому, кража этой ситуации фактически совершается впервые. Совершены два различных преступления — мошенничество и кража; ситуации такого рода в принципе должны были бы подпадать под действие только ст. 40 УК РСФСР (совокупность преступлений), и тогда такой случайный фактор, как последовательность совершения этих преступлений во времени, не вел бы ко всем тем осложнениям, о которых говорилось выше.

Более того, если и в первый и во второй раз субъект совершил два тождественных преступных акта, можно ли говорить, что он совершил два преступления? Не вернее ли сказать, что он совершил одно преступление, но «в два приема»? Конечно, можно, сказать, что человек совершил два убийства (убив двоих). Но можно сказать также, что он совершил одно преступление — убийство с особо отягчающими обстоятельствами (ст. 102 УК РСФСР в пункте «з» говорит об умышленном убийстве «двух или более лиц»).

В ряде случаев совершение нескольких однородных преступлений закон рассматривает как особый вид единого преступления, однако в других случаях, не имеющих, на наш взгляд, принципиального отличия в этом смысле от случаев первого рода, закон рассматривает подобные преступления как собирательные, в частности повторные.

Это противоречие вытекает, очевидно, из сложной природы самого преступления. Оно связано, в частности, с тем, что, как правильно отмечает В. Н. Кудрявцев, «преступление — это не застывшее статическое явление, а процесс, развертывающийся в пространстве и времени.

Оно включает более или менее продолжительное и разнообразное поведение человека»¹⁸. Важно подчеркнуть, что в случае, когда налицо ряд тождественных актов, заслуживающих единообразной юридической оценки, т. е. укладываемых в рамки состава конкретного преступления, логически и по существу можно говорить не о наличии двух, трех и т. д. отдельных преступлений, а об одном преступлении, слагающемся из ряда единообразных актов. Повторным же в этом случае прежде всего могло быть признано однородное преступление, совершенное после осуждения за предыдущее деяние.

В случае же совершения лицом до осуждения двух (или более) тождественных преступных актов, тождественных по всем элементам состава преступления, следовало бы говорить не о повторности, а об особой разновидности единого преступления — так называемых продолжаемых преступлениях, которые включают ряд однородных действий, каждое из которых, будучи взято само по себе, могло бы образовать самостоятельное преступление. В совокупности эти действия образуют единое преступление потому, что они совершаются одним и тем же субъектом, направлены к единой цели и посвящают на одну группу общественных отношений¹⁹. Следует согласиться с мнением о том, что «продолжаемое преступление — единое преступление, и его единство не может быть нарушено моментом повторности»²⁰.

Наибольшее практическое значение имеет решение данного вопроса при квалификации такого преступления, как совершение растраты в несколько приемов в течение определенного времени. В литературе высказывалось мнение о том, что «от повторности совершения хищения следует отличать *продолжаемые* хищения, которые встречаются в практике. Такова, например, растрата должностным лицом вверенных ему средств, совершаемая по частям в течение известного, иногда длительного отрезка времени.

Продолжаемое преступление, основным признаком которого является совершение посягательства на один и тот же объект путем ряда однородных актов, должно

¹⁸ В. Н. Кудрявцев. Объективная сторона преступления. Госиздат, 1960, стр. 9.

¹⁹ Там же, стр. 70.

²⁰ Г. Т. Ткешелиадзе. Указ. соч., стр. 8.

рассматриваться как одно преступление»²¹. Это мнение подвергалось критике, однако оно нашло подтверждение в судебной практике 1953—1961 гг. В литературе указывалось, что в случае, когда «хищение государственных средств совершалось систематически в течение продолжительного времени, практика стала рассматривать эти хищения не как повторное, а как единое хищение»²².

Правда, в цитированной статье Н. Д. Дурманов ограничивал применение понятия продолжаемого преступления к хищениям, говоря, что «совершение двух или более краж в разное время, совершение растраты последовательно в двух учреждениях не могут рассматриваться в качестве одного продолжаемого хищения»²³. Однако в 1961 г. Верховный Суд РСФСР не только вернулся в данном вопросе к позициям 1947 г., но и пошел еще дальше, постановив признавать хищения повторными «независимо от того... совершались ли они неоднократно из одного источника»²⁴.

Все же более обоснованной нам представляется приведенная выше точка зрения Н. Д. Дурманова. Причем следует тут же подчеркнуть, что отрицание повторности в указанном варианте отнюдь не ведет к ослаблению борьбы с таким опасным видом преступления, как хищение государственного имущества, так как в соответствии с постановлением Пленума Верховного Суда РСФСР «действия лиц, совершивших несколько хищений государственного или общественного имущества, причинивших в общей сложности ущерб в крупном размере, следует квалифицировать не как повторное хищение, а как хищение в крупном размере»²⁵.

Верховный Суд СССР также указал, что «неоднократные мелкие хищения государственного или общественного имущества, совершенные из одного и того же

²¹ Н. Д. Дурманов. Наказуемость хищения государственного и общественного имущества, кражи личного имущества и разбой по указам от 4 июня 1947 г. «Социалистическая законность», 1947, № 10, стр. 7.

²² А. А. Пионтковский. Учение о преступлении. Госюриздат, 1961, стр. 637.

²³ Н. Д. Дурманов. Указ. статья, стр. 7.

²⁴ Постановление Пленума Верховного Суда РСФСР от 7 сентября 1961 г. «Бюллетень Верховного Суда РСФСР», 1961, № 3, стр. 7.

²⁵ Там же.

источника или при иных обстоятельствах, свидетельствующих о едином умысле виновного, в случаях, когда общий размер похищенного превышает пределы, характерные для мелкого хищения, должны рассматриваться как единое продолжаемое преступление и квалифицироваться как кража, присвоение или иная форма хищения в значительном или крупном размере по соответствующим статьям УК союзных республик»²⁶.

Однако, если даже отсутствует крупный размер похищенного в целом, хотя бы имущество похищалось и не сразу, а по частям, на наш взгляд, также нет оснований говорить о повторности, а нужно говорить лишь о продолжаемом преступлении. Вместе с тем представляется по основаниям, изложенным выше, что и ко всем остальным преступлениям, когда они совершаются в виде ряда тождественных актов и удовлетворяют соответствующие условия (единство умысла и т. д.), также должно применяться правило о квалификации продолжаемых преступлений, т. е. они должны рассматриваться, как особый вид единого (единичного) деяния. Это будет означать, что понятие повторности несколько сузится, дав место применению в соответствующих случаях правила квалификации продолжаемого преступления. Разумеется, такое предложение потребовало бы нового компетентного истолкования понятия повторности. Примечания к ст. 89 и 144 УК РСФСР, давая определение повторности, употребляют для этой цели термин «совершение» предыдущего преступления. Представляется целесообразным обсудить вопрос о замене этого чрезмерно широкого термина более узким: термином «осуждение» за совершение предыдущего преступления.

Следует также попытаться отграничить случаи, когда два тождественных преступных акта следует квалифицировать как повторение преступлений, от такой ситуации, когда ряд однородных актов должен рассматриваться в качестве единого продолжаемого преступления.

Продолжаемое преступление не отличается от повторного по внешним объективным и субъективным при-

²⁶ Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 31 марта 1962 г. «О судебной практике по делам о хищениях государственного и общественного имущества». — «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1962, № 3, стр. 32.

знакам совершаемых лицом деяний (и в том и в другом случае лицо может совершить ряд одинаковых по степени общественной опасности актов, тем же способом, посягая на тот же объект, в рамках той же формы вины). Фактор времени не может быть признан решающим, так как часто бывает случайным.

В литературе в качестве признака единого продолжаемого преступления предлагается такой признак, как «единство конечного преступного результата»²⁷, «тесная объективная и субъективная связь»²⁸, направленность к «единой цели», посягательство «на одну группу общественных отношений»²⁹.

История развития советского уголовного законодательства показывает, что под повторением преступлений, влекущим усиление наказания, закон (и его истолкователи) часто понимали только рецидив. Так, в протесте, принесенном на приговор выездной сессии Губсуда от 5 марта 1924 г.³⁰, подчеркивалось значение точного установления признаков рецидива, ибо «подводить... несколько однородных преступных деяний, совершенных преступником в течение определенного времени, под понятие рецидива или признавать его «аналогичным рецидивом» без прежней судимости подсудимого, хотя бы и в отдаленном прошлом, нельзя, так как понятие рецидива, как влекущее за собой повышение наказания, не допускает распространительного толкования»³¹. В 1925 г. понятие повторности ограничивалось случаями рецидива. Так, в Комментарий к УК РСФСР 1922 г. говорилось, что «толкование различных статей УК дает возможность считать рецидивом повторное совершение того же самого или однородного преступления, за которое наказание было отбыто ранее, вполне или отчасти (при условном освобождении или помиловании). За такое понимание рецидива говорит амнистия, изданная в пятую годовщину Октябрьской революции, запрещающая распространять льготы на лиц, осужденных за повторное соверше-

²⁷ А. А. Пионтковский. Указ. соч., стр. 633.

²⁸ Г. Т. Ткешеладзе. Указ. соч., стр. 8.

²⁹ В. Н. Кудрявцев. Указ. соч., стр. 70.

³⁰ «Вопросы уголовного права и процесса в постановлениях Пленума Верховного Суда УССР, 1 января 1923 г.—1 января 1928 г.» Юриздат, НКО УССР, 1928, стр. 89—90.

³¹ Там же.

ние какого-либо преступления, за которое осужденный ранее отбывал уже наказание»³².

И позднее, Верховный Суд РСФСР определением от 13 ноября 1930 г. подтвердил, что усиливать наказание суд вправе только в случае, если налицо не просто повторение преступления, а рецидив, т. е. только при наличии ранее состоявшегося приговора³³.

В ст. 25 УК РСФСР 1922 г. и в ст. 31 Основных начал уголовного законодательства СССР и союзных республик (в редакции 1924 г.) как об обстоятельстве, дающем суду основание для применения более строгого наказания, говорилось именно о рецидиве, а не просто о повторности. Пункт «е» ст. 25 УК РСФСР 1922 г. в первоначальной редакции предлагал суду определять, «совершено ли преступление профессиональным преступником или рецидивистом или оно совершено в первый раз». Пункт «г» ст. 31 Основных начал в первоначальной редакции предусматривал усиление наказания, если преступление совершено «группой, бандой или рецидивистом».

Однако в 1929 г. этот пункт ст. 31 Основных начал был изменен. Из него были исключены слова «или рецидивистом». Взамен этого был введен дополнительный пункт, где говорилось о применении судом более строгой меры, «если преступление совершено лицом, уже ранее совершившим какое-либо преступление, кроме случаев, когда данное лицо признается не судившимся (ст. 10), или когда с момента совершения первого преступления, либо вынесения по нему приговора истекли давностные сроки».

Здесь было законодательно расширено понятие повторности. Действительно, согласно приведенной нормы, отягчает вину факт совершения ранее преступления, независимо от того, было ли лицо осуждено за него и отбывало ли наказание (рецидив), либо оно судится впервые за оба преступления.

Уголовный кодекс РСФСР 1926 г., перечисляя отягчающие обстоятельства, в отличие от первоначальной редакции соответствующей нормы Основных начал и

³² М. Н. Гернет, А. П. Жижиленко, М. М. Исаев, Р. И. Люблинский, И. А. Трайнин. Уголовный кодекс. Практический комментарий. М., 1925, стр. 75.

³³ «Судебная практика РСФСР», 1931, № 1, стр. 22.

Уголовного кодекса 1922 г. говорил уже не о рецидиве, а просто о повторности. И только в 1958 г. Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик, а затем УК РСФСР 1960 г. вновь ввели нормы, регулирующие наказание рецидивистов. Однако расширенное понятие повторности, включающее в себя как понятие рецидива, так и в ряде случаев понятие продолжаемого преступления, применяется и в настоящее время, приводя, как мы попытались показать выше, к определенным затруднениям в решении вопросов квалификации преступлений.

В заключение следует остановиться на тех случаях повторности, когда, согласно ряду норм действующего УК РСФСР, признается преступлением совершение во второй (или в третий) раз деяния, которое, будучи совершено впервые, наказывается либо единолично судьей (мелкая кража, спекуляция, хулиганство), либо в административном порядке (бродяжничество, попрошайничество), либо в дисциплинарном порядке (самовольная отлучка). В этих случаях мы имеем дело со своеобразной формой повторности, когда преступление складывается из ряда однородных менее опасных деяний (ч. 3 ст. 154, ч. 3 ст. 206, ст. 209, п. «а» ст. 245 УК РСФСР и др.).

При решении вопроса о квалификации указанных деяний в качестве преступлений необходимо учитывать следующие положения:

1. Закон предусматривает, что менее опасные деяния, из которых складываются указанные преступления, должны быть совершены в определенном минимальном количестве: для квалификации, например, хулиганства в качестве преступления, караемого по ч. 3 ст. 206 УК РСФСР, необходимо наличие трех актов мелкого хулиганства; для квалификации попрошайничества и бродяжничества по ст. 209 — наличие двух актов указанных деяний и т. д.

2. Для ряда составов необходимо по закону, кроме определенного количества менее опасных деяний, наличие определенных мер воздействия, применявшихся к нарушителю за их совершение. Так в отношении хулиганства закон предусматривает необходимость не просто трех актов мелкого хулиганства, а наряду с этим привлечение лица к ответственности за два предыдущих акта мелкого хулиганства. Следовательно, если виновный впервые

привлекается к ответственности хотя бы и за три акта мелкого хулиганства, его действия еще не могут квалифицироваться по ч. 3 ст. 206. Необходимо, чтобы ранее он уже дважды привлекался к ответственности за мелкое хулиганство. Точно так же для ответственности лица по ст. 209 необходимо чтобы оно ранее однажды уже предупреждалось за попрошайничество и бродяжничество и т. д.

В отличие от этих случаев достаточно наличия двух актов мелкой спекуляции, и, независимо от того, впервые или повторно лицо наказывается за них, его действия могут соответственно квалифицироваться по ч. 3 ст. 154.

3. При квалификации в качестве преступления двух (или трех) менее опасных актов имеет значение тот срок, в течение которого они были совершены. Для ряда составов этот срок прямо указан в соответствующих нормах особенной части УК. Так, все три акта мелкого хулиганства должны быть, по закону, совершены в течение года. Однако и для других менее опасных деяний имеет существенное значение срок, в течение которого они совершаются. Статья 48 УК РСФСР указывает, что лицо не может быть привлечено к уголовной ответственности, если со дня совершения им перечисленных в ч. 1 этой статьи менее опасных преступлений прошел год.

Если закон не принимает во внимание совершение по истечении года определенных преступлений, то нет никаких оснований учитывать совершение лицом по истечении года явно менее опасных актов (мелкое хулиганство и т. д.). Следовательно, если в нормах особенной части специально не оговаривается определенный срок, специфический для данного деяния, то для остальных случаев должен быть принят годичный срок, как вытекающий из смысла ч. 1 ст. 48 УК РСФСР.

ПОНЯТИЕ ЛЕГАЛЬНОГО РЕЦИДИВА И ЕГО ВИДЫ

Понимание нашим законодательством рецидива основано на концепции легального рецидива, т. е. такого случая совершения субъектом двух или более преступлений, когда налицо судимость за ранее совершенное деяние. В противоположность такому пониманию выдвигавшееся в литературе понятие фактического рецидива охватывает все случаи совершения лицом двух или более деяний, не считаясь при этом с наличием или отсутствием у лица судимости за предыдущий деликт¹.

Применение в законодательстве понятия легального рецидива, подчеркивание роли судимости в понятии рецидива, присущее действующим уголовным кодексам, имеет целый ряд важных положительных моментов.

Понятие рецидива недостаточно разработано в теории уголовного права. В этом сказалась в известной мере связанная с последствиями культа личности тенденция подмены настойчивой и реальной борьбы с рецидивной преступностью общими формулировками об отсутствии в нашем обществе такой преступности.

Такое игнорирование рецидива как особой формы преступности принесло известный ущерб делу борьбы с преступностью. Рамки предварительного расследования замыкались в большинстве случаев пределами выявления и доказывания обстоятельств, характеризующих только инкриминируемое деяние. Оставлялось в стороне выяв-

¹ Термин «фактический рецидив» употреблял, например, Б. С. Утевский в работе «Рецидив и профессиональная преступность» (Сб. «Проблемы преступности», вып. 3. М., 1928, стр. 98). В работах Б. С. Утевского проблема борьбы с рецидивной преступностью в период 20-х и начала 30-х годов получила наиболее полное и глубокое освещение.

ление данных, характеризующих личность преступника и свидетельствующих о степени его общественной опасности. Назначение наказания в суде в ряде случаев было недостаточно дифференцированным. В системе исправительно-трудовых учреждений рецидивисты не отделялись от менее опасных осужденных, что препятствовало успешной работе по их перевоспитанию и наносило большой вред правильному осуществлению советской исправительно-трудовой политики.

В этих условиях появление в нашем законодательстве нормы об особо опасном рецидиве (примечание I к ст. 24 УК РСФСР) является важным этапом в развертывании успешной борьбы с этим видом преступности.

Важным звеном такой работы является поднятие роли института судимости. Отсутствие учета судимостей у лиц, повторно или неоднократно совершающих преступление, позволяет наиболее опасным преступникам-рецидивистам как бы растворяться в общей массе преступников, лишает возможности органы правосудия нанести решительный удар по этим опасным преступникам, ибо, как бы ни была сильна уголовная репрессия, она никогда не даст желаемого результата при ее огульном применении, без разбора особенностей данного вида преступности, без учета подлинного характера общественной опасности преступников. И в этом отношении задача дифференциации ответственности, индивидуализации наказания, улучшения оперативно-следственной работы требует всемерного учета судимости, как важнейшего реального показателя степени опасности преступника.

Понятие легального рецидива, требование учета судимости имеет важное значение для обеспечения законности и гарантий прав личности при применении уголовного законодательства. Закон связывает с фактом рецидива определенных преступлений ряд серьезных последствий для виновного лица (изменение срока и вида наказания, лишение или ограничение возможности применения условно-досрочного освобождения и т. д.). В этих условиях неразрывная связь понятия рецидива с судимостью имеет существенное значение для единообразного применения закона, для соблюдения законности.

Институт судимости имеет два различных аспекта, нуждающихся в самостоятельных оценках: уголовноправовой и административноправовой. Первоначально ин-

ститут судимости был неразрывно связан с институтом условного осуждения. Так, в разделе «Об условном осуждении и условно-досрочном освобождении» УК РСФСР 1926 г. в ст. 55 указывалось, что «если в течение назначенного судом испытательного срока условно осужденный не совершит нового, не менее тяжкого преступления, приговор суда считается утратившим силу, и условно осужденный признается лицом не судившимся. То же положение,— гласила далее статья 55 этого кодекса,— применяется к осужденным к лишению свободы...» (далее следовало перечисление соответствующих сроков).

В 1927 г. ст. 55, оставаясь в том же разделе кодекса, была разбита на три «равноправных» пункта. Сочли необходимым записать, что «не имеющими судимости признаются; а) лица, по суду оправданные; б) лица, условно осужденные, которые в течение назначенного судом испытательного срока не совершили нового, не менее тяжкого преступления; в) лица, приговоренные к лишению свободы...» и т. д.

И, наконец, действующий УК РСФСР в специальной ст. 57 «Погашение судимости» насчитывает восемь пунктов, по которым лица признаются «не имеющими судимости». Здесь опять фигурирует условное осуждение, подробно регламентируется погашение судимости по истечении определенных сроков. Значительным новшеством является снятие судимости только по суду у осужденных на срок свыше 10 лет, а также возможность досрочного снятия судимости по решению суда, если осужденный к лишению свободы после отбытия им наказания примерным поведением и честным отношением к труду доказал свое исправление и если о нем ходатайствует общественная организация. Таково узко «уголовноправовое» значение судимости.

Однако параллельно с ним развивалось общегражданское, административноправовое понятие этого института, которое нашло свое выражение во включении в анкеты по приему на работу не только пункта «имеет ли судимость», но даже и пункта «привлекался ли к уголовной ответственности». Видимо, это заставило в 1927 г. указать в законе, что не имеющими судимости признаются лица, «по суду оправданные». Правда, если иметь в виду первоначальный уголовноправовой смысл погашения судимости как признания приговора «утратив-

шим силу», то такой пункт выглядит бессмысленным. Однако все становится на свое место, если учесть что в общегражданском смысле под «судимостью» подразумевался не только компрометирующий факт осуждения лица за преступление, но также и просто факт привлечения к уголовной ответственности, хотя бы и с последующим оправданием.

Более того, в 1937 г. появилась необходимость прямо указать, что «лица, которые признаются не имеющими судимости на основании ст. 10¹ Основных начал уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик (СЗ СССР 1927 г., № 12, ст. 122) и на основании ст. 55 Уголовного кодекса РСФСР и соответствующих статей уголовных кодексов других союзных республик, а равно лица, судимость с которых снята в порядке общей или частной амнистии, имеют право в анкетах на вопрос о прошлой судимости отвечать: «не судим». Никакой ответственности за дачу такого ответа указанные лица подвергаться не могут»².

В последнее время наметилась тенденция к сокращению административноправового аспекта института судимости, что нашло свое выражение, в частности, в исключении соответствующего пункта из анкет.

Нам представляется, что и в дальнейшем развитие этого института должно идти в направлении уменьшения административноправового и в возрастании его уголовноправового значения. Строго говоря, придание институту судимости значения «компрометирующего факта» независимо от последовавших за рассмотрением дела в суде процессуальных действий ведет к нарушению прав граждан.

Вместе с тем задача улучшения борьбы с преступностью и прежде всего с преступностью рецидивистов требует уделить и в теории и на практике значительно большее внимание к уголовноправовому значению судимости.

² «Сборник приказов и инструкций Министерства юстиции СССР 1936—1948 гг.» М., 1949, стр. 215. Расширение в то время сферы общегражданского значения судимости видно, например, из указания на то, что снятие судимости освобождает соответствующих лиц «от дополнительных мер наказания, назначенных по пунктам «ж», «з», «и» ст. 20 Уголовного кодекса РСФСР, а также отменяет запрещение на получение ими паспорта» (см. П. С. Ромашкин. Амнистия и помилование в СССР. Госюриздат, 1959, стр. 66).

Неснятая судимость означает, что приговор сохраняет свою силу и после того, как лицо отбыло назначенное ему наказание. Ярче всего это действие приговора проявляется в возможности признать лицо особо опасным рецидивистом (примечание I к ст. 24 УК РСФСР) в случае, если им совершены указанные в этой норме преступления и если судимость за эти преступления не снята и не погашена. В случае рецидива, последовавшего после условного осуждения или условно-досрочного освобождения, в течение испытательного срока действует дополнительно правило о сложении неотбытого лицом наказания по предыдущему приговору с наказанием, назначенным за рецидив (ст. 41 УК РСФСР).

Согласно ст. 52 УК РСФСР, осуждение лица ранее за умышленное преступление препятствует передаче его на поруки. Согласно ст. 53, случай особо опасного рецидива вовсе исключает возможность условно-досрочного освобождения, в то время как абзац третий этой статьи устанавливает для определенных случаев иного, не особо опасного рецидива повышенный минимальный срок, после которого может наступить такое освобождение.

Наконец, в значительном числе статей особенной части УК РСФСР квалификация соответствующего деяния в качестве совершенного при отягчающих обстоятельствах связана с фактом наличия или отсутствия судимости за предыдущее преступление.

Из сказанного вытекает серьезное значение вопроса о наличии или отсутствии судимости у лица, совершающего преступление во второй раз или более, а также значение того срока, который отделяет время совершения одного преступления от времени совершения другого, так как по закону в ряде случаев судимость погашается с истечением определенных сроков.

В принципе возможно несколько решений вопроса с тем, в течение какого срока повторное совершение преступления лицом, ранее осужденным, может рассматриваться как рецидив. Так, возможно установление в законе специально предусмотренных сроков. Эта точка зрения высказывалась в печати³. Но из показанного выше

³ Б. С. Никифоров. О рецидиве и судимости. «Советское государство и право», 1957, № 5, стр. 104. Интересно, что новый Уголовный кодекс Венгерской Народной Республики пошел именно этому пути, указав в § 115, что «рецидивистом признается лицо, к

значения предыдущей судимости лица (а не просто осуждения) для признания рецидива вытекает правильность распространения на случай рецидива общих давностных сроков, установленных для погашения судимости (ст. 57 УК РСФСР). Так, в частном определении Московского городского суда от 21 сентября 1961 г. по делу Воробьева В. А. указывается: «Из материалов дела видно, что Воробьев в прошлом неоднократно привлекался к уголовной ответственности и был судим за совершение различных преступлений, в том числе с 1950 до 1956 г. включительно в совершеннолетнем возрасте трижды был судим за кражу личной собственности граждан, и эти судимости в установленном законом порядке не сняты, и они не погашены давностью».

Практика, как правило, идет по правильному пути, признавая отсутствие у виновного судимости, если она снята или погашена в установленном законом порядке. Так, Московский городской суд своим определением от 24 сентября 1959 г. исключил из приговора народного суда указание о прежней судимости Фомина П. Ф., мотивировав это тем, что «судимость с Фомина Постановлением Президиума Верховного Совета РСФСР от 12 января 1956 года — снята».

Имеющиеся, к сожалению, случаи повторного совершения преступления лицами, у которых судимость была снята, должны служить основанием для более осторожного в принципе решения вопроса о досрочном снятии судимости у преступников вообще и в особенности у преступников-рецидивистов. Совершенно обоснованно Указ Президиума Верховного Совета СССР от 1 ноября 1957 г. «Об амнистии в ознаменование 40-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции» сделал изъятие в отношении рецидивистов, т. е. «воров, судимых два и более раза» и «других лиц, ранее судимых более двух раз», а также лиц, «освобожденных досрочно и вновь совершивших преступление»⁴.

которое уже было приговорено к лишению свободы за такое же умышленное преступление, которое оно вновь совершило, если с момента отбытия наказания или прекращения его исполнимости до совершения нового преступления не истекло еще пяти лет» («Magyar Közlöny», № 97, 22.XII 1961).

⁴ «Сборник нормативных актов по советскому исправительно-трудовому праву». Госюриздат, 1959, стр. 329.

Конструирование понятия рецидива в зависимости от наличия или отсутствия судимости приносит двоякую выгоду. С одной стороны, это дает в руки органам, осуществляющим борьбу с преступностью, надежный критерий для выявления наиболее опасных категорий преступников с тем, чтобы обеспечить их учет и наладить планомерную работу по борьбе с ними. С другой стороны, укрепление института судимости в связи с понятием рецидива представляет собой одну из гарантий законности, обеспечивает единообразное применение закона, который связывает с фактами наличия в соответствующих случаях рецидива весьма существенные правовые последствия, подчас серьезно усиливающие наказание или отягчающие положение осужденных.

Примечание I к ст. 24 УК РСФСР — основная норма, предусматривающая ответственность за особо опасный рецидив. Понятие особо опасного рецидива достаточно сложное. Под особо опасным рецидивом понимается совершение лицом ряда преступлений, представляющих особую, повышенную степень общественной опасности для социалистического общества. Раскрыть содержание понятия особо опасного рецидива — это значит показать, что именно лежит в основе отнесения преступлений к числу особо опасных.

Конечно, общественная опасность свойственна каждому преступлению и определяется всеми признаками состава преступления в их совокупности, однако на первое место среди факторов, определяющих опасность деяния, следует отнести, по-видимому, объект посягательства. Именно объект посягательства в первую очередь определяет политическую природу преступления. Кроме того, в основе квалификации преступлений по разделам особенной части Уголовного кодекса лежат признаки родового объекта.

Однако, если бы мы попытались определить круг преступлений, образующих особо опасный рецидив, исходя только из вида поражаемого объекта, мы не достигли бы цели, так как не менее важное значение для определения степени опасности преступления имеет размер причиняемого преступлением ущерба.

Есть даже мнение, что «именно ущерб является наиболее серьезным обстоятельством, увеличивающим или уменьшающим степень общественной опасности преступ-

ления»⁵. Напомним, что ст. 39 УК РСФСР в числе обстоятельств, отягчающих ответственность, указывает на «причинение преступлением тяжких последствий». В самом деле, преступления против личности стоят в законе перед преступлениями против личной собственности, однако ясно, что вряд ли можно признать кражу преступлением менее опасным, чем оскорбление и клевета или даже побои и т. д.

Но не только вид объекта и размер ущерба должны лежать в основе отнесения преступления к числу особо опасных. На степень общественной опасности преступления неизбежно влияет объективная обстановка его совершения и прежде всего характер преступного действия, способ, место и время его совершения. Так, несомненно, опасность преступления усугубляется совершением его «организованной группой», в отношении лица, находящегося в «беспомощном состоянии», «общеопасным способом» и т. д. Значительно опаснее становится преступление, совершенное в «военное время» и т. д. Признаки, указывающие на повышенную опасность преступления в связи с объективной характеристикой преступного действия, могут быть очерчены либо в самом составе преступления, либо в квалифицирующих его признаках, либо в нормах общей части закона.

Только совокупность приведенных моментов позволит правильно судить о подлинной опасности деяния. Разумеется, сам их характер исключает возможность абсолютно бесспорного, математического решения вопроса. Неверно было бы думать также, что, решая, какое преступление отнести к числу преступлений, составляющих особо опасный рецидив, необходимо требовать наличия всех перечисленных факторов.

В Постановлении СНК РСФСР от 29 октября 1926 г. «О мероприятиях по борьбе с хулиганством» говорилось об «особо опасных хулиганах-рецидивистах»⁶. В данном случае хулиганство было отнесено к числу преступлений, образующих особо опасный рецидив, в силу относительной распространенности в то время этого преступления. С другой стороны, отнеся в Постановлении ВЦИК

⁵ Н. Ф. Кузнецова. Значение преступных последствий. Госюриздат, 1958, стр. 189.

⁶ «Сборник документов по истории уголовного законодательства в СССР и РСФСР». Госюриздат, 1953, стр. 256.

РСФСР от 26 марта 1928 г. «О карательной политике и состоянии мест заключения» к числу «деклассированных преступников-профессионалов и рецидивистов» «бандитов, поджигателей, конокрадов, растратчиков, взяточников и воров»⁷, законодатель расширил круг факторов, предопределивших отбор опасных преступлений, учтя также вид поражаемого объекта, размер ущерба, способ действия и т. д.

Еще более полный круг факторов был принят во внимание при определении преступлений, характеризовавших в то время опасный рецидив, в декрете ВЦИК от 16 октября 1922 г. «О дополнении к Постановлению „О государственном политическом управлении“ и „Об административной высылке“», где из числа рецидивистов особо выделены лица, дважды судившиеся за бандитизм, фальшивомонетничество, хранение взрывчатых веществ, самогоноварение, принуждение к занятию проституцией, притонодержательство, хулиганство, кражу, грабеж, разбой, подделку документов, фальсификацию, хранение оружия⁸.

Для действующей нормы, предусматривающей круг преступлений, образующих особо опасный рецидив, характерно, что к числу наиболее опасных преступлений, совершение которых уже во второй раз может влечь признание виновного особо опасным рецидивистом, она относит все особо опасные государственные преступления, бандитизм, изготовление с целью сбыта или сбыт поддельных денег или ценных бумаг, нарушение правил о валютных операциях, хищение государственного или общественного имущества в крупных размерах или в особо крупных размерах, разбой, умышленное убийство, умышленное тяжкое телесное повреждение, изнасилование, квалифицированное взяточничество, посягательство на жизнь работника милиции или народного дружинника.

Данные выборочных обследований позволяют судить в известной мере о том, каково место указанных преступлений в общем числе преступлений, совершаемых рецидивистами. И. И. Карпец приводит данные, полученные в результате обследования 274 рецидивистов⁹. Из этих

⁷ «Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР. 1917—1952 гг.». Госюриздат, 1953, стр. 303.

⁸ Там же, стр. 148—149.

⁹ И. И. Карпец. Индивидуализация наказания. Госюриздат, 1961, стр. 115.

данных видно, что повторное совершение указанных выше особо тяжких преступлений занимает сравнительно небольшое место в общей структуре рецидивной преступности. Всего 19 человек из 274 обследованных рецидивистов были привлечены за разбой. Основное число привлекается за совершение краж.

Действующее законодательство по борьбе с рецидивом учитывает не только тяжесть совершаемых рецидивистом преступлений, но и их число и характер. Так, если в ч. 1 примечания I к ст. 24 УК РСФСР предусмотрены случаи повторного осуждения за особо тяжкие преступления, то в ч. 2 и 3 этой нормы предусматриваются и менее опасные деяния (кража, грабеж, мошенничество, спекуляция, злостное хулиганство, сбыт имущества, заведомо добытого преступным путем, совершенный в виде промысла или в крупных размерах). Отнесение этих преступлений к кругу деяний, образующих особо опасный рецидив, основано на повышенной опасности «специального», а также сложного (или многократного) рецидива.

Повышенная опасность специального рецидива, т. е. случаев неоднократного осуждения лица за совершение им однородных преступлений, общепризнана. Она обусловлена тем, что совершение лицом во второй раз и более преступления того же рода свидетельствует о конкретной, устойчивой направленности антиобщественных мотивов, лежащих в основе преступной деятельности рецидивиста. Практика свидетельствует о том, что целому ряду преступлений присуща известная устойчивость: лицо, однажды совершившее определенное преступление, вновь совершает во многих случаях то же самое преступление.

Наше законодательство и судебная практика вплоть до середины 30-х годов в качестве особо опасной формы повторной преступности вообще рассматривали только специальный рецидив. Лишь совершение лицом во второй раз и более аналогичного преступления позволяло отнести виновного к числу рецидивистов. Так, Уголовная кассационная коллегия Верховного Суда РСФСР записала в 1924 г. в своем определении: «Принимая во внимание, что осужденный Алышев прежде судился за кражу, а по настоящему делу — за нанесение тяжелых побоев, повлекших за собой смерть потерпевшей, он не может при таких обстоятельствах считаться рецидивистом, ибо совершенные им преступления не аналогичны

по своей форме...»¹⁰ На этом основании Верховный Суд применил к нему амнистию.

Такая точка зрения основана была на стремлении сосредоточить репрессию на наиболее опасных формах преступности, выявить и более сурово наказать преступников-профессионалов, «специализировавшихся» на совершении конкретных видов преступлений. Законодательство и практика считали более опасным лицо, совершившее кражу после осуждения за кражу, чем лицо, совершившее после кражи преступление против личности.

Также и Руководящие начала 1919 г. в статье об условном осуждении говорили о совершении осужденным «тождественного или однородного с совершенным деяния» (ст. 26). В декрете СНК от 21 марта 1921 г. говорится «о совершении преступления такого же рода». Этой же формулы придерживался и УК РСФСР 1922 г. (ст. 36, 37, 54).

Однако Основные начала 1924 г. изменили эту формулировку: ст. 36, 37 и 39 говорили о совершении «нового, не менее тяжелого преступления». Более того, в 1929 г. в ст. 37 было записано даже о совершении просто «нового преступления» (правда, УК 1926 г. сохранил первоначальную формулировку Основных начал).

Действующий УК РСФСР в ст. 45 и 54 избрал компромиссную формулировку — «новое однородное или не менее тяжкое преступление». Однако ясно, что, с одной стороны, изменилось понятие рецидива: наряду со специальным рецидивом («однородное преступление») утвердился общий рецидив («не менее тяжкое преступление»), с другой стороны, сам специальный рецидив из повторного совершения «тождественного» или «аналогичного» преступления свелся к требованию совершения «однородного» преступления.

Действующее законодательство «в чистом виде» сохранило специальный рецидив в целом ряде статей УК РСФСР (70, 156, 173, 174, 206). Предусматривая ответственность за различные виды хищения государственно-общественного и личного имущества, оно, как мы отмечали выше, ставит знак равенства между специальным рецидивом и повторностью.

¹⁰ «Сборник определений Уголовной кассационной коллегии Верховного Суда РСФСР за 1924 г.». М., 1925, стр. 15. В 1925 г. Верховный Суд вновь подтвердил, что «рецидивом признается лишь анало-

Специальный рецидив рассматривается законодателем как более опасная форма рецидивной преступности. Так, ст. 44 (условное осуждение) и ст. 53 (условно-досрочное освобождение) УК РСФСР предусматривают, что условно осужденный, так же как и условно-досрочно освобожденный, подлежит усиленной ответственности в двух случаях: при совершении нового, не менее тяжкого преступления и при совершении однородного преступления (специальный рецидив).

Следовательно, если лицо (условно осужденное или условно-досрочно освобожденное) совершает вновь преступление, не однородное с предыдущим, то оно подлежит усиленному наказанию¹¹ только в том случае, если это новое преступление равно по степени тяжести первому преступлению или является более тяжким. Если же последующее преступление однородно с ранее совершенным, то лицо может быть наказано более серьезно, независимо от степени тяжести этого последнего преступления, даже если оно и не равно по степени тяжести первому преступлению, а менее тяжкое.

В этом случае именно однородность обоих преступлений говорит о повышенной степени общественной опасности рецидива, а потому законодатель отчетливо указывает на особую опасность именно специального рецидива.

Суды, руководствуясь действующим УК, учитывают повышенную опасность специального рецидива и часто обосновывают этим усиление наказания. Так, в определении Московского городского суда от 22 октября 1959 г. по делу Сокольского подчеркивается, что просьба о снижении наказания не подлежит удовлетворению, поскольку наказание определено в соответствии с содеянным и личностью осужденного, который 8 мая 1959 г.

учное совершенному ранее деяние» (там же, стр. 54). «...В инструкции НКВД по составлению отчета по местам заключения... сказано, что „к рецидивистам следует относить лиц, совершивших новое преступление после осуждения их судом за тождественное или однородное преступление в пределах давностных сроков, установленных Уголовным законодательством“» (Б. Утевский. Сколько у нас преступников-профессионалов и что с ними делать? «Административный вестник», 1929, № 4, стр. 12).

¹¹ Т. е. ко вновь назначенному сроку наказания может быть частично или полностью присоединено наказание, назначенное по первому приговору (ст. 41 УК РСФСР).

был судим за хулиганство, однако после этого не исправился и продолжает совершать хулиганские действия. Также и по делу Люблина, осужденного за мошенничество, Московский городской суд подчеркнул, что народный суд правильно определил ему наказание «с учетом того, что представляет из себя Люблин, с учетом прошлых действий осужденного и его судимости за мошенничество». Исходя из наличия специального рецидива, приговором народного суда Советского р-на Москвы от 12 ноября 1959 г. Виноградов, ранее осужденный за хулиганство к исправительным работам, был осужден за такие же действия к лишению свободы.

О значительном проценте специального рецидива среди обследованных им рецидивистов делает вывод И. И. Карпец. Согласно его данным, «из 169 человек, вновь привлеченных за кражи личного имущества граждан и разбой, 129 человек ранее отбывали наказание именно за кражи личного имущества граждан, а остальные, как правило, за кражи государственного имущества». Более того, этот автор констатирует, что «из 73 человек, вновь привлеченных к ответственности за совершение карманных краж, 63 ранее были осуждены за это же преступление»¹². Как видим, «специализация» рецидива происходит подчас не только по видам объекта посягательства, но даже и по конкретным методам, способам его совершения (карманные кражи). В общей сложности, по данным И. И. Карпеца, из 274 рецидивистов специальный рецидив был отмечен у 211.

Основной разновидностью специального рецидива является рецидив краж. Высказывалось даже мнение о том, что «интерес с точки зрения опасности, заключающейся в рецидиве, представляют только имущественные преступления. Только в области этих преступлений существует профессиональная преступность, только на преступниках, совершивших подобные преступления, может проверяться успешность той или иной пенитенциарной системы, эффективность мер социальной защиты, примененных к совершившим эти преступления»¹³.

Характерно, что закон (ст. 53 УК РСФСР) повышает общий минимальный срок отбытия наказания, дающий

¹² И. И. Карпец. Указ. соч., стр. 115—116.

¹³ Б. Утевский. К анализу современной преступности. «Рабочий суд», 1929, № 12, стр. 855—856.

основание для применения условно-досрочного освобождения, с половины до двух третей назначенного судом срока по отношению к лицам, осужденным ранее за тяжкие преступления, перечисленные в абзаце 2 ст. 53 УК РСФСР, и после этого «осужденным за совершение кражи при отягчающих обстоятельствах (ст. 89, ч. 2; 144, ч. 2), а также к лицам, ранее судимым за кражу, совершенную при отягчающих обстоятельствах, и вновь осужденным за совершение кражи при отягчающих обстоятельствах». Таким образом, в отношении применения условно-досрочного освобождения закон уравнил специальный рецидив квалифицированной кражи по степени опасности с такими тяжкими преступлениями, как, например, бандитизм, разбой и др.

Известной устойчивостью характеризуется и специальный рецидив хулиганства. И. И. Карпец констатирует, что «из 41 человека, вновь привлеченных за хулиганство, ранее отбыли наказание по ст. 74 УК РСФСР 1926 года 32 человека»¹⁴.

Серьезную опасность также представляет собой специальный рецидив половых преступлений.

Точилин, тренер по лыжному спорту ДСО «Локомотив» железнодорожного узла Москва-Павелецкая, будучи осужденным в 1955 г. за покушение на изнасилование на четыре года лишения свободы, 1 апреля 1961 г. совершил такое же преступление. В специально вынесенном по этому делу частном определении от 13 сентября 1961 г. Судебная коллегия по уголовным делам Московского городского суда резко осудила попытку узлового совета профессионального союза встать на защиту насильника и отклонила жалобу адвоката на приговор суда и ходатайство о передаче Точилина на поруки.

Характерным признаком специального рецидива, таким образом, является однородность преступлений, за которые осуждено лицо. Мы уже разобрали наиболее узкое понятие однородности — тождественность деяний, требующуюся для того, чтобы решить вопрос о наличии или отсутствии в деянии виновного совокупности преступлений. С более широким понятием однородности, когда уже не требуется тождества деяний и достаточно лишь сходство объектов посягательств и способов совер-

¹⁴ И. И. Карпец. Указ. соч., стр. 116.

шения преступлений, мы столкнулись, исследуя понятие однородности преступлений применительно к решению вопросов об их повторности (примечания к ст. 89 и 144 УК РСФСР).

Обращаясь к понятию однородности применительно к вопросам специального рецидива, мы должны констатировать максимально широкое понимание однородности. Правильно отмечал А. Н. Трайнин, что «признак, выявляющий социальную опасность рецидива, кроется... не в однородности составов или объектов посягательства, а в однородности мотива»¹⁵. Мы согласны с М. Гродзинским, что «во главу угла при решении вопроса о том, что считать рецидивом, должны быть положены моменты субъективные»¹⁶, а также что «центр тяжести лежит не в способе действия, а в мотивах преступления и антисоциальных наклонностях деятеля»¹⁷.

В статье «О понятии однородных преступлений» группа авторов (Н. Климов, Н. Саввин, М. Ефимов, Е. Фролов) подробно разбирает все возможные признаки однородности преступлений и приходит к выводу, что «однородными следует считать такие преступления, у которых совпадают или имеют близкое сходство непосредственные объекты, примерно равная степень общественной опасности, налицо тождество форм вины и общность характера преступных деяний»¹⁸. Остаётся неясным, однако, следует ли считать однородными преступления только в том случае, если они отвечают всем требованиям, которые перечислены в данном определении, или есть какой-либо признак, имеющий принципиальное значение для решения этого вопроса. Трудно согласиться с тем, что в число признаков, относящихся к понятию однородности, включена «равная степень общественной опасности». Более правильной нам представляется точка зрения В. Кудрявцева и Ю. Северина¹⁹, относящих вопрос о степени общественной опасности не к однородности пре-

¹⁵ А. Трайнин. Уголовное право. Часть общая. М., 1929, стр. 284.

¹⁶ М. Гродзинский. Рецидив и привычная преступность. «Право и жизнь», кн. 5—6, 1923, стр. 55.

¹⁷ М. Гродзинский. Профессиональная преступность и Уголовный кодекс РСФСР. «Право и жизнь», кн. 7—8, 1923, стр. 77.

¹⁸ «Социалистическая законность», 1962, № 10, стр. 22.

¹⁹ В. Кудрявцев, Ю. Северин. К понятию однородности преступления. «Советская юстиция», 1961, № 10, стр. 13.

ступлений, а к другому признаку, указываемому в законе, — к степени тяжести совершенных деяний.

В Постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 3 декабря 1962 г. «О практике назначения судами наказания в случае совершения нового однородного или не менее тяжкого преступления»²⁰ содержится определение однородности преступлений, образующих специальный рецидив: «Однородными следует считать такие преступления, которые были направлены на одинаковые или сходные непосредственные объекты и совершены оба умышленно или оба по неосторожности». Пленум признал однородными все виды хищений государственного, общественного имущества и личного имущества граждан и бандитизм. В качестве другой группы однородных преступлений Пленум расценил такие деяния, как умышленное убийство, разбой, умышленное телесное повреждение и хулиганство, сопряженное с насилием. По его мнению, однородными эти преступления делает то, что все они посягают на жизнь или здоровье граждан. Пленум назвал однородными такие деяния, как угроза убийством, хулиганство и сопротивление представителю власти, а также однородными по отношению друг к другу мошенничество, спекуляцию, изготовление поддельных денег и ценных бумаг и нарушение правил о валютных операциях.

Из этого перечня видно, что фактически здесь сгруппированы в качестве однородных деяния, которые хотя и предусмотрены разными статьями и даже разными разделами УК, однако по своим движущим мотивам, характеру и психическому отношению виновного к совершенному им деянию свидетельствуют об определенной устойчивой антисоциальной направленности совершаемых данным лицом преступлений.

Так, Пленум отнес к числу однородных те преступления, движущим мотивом которых является корысть (все виды хищения и бандитизма). Однородны также и те преступления, в основе которых лежит насилие (убийство, телесные повреждения и пр.). Самостоятельную группу однородных преступлений образовали деяния, выражающие в разных формах агрессивность, разнуздан-

²⁰ «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1962, № 6, стр. 13.

ность, злостное нарушение общественного порядка (хулиганство и пр.).

Ясно вырисовывающийся в основе группировки однородных преступлений приоритет, отдаваемый субъективным элементам соответствующих деяний, позволяет нам дополнительно выделить в самостоятельную группу однородных преступлений половые деликты (изнасилование и др.).

В связи с понятием однородности преступлений и решением вопросов специального рецидива весьма показательным делом Бутенко, рассмотренное по протесту Генерального Прокурора СССР Президиумом Верховного Суда Коми АССР 4 ноября 1961 г.²¹

Суть дела такова: 30 ноября 1960 г. народный суд осудил Бутенко за хулиганство на три года лишения свободы с присоединением на основании ст. 36 Основ уголовного законодательства неотбытой части наказания по предыдущему приговору. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Коми АССР определением от 26 декабря 1960 г. изменила приговор, исключив указание на присоединение неотбытой части наказания по предыдущему приговору ввиду того, что вновь совершенное преступление является «неоднородным и менее тяжким».

Генеральный Прокурор указал в протесте, что Бутенко был признан виновным в том, что, будучи в нетрезвом состоянии, совершил хулиганские действия в общезжитии рабочих: в течение двух часов шумел, пел, ругался, будил спавших рабочих. Когда же Сакин сделал ему замечание, Бутенко схватил его за горло и укусил. Затем он ворвался в комнату, где спал Карепин, схватил со стола нож и стал угрожать рабочим убийством. Однако Добровольскому удалось отобрать у него нож. Ранее Бутенко был осужден за умышленное убийство. В протесте подтверждается мнение коллегии о том, что в данном случае Бутенко совершил менее тяжкое преступление. Однако, подчеркивается в протесте, ссылка на неоднородность преступления необоснованна: по этому вопросу судебная коллегия заняла неправильную позицию вследствие ограничительного толкования понятия однородности. Хотя новое преступление Бутенко квалифи-

²¹ «Социалистическая законность», 1962, № 1, стр. 90—91.

цировано как хулиганство, но по существу выразилось в том, что Бутенко напал на рабочих, схватил за горло Сакина, укусил его и с ножом бегал по общежитию, угрожая убийством. Следовательно, делается вывод в протесте, он совершил однородное преступление, и суд правильно применил в данном случае сложение наказаний в порядке ст. 36 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик.

К аргументам, приведенным в протесте в пользу признания совершенных Бутенко преступлений однородными, можно было бы добавить, кроме имеющегося в протесте описания объективных черт деяний, их субъективную характеристику, указав на то, что в обоих случаях проявилась устойчивая агрессивность, разнузданность виновного, свидетельствующая о его повышенной опасности для общества.

Если повышенная опасность специального рецидива обусловлена определенной направленностью антиобщественных мотивов преступной деятельности субъекта, то повышенная опасность многократного (или сложного) рецидива обусловлена определенной устойчивостью, интенсивностью указанных мотивов.

Практически многократный рецидив особо опасных, наиболее тяжких деяний встречается не часто. Это понятно, так как значительный размер наказания, назначаемого за такие преступления, кроме прочего, сам по себе исключает в большинстве случаев возможность совершения подобных преступлений в третий раз и более. С другой стороны, имеются преступления, единичное и даже повторное совершение которых еще не представляет серьезной опасности, но многократное совершение которых часто приводит к тому, что на определенном этапе преступная деятельность лица становится в целом весьма опасной. Здесь мы опять сталкиваемся с такими составами, как кража, мошенничество и т. д. Многократный рецидив кражи может свидетельствовать о паразитическом образе жизни преступника, о том, что совершенные кражи преступник превратил в свою «профессию», а это никак не позволяет уравнивать его с лицами, впервые или даже во второй раз совершающими это преступление.

Не случайно в ст. 180 УК РСФСР 1922 г. предусматривалось усиление наказания за кражу, «когда она со-

вершена лицом, занимающимся кражами как профессиональней»²². Не случайно также амнистия 1957 г. не применялась «к ворам, судимым два и более раза, и к другим лицам, ранее судимым более двух раз»²³. Следует подчеркнуть, однако, что, как правильно отмечает А. Б. Сахаров, «преступный рецидив в нашей стране существенно изменился по сравнению с тем, каким он был в дореволюционной России и в первые годы после революции. Значительно сократилось число профессиональных преступников, ослабла их организованность, упростился в общем характер совершаемых ими преступлений»²⁴.

Приведенный анализ существа и характерных особенностей, разновидностей и форм легального рецидива был бы неполным без указания на известную ограниченность, недостаточность этого понятия, на необходимость дальнейшего уточнения понятия рецидива вообще.

Ограниченность концепции легального рецидива заключается прежде всего в том, что лицо, совершившее неоднократно ряд преступлений и впервые представшее перед судом, независимо от количества и тяжести этих деяний рассматривается с позиций легального рецидива в качестве впервые осужденного. Деяния, совершенные этим лицом, либо караются по правилам о совокупности преступлений или по правилам о повторности, либо могут рассматриваться как единое продолжаемое преступление. Однако во всех случаях такой субъект по действующему закону не является рецидивистом.

Практика показывает, что, с одной стороны, в определенных случаях такие лица могут быть не менее, если не более опасны, чем лица, судимые во второй раз и более. С другой стороны, не всякое повторное осуждение характеризуется повышенной степенью общественной опасности деяния и лица, его совершившего. Последующее преступление (или и последующее, и предыдущее деяние) может быть не столь общественно опасным

²² «Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР. 1917—1952 гг.». Госюриздат, 1953, стр. 137. Амнистия 1920 г. не применялась к «профессиональным ворам» (см. Декрет ВЦИК от 1 мая 1920 г. Там же, стр. 72).

²³ «Сборник нормативных актов по советскому исправительно-трудовому праву». Госюриздат, 1959, стр. 329.

²⁴ А. Б. Сахаров. О личности преступника и причинах преступности в СССР. Госюриздат, 1961, стр. 133.

(неосторожный деликт и др.). Кроме того, лицо может вообще совершить только одно преступление, но представлять для общества значительную опасность, «уравнивающую» его иногда с рецидивистами.

В печати отмечались случаи «совокупности преступлений, объединенных в единую цель преступного поведения, где общественная опасность совокупности повышается не только за счет проявления в ней стойкости определенной антиобщественной направленности действий виновного, но также и за счет более высокой степени общественной опасности отдельных преступлений»²⁵. Отмечалось также, что «наряду с рецидивом таким же показателем стойкого преступного настроения деятеля может явиться и так называемая совокупность, т. е. совершение двух или нескольких преступлений ранее того, как состоялся судебный приговор по поводу хотя бы одного из них»²⁶.

В литературе встречается расширение понятия рецидива путем включения в него случаев систематического, неоднократного совершения специально предусмотренных в законе деликтов. Так, Б. С. Никифоров относит к специальному рецидиву систематическую подделку документов (ст. 196 УК РСФСР), изготовление или сбыт ядовитых веществ (ст. 224 УК РСФСР), неоднократное незаконное производство аборта (ст. 116 УК РСФСР), совершение ряда преступлений в виде промысла (ст. 154 — спекуляция, 208 — приобретение имущества, заведомо добытого преступным путем, и т. д.). Причем наличие судимости за предыдущий деликт рассматривается как «дополнительный ограничительный признак» специального рецидива²⁷.

Концепция легального рецидива подвергалась в 20-х годах серьезной критике. Так, Б. С. Утевский писал: «Известное и притом немалое число осужденных, судившихся впервые, и ранее совершали иные или тождественные преступления, часто притом многократно, в тече-

²⁵ А. С. Никифоров. Об ответственности за совокупность преступлений. «Советское государство и право», 1961, № 5, стр. 66.

²⁶ М. Гродзинский. Рецидив и привычная преступность. «Право и жизнь», кн. 5—6, 1923, стр. 57.

²⁷ Б. С. Никифоров. Новый уголовный кодекс РСФСР — важный этап в дальнейшем развитии советского уголовного законодательства. «Новое уголовное законодательство РСФСР». Госюриздат, 1961, стр. 84.

ние нескольких лет, но были задержаны и судимы только один раз. К сожалению, статистика рецидива таких преступников рецидивистами не считает. Достаточно, однако, просмотреть хотя бы по газетам судебную хронику последнего полугодия, чтобы убедиться в больших размерах фактического рецидива (далее приводятся примеры совершения одними и теми же лицами до 20 преступлений.— А. Я.). Все осужденные по подобным делам считаются, как не судившиеся ранее, не рецидивистами. Лучшая иллюстрация неправильности господствующего понимания рецидива, как повторной судимости, а тем более судимости за однородные или тождественные преступления»²⁸.

В учебнике «Советское исправительно-трудовое право» (1960 г.) также подчеркивается, что «не всякий впервые осужденный совершил преступление впервые и не всякий дважды и более осужденный столь опасен, что его нужно считать особо опасным рецидивистом, нуждающимся в специальном воздействии».

Очевидно, что к таким рецидивистам относятся только лица со стойким антиобщественным поведением, неоднократно совершающие преступления, возможно ни разу не судившиеся или судившиеся впервые»²⁹.

Закон прямо запрещает при решении ряда вопросов учитывать снятые или погашенные судимости (примечание I к ст. 24 УК РСФСР). Но на практике органам следствия, суду, исправительно-трудовым учреждениям приходится сталкиваться со случаями, когда с позиций легального рецидива лицо считается осужденным впервые, оно не может рассматриваться как рецидивист, однако биография его свидетельствует о значительной его опасности. В статье П. Дагеля «Вопрос, требующий разрешения»³⁰ говорится об Ильине, который был осужден последний раз народным судом Медвежьегорского района Карельской АССР и который с 1938 г. систематически совершал опасные преступления и почти все это время провел в местах лишения свободы. Он осуждался девять раз: в 1936 г. за умышленное убийство на десять

²⁸ Б. Утевский. Рецидив и профессиональная преступность. Сб. «Проблемы преступности», вып. 3—4. М., 1928, стр. 98.

²⁹ «Советское исправительно-трудовое право». Госюриздат, 1960, стр. 102.

³⁰ «Социалистическая законность», 1962, № 2, стр. 69.

лет лишения свободы, в 1939 г. за побег на один год, в 1941 г. за контрреволюционный саботаж на десять лет, в 1951 г. за кражу на пять лет лишения свободы условно (1), в 1952 г. за хулиганство на два года лишения свободы (освобожден по амнистии в 1953 г.), в декабре 1953 г. за хищение государственного имущества на десять лет, в 1957 г. за мелкое хищение на три месяца, в 1958 г. за квалифицированное хулиганство на четыре года лишения свободы. Будучи освобожден условно-досрочно, Ильин через два месяца вновь совершил злостное хулиганство и в 1960 г. осужден на три года лишения свободы. Констатируя, что Ильин по действующему законодательству не может быть признан особо опасным рецидивистом, автор этой статьи считает насущно необходимым разрешить вопрос о характере ответственности таких лиц.

Действительно, понятию легального рецидива присущ известный «формализм». Возможны случаи, когда лицо по закону не является рецидивистом (погашены или сняты судимости и т. п.), однако по существу не менее, если не более опасно, чем рецидивист, отвечающий всем формальным признакам. Однако из этой посылки можно сделать два различных вывода.

Первый вывод, с которым мы, однако, не можем согласиться, находит свое выражение в предложениях о том, чтобы:

а) вовсе отбросить понятие легального рецидива и усиливать ответственность рецидивиста во всех тех случаях, когда он совершил два или более преступления независимо от того, был ли он осужден ранее или осуждается впервые, сохраняются ли у него или погашены (или сняты) прежние судимости;

б) в определенных случаях считать особо опасным рецидивистом лицо, осуждаемое впервые. В учебнике «Советское исправительно-трудовое право» говорится, что «центр тяжести при определении рецидива следует перенести на образ жизни преступника, на его привычки, взгляды и навыки. Если он ведет паразитический образ жизни, потерял общественные связи, нигде не работает, если он входит в преступную группу, то такой преступник, однократно или неоднократно судимый, — особо опасный рецидивист»³¹. Этот взгляд высказывался

³¹ «Советское исправительно-трудовое право», стр. 102.

в литературе и ранее. М. М. Гродзинский считал, что «при разрешении вопроса о том, является ли данный преступник социально опасным, главное значение имеет личность преступника, его образ жизни, характер совершенных им преступлений, мотивы преступления и другие моменты, относящиеся к личности данного субъекта, а вовсе не то обстоятельство, было ли это лицо ранее осуждено и отбыло ли оно наказание»³². Эта точка зрения имела определенную опору в законодательстве 20-х годов, в связи с чем Э. Я. Немировский отмечал, что «согласно новой редакции 184 статьи (1923 г.), усиление репрессии при разбое до высшей меры наказания обуславливается не рецидивом (как по первоначальной редакции), а признанием обвиняемого судом «особо социально опасным»³³.

Можно понять само по себе стремление указать на определенную категорию опасных преступников, выходящих за рамки легального рецидива и потому подчас ускользающих от справедливого наказания. Но отказываться в связи с этим от легального рецидива, отбрасывать роль судимости было бы неверно. Это означало бы лишить практику надежного (хотя и не всеобъемлющего) критерия для объективной оценки степени общественной опасности преступника, создало бы возможность произвольно решать вопрос о признании виновного особо опасным рецидивистом, в то время как с таким признанием закон связывает серьезное усиление наказания. Отказ от понятия легального рецидива мог бы создать возможность для ослабления гарантии законности в применении соответствующих чрезвычайно острых по своему характеру норм. Лицу, признаваемому особо опасным рецидивистом, прозит повышение в ряде случаев наказания до 15 лет лишения свободы или до смертной казни, возможность быть приговоренным на весь этот срок (или часть его) к заключению в тюрьму, исключение условно-досрочного освобождения, обязательное отбытие наказания в суровых условиях колонии особого режима. Однако чем серьезнее наказание, тем серьезнее должны

³² М. М. Гродзинский. Привычная и профессиональная преступность. «Вестник советской юстиции», 1924, № 12, стр. 337.

³³ Э. Я. Немировский. Советское уголовное право. Одесса, 1925, стр. 212.

быть гарантии законности в его применении. Отказаться от такого критерия, как наличие судимостей за определенные, указанные в законе преступления, недопустимо.

Поэтому более правильным было бы сделать другой вывод — не об отказе от легального рецидива, а о его дополнении, совершенствовании понятия рецидива в целом, привнесении в законодательство и практику таких положений, которые не расшатывали бы и не смазывали бы значение легального рецидива, а укрепляли, дополняли его, делали бы законодательство более гибким и совершенным. Речь идет о том, чтобы наряду с существующим понятием рецидива как неоднократного осуждения лица за определенные преступления выработать объективные критерии, позволяющие верно оценить общественную опасность преступника, хотя бы и осужденного впервые.

Выше мы уже останавливались на существующем в законе (примечания к ст. 89 и 144 УК РСФСР) понятии повторности применительно к корыстным посягательствам на имущество. Отмечая ряд недостатков существующего понятия повторности применительно к случаям неоднократного совершения ряда однородных актов, мы говорили о необходимости распространить применение правил о квалификации продолжаемых преступлений на подобные случаи. Действительно, трудно говорить о повторности при совершении кражи в виде ряда однородных по всем элементам актов; здесь скорее можно говорить о едином продолжаемом преступлении, особенностью которого как раз и является совершение однородных актов в рамках единой формы вины. Но просто заменять правила о повторности на правила, относящиеся к продолжаемому преступлению, было бы не всегда верно. Речь идет о таких случаях, когда совершение однородных корыстных деликтов виновный превратил в источник получения постоянной материальной выгоды. Даже если это лицо и предстает перед судом впервые, нет никаких оснований приравнивать его к остальным впервые осуждаемым лицам, в том числе и к тем, которые, может быть, повторно или неоднократно совершили такое же деяние, но преступная деятельность которых еще не превратилась в постоянный и основной источник доходов.

В п. «е» ст. 25 УК РСФСР 1922 г. указывалось, что суд обязан каждый раз при определении меры наказания принимать во внимание «совершено ли преступление профессиональным преступником или рецидивистом или оно совершено в первый раз». Здесь отчетливо видно, что закон исходил из понятия легального рецидива, так как признак совершения преступления «рецидивистом» давался наряду с квалифицирующим признаком совершения преступления «профессиональным преступником». Вместе с тем закон не включал в качестве квалифицирующего признака случаи, когда лицо совершило два или более однородных преступных акта, но не было еще ни за одно из них осуждено и, следовательно, не является рецидивистом, однако вместе с тем не является и профессиональным преступником.

Нам представляется, что существующее общее, широкое понятие повторности могло бы быть уточнено и детализировано таким образом, чтобы:

а) совершение ряда однородных актов в рамках единой формы вины рассматривалось в качестве единого продолжаемого преступления;

б) те случаи, когда совершение указанных деяний превращается в регулярный источник постоянных доходов для виновного, его деяния могли бы признаваться совершаемыми «систематически»; этот признак в качестве квалифицирующего обстоятельства должен быть указан в законе;

в) наряду с систематическим совершением преступлений как особо опасной разновидностью фактического рецидива в законе должно сохраниться существующее понятие легального рецидива³⁴.

³⁴ Характерно, что Уголовный кодекс Венгерской Народной Республики 1961 г. указал в § 114, что «профессиональным преступником является лицо, которое стремится к регулярному получению материальной выгоды путем совершения аналогичных по характеру преступлений». Наряду с этим дается понятие рецидивиста, целиком основанное на концепции легального рецидива. Так, в § 115 говорится, что рецидивистом является лицо, «которое до совершения преступления уже приговаривалось к лишению свободы за умышленное совершение аналогичного преступления, и с момента отбывания наказания или прекращения его исполнения до совершения нового преступления прошло менее 5 лет». Налицо все атрибуты легального рецидива — судимость и специальный срок ее действия. В целом ряде составов Особенной части УК Венгерской Народной Республики прямо говорится о том, что деяние считается совершенным при

Указание в законе в качестве самостоятельных квалифицирующих признаков на «совершение преступления лицом, ранее осуждавшимся за это преступление (рецидивистом) или систематически» могло бы относиться к таким, например, деликтам, как кража, грабеж, мошенничество, присвоение, растрата, производство незаконного абортa, обман покупателей, взяточничество, подделка документов, фальшивомонетничество, приобретение имущества, заведомо добытого преступным путем, и др. Характерным признаком систематического совершения деликтов могли бы служить следующие обстоятельства:

а) получение в результате постоянного совершения преступлений регулярного «дохода»;

б) применение в ходе совершения преступлений специальных орудий и приемов;

в) известная протяженность во времени преступной деятельности, с одной стороны, и сравнительно небольшие сроки между совершением отдельных преступных актов, с другой³⁵.

Понятие «рецидив» и понятие «систематичность» безусловно связаны между собой и сходны. Однако нам важно подчеркнуть существующее различие, несовпадение этих понятий, их раздельное существование. Как правильно указывал А. Н. Трайнин, «рецидив,— это чаще всего путь к профессионализму. Но общественно опасный профессионализм может быть установлен и на основании иных признаков, доказывающих длительное и систематическое занятие преступным ремеслом; таково, например, наличие специально оборудованного помещения у лица, обвиняемого в содержании притона, или, например, наличие разнородных орудий взлома у лица, обвиняемого в краже, и т. п.»³⁶. Нам важно подчеркнуть это потому, что если систематичность при совершении корыстных

квалифицирующих обстоятельствах, если оно совершено либо «лицом, уже осуждавшимся за аналогичное преступление», либо «профессионально». Таковы статьи 256 (производство незаконного абортa), 301 (укрывательство), 307 (ростовщичество) и др.

³⁵ М. М. Исаев писал, что «протечение сравнительно незначительных сроков между первой и второй кражей может служить показателем укоренившейся или укореняющейся привычки виновного к паразитическому способу добывания средств существования» (М. М. Исаев. Вопросы уголовного права и уголовного процесса в учебной практике Верховного Суда СССР. Юриздат, 1948, стр. 124).

³⁶ А. Н. Трайнин. Уголовное право. Часть общая, стр. 283—284.

преступлений, которая проявляется в форме легального рецидива, уже имеет соответствующую уголовноправовую оценку (примечание I к ст. 24 УК РСФСР), то систематичность «в чистом виде», т. е. со стороны лица, впервые предстающего перед судом, соответствующей законодательной оценки еще не имеет, т. к. не выделяется из общей массы случаев повторного совершения преступлений.

Однако не только корыстные преступления могут совершаться в виде продолжаемых во времени однородных актов. Есть целая группа деликтов, характерных именно тем, что они совершаются в виде периодически возобновляемых действий, в основе которых лежат не корыстные устремления виновного, а его агрессивность, стремление к насилию над личностью и к систематическому нарушению общественного порядка. Таковы все виды нанесения телесных повреждений, а также хулиганство, сопротивление представителям власти и пр. К ним же примыкают половые преступления. Совершенно очевидно, что такие преступления могут совершаться в виде периодически повторяющихся актов.

Представляется, что если для корыстных преступлений эта особенность могла бы охватываться понятием «систематичность», то для насильственных и подобных им преступлений квалифицирующим признаком мог бы служить признак «злостности».

Таким образом, дополнение существующего в законе понятия легального рецидива могло бы, по-видимому, идти по пути законодательного закрепления в соответствующих нормах наряду с таким квалифицирующим признаком, как «судимость» за совершенное ранее преступление того же рода, также и признака «систематичности» (для корыстных преступлений) и «злостности» (для насильственных деяний и им подобных деликтов). Это способствовало бы одновременно устранению некоторых отмеченных выше логических несоответствий, характеризующих существующее понятие повторности, вело бы к сужению этого понятия³⁷.

³⁷ Для законодательства ряда зарубежных социалистических стран характерно вообще понятие повторности только как повторного осуждения лица, т. е. обстоятельством, квалифицирующим деяние, считается только легальный рецидив. Это отчетливо выражено в ст. 355 УК Болгарии, согласно которой «действие считается совер-

Остается еще одна категория лиц, также не охваченная существующим понятием легального рецидива (в том числе и особо опасного рецидива). Это лица, которые осуждены (или осуждаются) во второй или более раз, но у которых сняты или погашены в установленном законом порядке судимости за предыдущее (или предыдущие) преступление.

Пункт «г» ст. 31 ранее действовавших Основных начал (п. «в»¹ ст. 47 УК РСФСР 1926 г.), который узаконил в качестве отягчающего обстоятельства не только рецидив, но и повторность, содержал два ценных положения:

1) погашение судимости за предшествующее деяние, согласно этой норме, влекло отпадение рецидива, (т. е. лицо признавалось ранее не судившимся).

2) истечение давностных сроков со времени совершения первого преступления (если за предыдущее деяние лицо не было осуждено) также влекло отпадение повторности, так как в этом случае за первым преступлением не признавалось значение отягчающего обстоятельства.

Действующая норма, содержащаяся в ст. 39 УК РСФСР, признает отягчающим обстоятельством «совершение преступления лицом, ранее совершившим какое-либо преступление». Далее в законе говорится, что «суд вправе, в зависимости от характера первого преступления, не признавать за ним значения отягчающего обстоятельства». Как видим, прямого указания на значение снятия (или погашения) судимости или истечения давностных сроков закон на этот раз не содержит.

Значит ли это, что указанные факторы перестали иметь свое значение при конструировании понятий рецидива и повторности?

Было высказано мнение о том, что если речь идет о «повторности преступлений, упоминаемых в законе без связи с наличием или отсутствием судимости за ранее совершенные преступления, то здесь, как представляется

шенным повторно, если лицо его совершило после осуждения за первое преступление, приговор по которому вступил в законную силу». Точно так же УК Румынской Народной Республики рассматривает в качестве рецидивиста лицо, «которое полностью отбыло уголовное наказание и после освобождения от наказания совершает вторичное преступление» (ст. 109).

(коль скоро закон говорит о повторном совершении соответствующего преступления, а не о прежней судимости), не имеет значения, снята или погашена прошлая судимость или нет. В приведенных случаях *признак повторности совершения преступления характеризует не юридическое состояние лица (судим или не судим), а прежде всего общественно опасный характер личности субъекта, не в первый раз совершающего корыстные имущественные преступления или вновь решаемого не убийство человека или изнасилование*³⁸ (подчеркнут нами.—А. Я.).

Нам представляется такое положение не вполне обоснованным. Ст. 48 УК РСФСР постановляет, что в случае истечения давностных сроков «лицо не может быть привлечено к уголовной ответственности». Статья 57 регулирует порядок погашения или снятия судимости по истечении определенных сроков, причем вводит судебный порядок снятия судимости на том основании, что «осужденный исправился».

При этих условиях учитывать при решении судьбы человека прежние судимости, снятые или погашенные в установленном порядке, значило бы противоречить смыслу указанных норм. Если человек, у которого, например, в порядке ст. 57 УК РСФСР снята судимость, оказался вновь на скамье подсудимых, это может означать, конечно, что он не заслуживал снятия судимости, что к нему ошибочно была применена соответствующая норма, что нецелесообразно было ее применять. Однако целесообразность не должна противопоставляться законности. Закон воплощает в себе высшую целесообразность и более общие, более важные интересы общества требуют, чтобы законность и в данном случае не была нарушена. Поэтому нельзя полностью согласиться с мнением о том, что «если лицо злоупотребляет оказанным ему доверием, вновь совершает преступление, оно должно нести повышенную ответственность, причем обязательно должны учитываться и прошлые, хотя бы и снятые судимости»³⁹.

³⁸ В. В. Владимиров. Преступления против личной собственности граждан по уголовному законодательству союзных республик. «Советское государство и право», 1962, № 8, стр. 73.

³⁹ П. Дагель. Вопрос, требующий разрешения. «Социалистическая законность», 1962, № 2, стр. 69.

Признание лица рецидивистом, и тем более особо опасным, — важнейший судебный акт, который может быть вынесен только на законных основаниях. Такими основаниями являются виновность лица в совершении одного из преступлений, перечисленных в норме об особо опасном рецидиве, и наличие у него предыдущей судимости также за определенные в законе деяния. Снятая судимость означает, что соответствующий приговор утратил силу, что лицо даже имеет право вообще нигде и никогда не сообщать о нем. Тем более, следовательно, лишаются законного основания такие серьезные выводы правового характера, как признание виновного особо опасным рецидивистом. Поэтому нужно, по-видимому, или не снимать судимости у лица раньше времени и без достаточных оснований, или, уже сняв ее, уважать собственное решение. На этом зиждется законность в отправлении правосудия. Следует подчеркнуть вместе с тем, что снятие судимости основывается всякий раз на определенных, серьезных основаниях. Это либо истечение определенных сроков, после которых признание за отбытым приговором какой-либо силы просто бессмысленно, либо это — досрочное снятие судимости в результате судебного разбирательства, которое основывается на изучении степени исправления лица, ходатайстве общественных организаций и т. д. Таким образом, по общему правилу, судимость снимается у лица, полностью исправившегося и не представляющего опасности для общества. Но коль скоро это так, то совершение вновь таким лицом преступления может свидетельствовать либо о том, что судимость снята ошибочно, либо о том, что или сам человек, или окружающая его обстановка (чаще всего и то и другое) изменились в течение времени, прошедшего после снятия судимости, настолько, что он оказался вновь способным совершить преступление.

Однако и в том и в другом случае «вновь восстанавливать» снятую или погашенную судимость было бы неправомерно. В первом случае это означало бы, что данное лицо должно отвечать за последствия ошибки, допущенной соответствующими органами. Во втором случае, когда совершенно новые причины и обстоятельства стоят у истоков совершенного преступления, такое лицо реально, фактически не может рассматриваться как рецидивист.

Нормы советского уголовного права, регулирующие борьбу с рецидивом, построены на общих принципах социалистического права, преследуют цель всемерного укрепления законности при разрешении дел подобной категории. В противоположность этому в уголовном законодательстве буржуазных стран, регулирующем ответственность за рецидив преступлений, находит яркое выражение отказ в ряде случаев от таких принципов уголовного права, как ответственность за вину, отказ от презумпции невиновности и т. д.

Проблема законодательного регулирования борьбы с рецидивом не нова. Законы, карающие рецидивистов, еще в конце прошлого столетия были приняты в ряде капиталистических стран. Рецидив как социальное явление внутренне присущ капиталистическому строю, он неотделим от буржуазного общества.

Для борьбы с рецидивом буржуазные государства издают многочисленные законы. Ведущей линией буржуазного законодательства, регулирующего борьбу с рецидивом, является тенденция к такому построению наказания, при котором оно из санкции, соответствующей тяжести содеянного, превращается в так называемую меру безопасности. Размер этой «меры» определяется уже исходя не из степени опасности деяния, а из интересов «безопасности общества». За этим понятием скрывается, в первую очередь, «безопасность» имущих классов, обеспечение их личных и имущественных интересов.

Поэтому формальные нормы законов, направленных против рецидивистов, по видимости как будто равные для всех, на деле служат целям ограждения привилегий господствующих классов, дополнительным орудием подавления и угнетения. Отсюда — отход при конструировании соответствующих норм от краеугольных буржуазно-демократических положений, некогда провозглашенных самими же теоретиками буржуазного уголовного права. Законодательство о борьбе с рецидивом в буржуазных странах представляет собой одно из проявлений отхода буржуазии в период империализма от «ею же созданной и для нее ставшей невыносимую законности»⁴⁰.

Ниже приводится краткий анализ некоторых норм по борьбе с рецидивом, предусмотренных отдельными зако-

⁴⁰ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 20, стр. 16.

нодательными актами Англии и США, где бурный рост рецидива обусловил существование довольно развитой системы мер по борьбе с ним.

Особенностью англо-американского законодательства о рецидиве является отчетливая тенденция не просто усиливать наказание за рецидив, но и обосновать его применение, выходя за рамки общих оснований уголовной ответственности, устраняя подчас состав преступления как основание уголовной ответственности, конструируя ответственность без вины.

По уголовному праву Англии лицо, уже однажды осужденное за совершение тяжкого преступления, после совершения любого другого преступления может подлежать тюремному заключению на любой срок вплоть до пожизненного.

В США рост преступности, и в особенности рост рецидива, привел к тому, что за последние 70 лет федеральное правительство и почти все штаты приняли законы о привычных преступниках. Общее для всех этих законов то, что они вводят обязательное и значительное повышение наказания за последующее преступление.

Особенность отдельных законов состоит в том, что одни из них устанавливают либо пожизненное тюремное заключение, либо заключение на другие длительные сроки в случае третьего и четвертого осуждения за совершение любого преступления; другие предусматривают усиление наказания за повторное совершение лишь определенных преступлений, перечисленных в законе; третьи усиливают наказание за совершение любых преступлений; наконец, четвертые предусматривают в случае повторного осуждения за совершение какого-либо преступления тюремное заключение на срок, который зависит от определенных условий.

Законы отдельных штатов США имеют и некоторые другие особенности. Так, согласно Нью-Йоркскому уголовному кодексу, лицо, один раз или дважды осужденное в пределах штата за совершение тяжкого преступления или за попытку его совершить, в случае осуждения за второе или третье преступление наказывается следующим образом: если второе или третье тяжкое преступление таково, что за его совершение впервые подсудимый мог бы быть наказан тюремным заключением на любой срок, но не пожизненно, то он должен быть приговорен

к тюремному заключению в порядке неопределенного приговора. Особенность такого приговора состоит в том, что суд устанавливает в приговоре лишь верхний и нижний пределы наказания. Реальный срок заключения определяется в этом случае тюремной администрацией. Причем на практике максимальные сроки колеблются обычно в пределах от 50 до 90 лет тюремного заключения. Но и эти сроки — не предел. В федеральной тюрьме на острове Алкатрас (штат Калифорния), например, содержатся заключенные на срок в 199, 112 и 99 лет. Средний же срок заключения лиц, находящихся в этой тюрьме, превышает 30 лет.

Принятые в штате Нью-Йорк в 1927 г. так называемые законы Бомса вводят правило, согласно которому за четвертое преступление суд обязан приговорить обвиняемого к пожизненному тюремному заключению.

Другой чертой англо-американского законодательства о рецидиве является признание лица привычным преступником и введение превентивного (предупредительного) заключения, резко отличающегося по своей сущности от наказания за первичное совершение преступления.

Так, в Англии, согласно Закону о предупреждении преступлений 1871 г., лицо, которое было осуждено по обвинению в мошенничестве либо в подделке денег или в некоторых других преступлениях и которое вновь обвинено в совершении преступления в течение семи лет после отбытия приговора за последнее из преступлений, подлежит тюремному заключению на один год в любом из случаев, перечисленных в этом законе (ст. 20). Это следующие случаи:

1. Лицо, которое обвинено полицейским в «добывании средств к существованию бесчестными средствами», будет предано суду упрощенного производства, причем констэбль докажет суду, что имеются «основательные причины для признания того, что подсудимый обеспечивал свое существование „бесчестными средствами“».

Надо сказать, что закон не затруднил себя точными формулировками, ибо под понятие «бесчестные средства», очевидно, можно подвести самые разнообразные случаи. Характерно то, что установления конкретного случая обеспечения своего существования «бесчестными средствами» здесь вовсе не требуется, так как ответст-

венность лица основывается судом не на признании наличия конкретного деяния, а лишь на признании «основательности причин» для такого обвинения. Выразительно звучат слова о добывании именно «средств к существованию», т. е. речь идет, так сказать, о «хлебе насущном» — проблеме, как известно, затрагивающей преимущественно неимущие слои. Нетрудно представить себе такое положение, когда любой безработный с легкостью может быть подведен под действие этой нормы.

Обращает на себя внимание и процессуальный момент. Подсудимый целиком отдан во власть констэбля, который является и лицом, расследующим данное дело, и обвинителем по нему, и единственным свидетелем. На лицо отрицание презумпции невиновности и замена ее презумпцией виновности.

2. Эта норма распространяется на тех, которые, будучи обвинены в совершении преступления и представ перед судом упрощенного производства, откажутся сообщить свое имя и адрес либо сообщат о них ложные сведения. Здесь мы уже сталкиваемся с фактом конструирования нового состава, предназначенного специально для дважды судившихся, т. е. с фактом того, что деяние, в обычных условиях не наказуемое в уголовном порядке, переходит в разряд деяний уголовно наказуемых, причем наказуемых достаточно серьезно. Это объясняется тем, что субъект такого деяния — рецидивист.

3. Лицо подлежит наказанию, если оно «находилось в любом месте — общественном или частном при таких обстоятельствах, которые будут достаточны для суда, перед которым это лицо предстанет, для признания того, что оно совершило или помогало совершить или старалось создать благоприятные условия для совершения или попытки совершения любого преступления».

Первое, что характеризует эту норму, — максимальная расплывчатость формулировки инкриминируемого деяния. Здесь все вменяется в вину равным образом: совершение и попытка совершения, старание создать благоприятные условия как для совершения, так и для попытки совершения любого преступления. Второе — это то, что суд как бы освобождается от обязанности установить наличие самого события в действительности, объективно, и может основывать свой приговор на той степени вероятности, при которой суд признает соответствующие

«обстоятельства» достаточно подозрительными. Это также обусловлено фактом прежней судимости.

4. Упомянутое наказание также применяется в случае, «если лицо находилось в любом помещении, не будучи в состоянии удовлетворительно объяснить суду, перед которым оно предстанет, основания своего нахождения». Таким образом, лицо может не сделать абсолютно ничего, быть абсолютно ни в чем не виновно, но, будучи обязано этой нормой доказывать свою невиновность и не сумев по каким-нибудь причинам этого сделать, подлежит тюремному заключению.

Будучи в двух последних случаях застигнуто с оружием и не сумев доказать, что оружие находится в его владении в законных целях, лицо признается виновным в преступлении, предусмотренном законом об оружии, и на основании этого закона заключается в тюрьму сроком на семь лет.

Чтобы полнее обрисовать положение этого лица, можно добавить, что в первом, третьем и четвертом случаях оно может быть арестовано полицейским без ордера на арест.

Идея превентивного заключения получают дальнейшее развитие и выступает более отчетливо в нормах, установленных законом о предупреждении преступлений, принятым в 1908 г.

Смысл этого закона выражен в норме, предоставляющей суду право признавать лицо «привычным преступником».

Что служит основанием для такого признания?

1. Осуждение в прошлом не менее трех раз.
2. Наличие «упорного бесчестного или преступного образа жизни» обвиняемого.
3. Признание судом полезным «в интересах общества» содержание подсудимого в превентивном (предупредительном) заключении.

Признав же обвиняемого «привычным преступником» суд может приговорить его к превентивному заключению на срок от пяти до десяти лет. Этот срок обвиняемый должен отбывать после отбытия наказания за совершенное преступление, т. е. в дополнение к нему.

Базу для применения превентивного заключения значительно расширяет ныне действующий Уголовный закон 1948 г.

В одном из решений Уголовного апелляционного суда Англии указывается, что «главной целью превентивного заключения не является ни исправление, ни наказание преступника. Его подлинная цель — охрана общества путем направления таких людей в заключение на длительный период».

Аналогично, Кодекс штата Нью-Йорк (США) устанавливает, что если кто-либо был ранее осужден в пределах данного штата за совершение какого-либо преступления и впоследствии будет вновь осужден за совершение тяжкого преступления или если кто-либо был ранее пятью раз осужден в пределах штата за совершение проступка, то в дополнение к любому другому наказанию, установленному судом, он может быть признан привычным преступником (ст. 1020).

Ст. 1022 этого же Уголовного кодекса устанавливает, что губернатор штата может освободить преступника от этого состояния, т. е. от признания его привычным преступником (помиловать), как и от всякого другого наказания; но если помилованное таким образом лицо впоследствии будет осуждено за совершение тяжкого преступления, определение о признании его привычным преступником может быть снова вынесено на основании этого штата предыдущего осуждения и несмотря на помило-

Уголовный кодекс Калифорнии постановляет, что привычное лицо привычным преступником может повлечь за собой его заключение в тюрьму на всю жизнь. Привычным преступником лицо должно быть признано в случае, если оно осуждено в тюрьме штата за любое преступление, уже осужденным каким-либо судом за перечисленные в этой же статье преступления против личности или имущества (ст. 644, п. «б»).

Таковы некоторые характерные черты англо-американского законодательства о рецидиве.

РЕЦИДИВНАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ

Деление преступности на первичную и рецидивную имеет достаточное основание.

Совершение преступления впервые, пусть даже сравнительно опасного, оставляет серьезную надежду на то, что лицо, возможно, перевоспитается в процессе отбывания наказания либо воспоминания об ограничениях и лишениях, неизбежно связанных с наказанием, удержат на будущее такое лицо от повторения преступления. Для лица, еще не осуждавшегося и не подвергавшегося уголовному наказанию, угроза уголовной репрессии — серьезный противодействующий мотив, способный побороть возникший в сознании субъекта преступный умысел. Неизвестное, неиспытанное всегда представляется более нежелательным. Именно поэтому, в частности, важно применять к первичным преступникам по мере возможности иные меры воздействия, альтернативные мерам уголовного наказания и лишению свободы в особенности, прибегая к последнему в случае действительной необходимости.

Если не испытанное субъектом уголовное наказание еще может удерживать его от совершения преступления, то уже примененное раз к нему и не давшее должного эффекта наказание резко снижает в отношении этого лица свое общепредупредительное воздействие. Анализ отдельных случаев, а также статистика подтверждают, что гораздо более удерживает от совершения преступления еще не применявшееся наказание, чем наказание, однажды примененное и не давшее должного результата. Рецидивиста отличает от первичного преступника именно это знакомство с механизмом правосудия — он «усваивает» опыт, приобретенный в камере следователя, в зале

судебного заседания, в месте заключения. Иногда, к сожалению, оказывается так, что ни позор публичного разбирательства дела, ни тяготы лишения свободы, ни воспитательная работа не дают своих результатов, проходят мимо сознания субъекта, и единственное, что он выносит из пережитого,— это убеждение о том, что «не так страшен черт, как его малюют», а также новые преступные связи и знакомства.

И хотя, как мы покажем дальше, сам состав рецидивистов далеко не однороден, основное, что отличает их от первичных преступников и придает им известные общие черты,— это уже применявшееся к ним уголовное наказание, по тем или иным причинам не давшее должного результата. Эта особенность данной категории преступников неизбежно заставляет сделать их предметом специального исследования в теории, а также обуславливает необходимость создания в законе специальной системы мер борьбы с рецидивом и последовательного применения этих мер на практике.

Преступность — отживающая категория в нашем обществе. Тем более сокращается, отживает рецидивная преступность — явление глубоко чуждое основным экономическим и социальным закономерностям развития страны. В нашей жизни давно уже нет места классической фигуре рецидивиста-профессионала, столь типичной для царской России и для современных капиталистических государств.

Американский криминолог Дэниэл Белл в статье с характерным названием «Преступность как американский образ жизни» пишет о том, что преступность в США «во многих отношениях является кривым зеркалом, отражающим в карикатурном виде нормы морали и поведения, существующие в обществе. Обычаи джунглей, характерные для американского бизнеса, в особенности в середине столетия, отразились в «деловых» методах, практиковавшихся грязными гангстерскими элементами»¹. Для общества, чей высший идеал — нажива, где мораль и нравственность — лишь ханжеское прикрытие корысти, возведенной в принцип всего существования человека, преступность рецидивная, профессиональная пря-

¹ Daniel Bell. Crime as an American Way of Life. The Sociology of Crime and Delinquency. New York, 1962, p. 214.

мо вытекает из экономического, социального и идеологического строя жизни. В этих условиях фигура преступника естественно олицетворяет образец быстрого достижения «успеха». «Для молодого преступника, охотящегося в асфальтовых джунглях переполненного города... «человек с пистолетом» был образцом американского героя»².

Разбой, убийство как профессия — вот характерные черты современной американской преступности.

Широко известно существование в США организации профессиональных убийц, «ответственной за невероятное число убийств — приблизительно тысячу в десятилетие до 1940 года»³.

Американские авторы Туркус и Федер пишут: «Синдикат (организация убийц. — А. Я.) с нами сегодня и не только в Бруклине, но повсюду, где есть преступность...»⁴. Эта организация глубоко проникла во все поры социального организма американского общества.

Преступность в так называемых зонах депрессии США, в негритянских «гетто» питается нищетой, которая, по признанию американских криминологов, «обнаруживается как общее явление, изменяющееся в своих проявлениях. Вследствие этого жизнь в этих районах снижена до уровня органического выживания... Нищета — явление более, чем экономическое; она носит широкий характер: плохие дома, перенаселенность, ограниченность мест проживания, ограниченность форм самовыражения, ограниченные возможности работы и т. д.»⁵

Преступность, и прежде всего рецидивная, профессиональная, в капиталистических странах — не более, чем обнаженная форма отчаянной борьбы за «успех» в жизни, «успех», рисуемый ложными идеалами буржуазного «процветания». Преступность неотделима от капиталистического общества и неистребима в его рамках. Среди лиц, осужденных федеральными судами США к тюремному заключению в 1955 г., было 65% рецидивистов. В 1960 г. в США среди всех осужденных было 67% рецидивистов.

² Daniel Bell. Crime as an American Way of Life. The Sociology of Crime and Delinquency. New York, 1962, p. 214.

³ Burton Turcus and Sid Feder. The story of the Syndicate Murder, Ink. New York, 1952 p. IV.

⁴ Там же.

⁵ «The Sociology of Crime and Delinquency», p. 162.

Среди многих проблем, которые пришлось решать в первые годы после революции молодому Советскому государству, была проблема борьбы с преступниками-профессионалами. «Доказано практикой розыска, — указывалось в литературе 20-х годов, — что большинство тяжчайших преступлений, убийств и грабежей с насилиями совершаются уголовным рецидивом.

Эти преступления носят следы озлобленного рецидива и, не изучая его, уголовный розыск не сможет выполнить своей задачи. Даже вся прикасающаяся к рецидиву молодежь идет по наклонной плоскости и увлекается на путь преступления, так как старый рецидивист всегда постарается не только вовлечь профана, но и взвалить всю тяжесть преступления на новичка, на которого суд и само общество смотрят снисходительно»⁶.

В 40-х годах в печати сообщалось, что при резком сокращении в нашей стране профессиональной преступности, все же наибольшее распространение имели такие преступления, как кража и хулиганство, причем эти преступления совершались преимущественно лицами молодого возраста, «лицами без определенных занятий, ранее судимыми», а «67% всех осужденных за кражу составили лица, имевшие ранее судимости за кражи и другие преступления», причем почти половину осужденных за эти преступления «составляют лица без определенных занятий»⁷.

Относительно состояния рецидивной преступности последнего времени высказывалось мнение, что «если во время всесоюзной переписи 1926 г. свыше 1/4 содержащихся в местах заключения имели по три и более судимости, то в настоящее время число подобных лиц сократилось вдвое»⁸.

Другие авторы указывают, что «из всех опрошенных рецидивистов только 6% имели от четырех судимостей и более» и что «большинство убийц привлекались в прошлом к уголовной ответственности за кражи, хулиганство и другие преступления и только 4% совершили по-

⁶ С. Н. Кренин. Резервы уголовного рецидива. «Административный вестник», 1925, № 11, стр. 76.

⁷ И. Каганович. Борьба с преступностью в Москве «Социалистическая законность», 1940, № 6, стр. 19.

⁸ А. Б. Сахаров. О личности преступника и причинах преступности в СССР. Госюриздат, 1961, стр. 133.

вторное убийство. Из отбывших наказание за изнасилование совершали подобные преступления ранее 7% осужденных, а среди грабителей таких осужденных оказалось 16,6%». Приводятся также данные о том, что «75% опрошенных воров ранее совершали кражи, а 47% хулиганов привлекались к уголовной ответственности за хулиганство»⁹.

Интересные данные, характеризующие некоторые особенности рецидивной преступности, приведены Е. В. Болдыревым. В результате выборочного обследования группы рецидивистов было установлено, что большинство из них впервые совершили преступление будучи несовершеннолетними (в возрасте до 14 лет — 8,2%, в 14 лет — 10%, 15 лет — 14,5%, 16 лет — 10,9%, 17 лет — 18,2%). Общий процент рецидивистов, совершивших первое преступление до 18-летнего возраста, равен 61,8%.

Обследование выявило также, что только 27,3% от общего числа обследованных рецидивистов имели до 18 лет обоих родителей. 16,3% потеряли в этом возрасте обоих родителей, 49,1% не имели или потеряли отца, 6,3% потеряли мать.

При анализе данных о времени совершения этими лицами первого преступления оказалось, что почти половина их совершили первое преступление в период 1942—1947 гг., т. е. когда особенно ощутимыми были трудности военного и послевоенного периода¹⁰.

В литературе последнего времени к числу конкретных причин рецидивной преступности относились такие, как «слабое трудовое перевоспитание рецидивистов в местах заключения; неоправданные затруднения, чинимые им в трудоустройстве, прописке и организации быта после освобождения из заключения; недостаточное внимание и поддержка со стороны государственных органов и общественности бывших правонарушителей, их стремлений покончить с прошлым и начать честную жизнь»¹¹.

По инициативе работников ряда исправительно-трудовых учреждений одной из областей РСФСР было про-

⁹ В. Н. Рошин, М. П. Лашин. К вопросу об изучении преступности. «Советское государство и право». 1960, № 7, стр. 171.

¹⁰ «Вопросы методики изучения и предупреждения преступлений», Госюриздат, 1962, стр. 130.

¹¹ А. В. Сахаров. Указ. соч., стр. 134.

ведено специальное обследование группы заключенных-рецидивистов с целью выявления причин совершения ими повторных преступлений. Обобщение полученных данных позволяет прийти к некоторым выводам о причинах рецидивной преступности.

К числу условий, оказывающих определенное влияние на рецидив преступлений, относятся прежде всего личные и семейные обстоятельства данного лица. У большинства заключенных, совершивших повторные преступления, как выяснилось из личных бесед с ними, нет отца или матери или вообще родителей и родственников. Часть из них воспитывалась в детских домах. Так, из общего числа обследованных нет отцов у 37%, нет матерей у 24%.

Анализ показал, что из общего числа обследованных вторично осужденных 50% составляют молодые люди в возрасте от 17 до 30 лет. Из числа обследованных 30% неграмотных и малограмотных, 55% имеют образование в объеме 4—6 классов. Таким образом, 85% составляют молодые люди, которые либо не имеют полного среднего образования, либо даже малограмотны.

Отрицательное влияние на состояние рецидивной преступности не может не оказывать такое положение, когда, например, из общего числа освобожденных из заключения 30% ранее, до совершения второго преступления, вышли из исправительно-трудового учреждения малограмотными и неграмотными, а 18% освободились без специальности.

Например, Одинцова Раиса Устиновна, 1933 г. рождения, уроженка г. Челябинска, малограмотная и не имеет специальности (ее отец погиб на фронте в Отечественную войну, мать проживает в г. Челябинске и работает швейцаром в средней школе), до первой судимости жила на иждивении матери. В июне 1949 г. была впервые осуждена народным судом Советского района г. Челябинска за кражу сроком на семь лет лишения свободы. Наказание отбывала в детской трудовой колонии г. Ульяновска. Досрочно освободилась в 1952 г. малограмотной и без специальности. После освобождения приехала в г. Челябинск к матери и устроилась работать на штамповочный завод чернорабочей, но затем не работала. В феврале 1953 г. за воровство была вторично осуждена сроком на десять лет. По амнистии срок наказания был

сокращен на пять лет. В июне 1956 г. освободилась по зачетам рабочих дней и снова вернулась домой малограмотной и без специальности. Устроилась работать на часовой завод разнорабочей. В феврале 1957 г. была осуждена за кражу в третий раз. Таким образом, и детская трудовая колония, и исправительно-трудовое учреждение, в котором Одинцова в общей сложности провела 5 лет, не смогли помочь ей ликвидировать малограмотность и приобрести специальность. Во время обследования она училась в колонии во втором классе общеобразовательной школы.

Капустина Роза Васильевна, 1924 г. рождения, уроженка г. Ульяновска, имела образование семь классов. До первой судимости за кражу в июле 1951 г. работала на плодвинзаводе судомойкой. Была осуждена на семь лет. Освободилась без специальности в 1953 г. по амнистии. После освобождения поступила на работу в Жилстрой. Второй раз судилась в августе 1954 г. за мошенничество. В октябре 1954 г. была освобождена досрочно по зачетам рабочих дней, не получив никакой специальности. Вышла замуж, но вскоре муж ее бросил. В марте этого же года судилась третий раз за кражу и вновь была осуждена на шесть лет. Вряд ли будет ошибочным вывод, что, наряду с неблагоприятным течением обстоятельств личной жизни (распад семьи, развод с мужем), рецидив преступлений Капустиной был в известной степени обусловлен и отсутствием у нее специальности.

Большое место в ряду обстоятельств, которые влияют на рецидивную преступность, занимает преступное разлагающее влияние на заключенных, особенно на молодежь, со стороны опасных преступников-рецидивистов.

В литературе приводились данные о том, что «среди большой группы обследованных несовершеннолетних, осужденных за особо тяжкие преступления (убийство, изнасилование, разбой, кража, хулиганство и т. п.), свыше $\frac{2}{3}$ совершили преступления в группе, причем в трех из пяти случаев в группе были либо ранее судимые (почти 30%), либо взрослые. Еще значительнее роль рецидивистов в таких преступлениях, как кража и разбой. Из 134 опрошенных подростков, осужденных за эти преступления, 117 (более 87%) совершили их в группе, при

этом в 71 случае (свыше 60%) в группе были лица, ранее судимые»¹²

В этом отношении характерен Шахматов Юрий Егорович, уроженец г. Челябинска, с образованием шесть классов. Первое преступление Шахматов совершил в сентябре 1953 г. — разбойное нападение и грабеж. Был осужден на 15 лет. В июне 1956 г. был амнистирован и передан на поруки родителям. Приехав в Челябинск, развращенный рецидивистами, Шахматов не стремился честно трудиться и получить профессию. В течение шести месяцев он 7 раз устраивался на работу и увольнялся из разных предприятий города. Делал он это, по его словам, с целью обмана родителей (якобы искал хорошей работы). На самом же деле он таким образом прикрывал свои преступные действия. В феврале 1957 г. снова был осужден за грабеж на 15 лет. В беседе Шахматов хвастливо заявил, что он получил «закалку» в период трехлетнего пребывания в детской трудовой колонии.

Чигвинцев Анатолий Александрович, 1935 г. рождения, первый раз был осужден за хищение в мае 1954 г. на два года. После освобождения, вместо того чтобы жить у матери и честно трудиться, Чигвинцев стал заниматься хищениями и вынужден был часто менять место жительства. В результате 30 мая 1957 г. был арестован и осужден за разбой сроком на 15 лет. В беседе Чигвинцев сказал, что, находясь более полутора лет в исправительно-трудовом учреждении, он попал под влияние воров-рецидивистов и стал настоящим «вором».

Филенков Егор Васильевич, 1925 г. рождения, впервые был осужден за хищение в 1954 г. В 1955 г. был помилован Президиумом Верховного Совета РСФСР. После освобождения устроился на работу трактористом, но фактически на работе только числился. Занимался систематически хищениями, развращал молодежь, создал шайку воров. В мае 1957 г. был пойман и осужден за кражу и разбой. На беседе Филенков заявил, что, отбывая наказание, он научился «легко жить», «познал воровские приемы».

Практика показывает, что часто преступники-рецидивисты силой и угрозами заставляют лиц, отбывавших с

¹² А. Б. Сахаров. Указ. соч., стр. 134.

ними наказание, совершать то или иное преступление, для того чтобы оказать рецидивистам материальную помощь деньгами и посылками. Так, Луценко Николай Павлович, 1938 г. рождения, образование 6 классов, по специальности плотник 4-го разряда, первое преступление совершил в сентябре 1955 г. За хулиганские действия он был осужден сроком на три года. Луценко рассказывает, что по прибытии в лагерь он попал под влияние так называемых «воров в законе», от которых перед освобождением получил задание оказывать им денежную поддержку. В мае 1956 г. был амнистирован и досрочно освобожден. После освобождения приехал к матери в г. Ярославль, но по специальности работать не стал, так как искал такую организацию, где можно было бы, занимаясь хищениями, выполнять задание воров. Совершив несколько преступлений, он приехал в г. Челябинск, где проработав 17 дней, совершил кражу и уволился. После этого систематически занимался хищениями. 1 января 1958 г. Луценко был арестован за ограбление кассы в магазине и нанесение при задержании телесного повреждения работникам милиции. Был вновь осужден. Сейчас прокликает рецидивистов, которым неоднократно посылал большие суммы.

Серьезной проблемой, влияющей на рецидивную преступность, является проблема трудоустройства освободившихся из заключения. К сожалению, еще не везде понимают, что оказание освободившемуся помощи в трудоустройстве важно не только для самого освободившегося, но и для советского общества, которое терпит ущерб в результате рецидива преступлений¹³.

Например, Сырников Виктор Михайлович, 1937 г. рождения, образование 5 классов, уроженец Челябинска, по профессии сантехник, первый раз был осужден в апреле 1955 г. за хищение сроком на 5 лет. Тем же судом вскоре срок наказания был ему снижен до двух лет. В августе 1956 г. освобожден досрочно по зачетам рабочих дней. В сентябре 1956 г. Сырников приехал в Челябинск к матери. Обращался в отделы кадров ряда

¹³ По данным, которые приводит А. Б. Сахаров, «при опросе группы заключенных, имевших две и более судимости, 51,2% заявили, что после освобождения от наказания за первое преступление, они пытались устроиться на работу, но им всюду отказывали по мотивам судимости» (А. Б. Сахаров. Указ. соч., стр. 268).

заводов. После предъявления справки об освобождении всюду получал отказ в приеме на работу. В октябре того же года обратился в горисполком с просьбой помочь трудоустроиться. Горисполком написал письмо в отдел кадров тракторного завода, но начальник бюро найма на работу Сырникова все же не принял. Так он до января 1957 г. не смог устроиться на работу. Вскоре он вступил в связь с ворами-рецидивистами, попал под их влияние и совершил повторное преступление — грабеж, за что был осужден на 15 лет.

Не всегда приводили к должным результатам и обращения освобожденных за помощью в трудоустройстве в органы Министерства охраны общественного порядка. Вот история Мухаметтанова Рафаила Шагеевича, 1931 г. рождения, образование — 5 классов, специальность — сапожник. Первое преступление (грабеж) совершил в 1951 г., за что был осужден на 15 лет. В октябре 1956 г. по зачетам рабочих дней и с применением амнистии был освобожден досрочно. Прибыл в г. Троицк к своим родителям. В октябре 1956 г. обратился в отдел кадров обувной фабрики, где работал до осуждения. В приеме на работу ему отказали под предлогом полной укомплектованности штатов. После этого он обращался в жиркомбинат и другие предприятия города, где ему в работе также отказывали. Тогда он вместе с секретарем комсомольской организации жиркомбината обратился к начальнику милиции с просьбой помочь ему устроиться на работу. Однако помощи не последовало. В феврале 1957 г. Мухаметтанов вступил в преступную связь с воров-рецидивистом Новиковым С. Д., который имел три судимости за хищение и прибыл в г. Троицк из исправительно-трудового учреждения. Вдвоем они совершили разбойное нападение.

Мы рассмотрели лишь некоторые обстоятельства, влияющие на рецидивную преступность. Отсутствие родителей или дурное обращение в семье с ребенком в тот важнейший период, когда складывается его характер, отрицательные примеры дома и на улице, слабая воспитательная работа в школе, алкоголь — вот причины ранней преступности. Места заключения, влияние «опытных» рецидивистов, не всегда удовлетворительная работа по перевоспитанию осужденных, отсутствие профессии, привычки трудиться, затруднения с пропиской и трудо-

устройством после освобождения, отсутствие надзора и заботы, алкоголь, «друзья» с уголовным прошлым — и вот уже совершено второе преступление.

Особо следует подчеркнуть связь, существующую между преступностью несовершеннолетних и рецидивной преступностью, так как преступление, совершенное до достижения лицом 18 лет, подчас служит лишь началом преступной «карьеры» рецидивиста. Все промахи и упущения, допущенные в борьбе с преступностью несовершеннолетних, неизбежно отрицательно сказываются на состоянии рецидивной преступности. Поэтому успешное искоренение рецидива в значительной степени зависит от эффективности работы по предупреждению преступлений, совершаемых несовершеннолетними, прочности и надежности их своевременного исправления и перевоспитания.

Борьба с алкоголизмом и наркоманией также имеет непосредственное отношение к проблеме борьбы с рецидивной преступностью. Нередки случаи, когда именно алкоголизм играет решающую роль в формировании устойчивого антисоциального поведения субъекта, выражающегося в неоднократном совершении корыстных, насильственных и иных особо тяжких преступлений. Систематическое употребление некоторыми рецидивистами наркотиков облегчает и ускоряет распад их личности, значительно затрудняет их перевоспитание, выключая этих лиц из сферы воздействия обычными исправительно-трудовыми методами, и, вместе с тем, делает их весьма общественно опасными. Алкоголизм и наркомания приводят к тому, что у преступника-рецидивиста значительно снижается моральный и интеллектуальный уровень. Эти факторы способствуют возникновению преступного замысла, определяют исход борьбы мотивов в сознании рецидивиста в пользу преобладания отрицательных, антисоциальных мотивов, подавляют голос совести, чувство долга, чувство уважения к закону, развивают эгоистические, циничные устремления. Борьба с алкоголизмом — непременное условие успешности борьбы с рецидивной преступностью.

Однако главным, принципиальным в отношении рассматриваемой проблемы является вывод о том, что рецидивная преступность в наших условиях — явление, не имеющее сколько-нибудь серьезной социальной основы. Она, как и всякая иная преступность, в нашей стране может быть и безусловно будет ликвидирована.

ПРЕСТУПНЫЕ ГРУППИРОВКИ РЕЦИДИВИСТОВ

Наряду с изложенными выше обстоятельствами на состояние рецидивной преступности оказывали влияние и некоторые специфические факторы, нуждающиеся в особом рассмотрении. Речь идет о группировках воров-рецидивистов.

В п. 3 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 5 мая 1961 г. «Об усилении борьбы с особо опасными преступлениями» сказано: «Установить, что особо опасные рецидивисты, а также лица, осужденные за тяжкие преступления, терроризирующие в месте лишения свободы заключенных, вставших на путь исправления, или совершающие нападения на администрацию, а также организующие в этих целях преступные группировки или активно участвующие в таких группировках, наказываются лишением свободы на срок от восьми до пятнадцати лет или смертной казнью» (ст. 77¹ УК РСФСР).

В этом акте впервые в нашем уголовном законодательстве получила суровую оценку такая форма деятельности рецидивистов, как организация преступных группировок и активное в них участие.

Углубленное исследование состояния рецидивной преступности показывает, что в этой области проявились тяжелые последствия культа личности, сказалась обстановка беззакония и произвола, насаждавшаяся в исправительно-трудовых учреждениях того времени. «В исправительно-трудовых учреждениях в результате вражеской деятельности Берия и его сообщников имели место нарушения социалистической законности. Партия и правительство приняли все необходимые меры для ликвидации этих нарушений и полностью их устранили»¹.

¹ «Советское исправительно-трудовое право». Под ред. Б. С. Утевского. Госюриздат, 1960, стр. 45.

В ряде исправительно-трудовых учреждений определенное время не велась воспитательная работа, администрация подчас попустительствовала нарушениям режима, не вела борьбу с рецидивистами, которые содержались вместе с остальными заключенными, часо терроризировали, обирали и грабили их. В таких местах заключения были случаи убийств, бандитских нападений, создавались условия для деятельности преступных группировок воров-рецидивистов. Их преступная деятельность, ныне получившая такую суровую оценку в Указе от 5 мая 1961 г., в то время не пресекалась.

О бездеятельности администрации и безнаказанности совершения рецидивистами тяжких преступлений в местах заключения свидетельствуют результаты проведенного нами выборочного обследования группы наиболее опасных рецидивистов, которое показало, что почти все случаи совершения рецидивистами бандитских нападений (92,6%) и почти половина убийств (45,2%) приходится на долю мест заключения того времени. В совершении этих преступлений серьезную роль сыграли преступные группировки рецидивистов. Обследование показало, что среди участников преступных группировок преобладающее место занимают лица с большим числом судимостей.

Не будет преувеличением сделать вывод о том, что на появление наиболее опасных категорий рецидивистов определенное влияние оказали последствия культа личности в области исправительно-трудовой политики.

Решительная и радикальная перестройка исправительно-трудовых учреждений навсегда покончила с не- нормальным положением в этой области. «В настоящее время Коммунистической партией и Советским правительством принят ряд мер для того, чтобы всемерно укрепить социалистическую законность в местах лишения свободы»².

Однако задача борьбы с рецидивной преступностью еще потребует определенных усилий со стороны работников следствия, суда и исправительно-трудовых учреждений. В связи с этим необходимо также глубже исследовать вопрос о преступных группировках рецидивистов в

² Р. А. Руденко. Задачи дальнейшего укрепления социалистической законности в свете решений XX съезда КПСС. «Советское государство и право», 1956, № 3, стр. 18—19.

плане общих положений учения о соучастии, разрабатываемых теорией уголовного права.

Разумеется, было бы неверно вопрос о преступных группировках рецидивистов сводить только к проявлениям последствий культа личности в области исправительно-трудовой политики. Группировки рецидивистов, их возникновение связаны с самим характером особо опасного рецидива. Паразитическое существование, неоднократное совершение тяжких, корыстных, насильственных преступлений, значительное ослабление социально полезных связей — все это создает известную общность положения подобного рода преступников. Вместе с тем ясно, что совершение серьезного преступления облегчается наличием соучастников. Для длительной преступной деятельности нужны специальные условия, обеспечивающие сбыт добытого преступным путем, незаконное проживание в определенной местности и т. д. Таким образом, соучастники преступлений, совершаемых особо опасным рецидивистом, становятся соучастниками всей его преступной деятельности в целом, объединяются в преступную группировку.

Преступное сообщество — шайка определялась в 20-х годах как «длительное сплоченное соучастие, как бы готовый людской аппарат для совершения общественноопасных деяний»³. Позднее также указывалось, что «под воровской шайкой следует понимать устойчивую организованную группу, составившуюся для совершения краж. Признаки устойчивости и организованности характерны для шайки»⁴.

Несмотря на то, что эта точка зрения была подвергнута критике⁵, позднее в литературе вновь указывалось, что имеются «хорошо организованные, связанные круговой порукой преступные группы», что «устойчивость можно констатировать и по делам по обвинению участников разбойных и воровских шаек, за редким исключением также представляющих организованные, спаянные

³ А. Н. Трайнин. Уголовное право. Общая часть. М., 1929, стр. 347.

⁴ Н. Д. Дурманов. Наказуемость хищения государственного и общественного имущества, кражи личного имущества и разбоя по указам от 4 июня 1947 г. «Социалистическая законность», 1947, № 10, стр. 5.

⁵ И. Голяков. Против извращения смысла указов от 4 июня 1947 г. «Социалистическая законность», 1947, № 11, стр. 21.

личными связями и совместной преступной деятельностью группы»⁶. Более того, есть мнение, что «конструктивным признаком преступного сообщества, который выделяет его из всех прочих видов соучастия, является... его устойчивость, т. е. более или менее длительное существование, наличие у всех его членов решимости совершить, как правило, не одно, а несколько преступлений»⁷.

Таким образом, признак устойчивости является одним из существенных для понятия преступного сообщества.

В отношении преступных группировок рецидивистов устойчивость преступного сообщества связана с рядом особенностей. По мнению В. И. Пинчука, устойчивость преступных группировок рецидивистов связана с существованием таких факторов, как наличие определенной корпоративной дисциплины, круговой поруки и обусловленности хотя бы в общих чертах мер наказания, применяемых к «изменникам» и «предателям»⁸. В конце 20-х годов констатировался большой процент выпущенных на свободу и возвращающихся воновь на преступный путь рецидивистов «вследствие того, что они не отказались от навыков или взглядов преступной среды или же не могут уйти от нее, терроризируемые своими товарищами»⁹.

Указ Президиума Верховного Совета СССР от 5 мая 1961 г. сформулировал понятие преступной группировки — понятие, дополняющее существующие в теории и в законе понятия преступных сообществ — антисоветской организации, банды. Для правильного применения этой введенной Указом 5 мая 1961 г. новой законодательной нормы необходим анализ признаков преступной группировки, данных в этом указе.

Речь здесь идет не просто о преступной группировке, а о преступной группировке в месте лишения свободы. Следовательно, по этому закону требуется наличие спе-

⁶ В. И. Пинчук. Шайка — вид преступной организации, «Известия высших учебных заведений. Правоведение», 1959, № 4, стр. 114.

⁷ М. И. Ковалев. Соучастие в преступлении, ч. 2. «Ученые труды Свердловского юридического института», т. 5. Серия «Уголовное право». Свердловск, 1961, стр. 224.

⁸ См. В. И. Пинчук. Указ. статья, стр. 111.

⁹ А. Ю. Шпирт. Убийство «на дне». Сб. «Убийства и убийцы». М., 1928, стр. 315.

циальной цели, преследуемой данной группировкой, а именно — цели терроризирования заключенных; вставших на путь исправления. Однако было бы неверно во всех случаях требовать у участников такой группировки наличия к тому же специальной цели — дезорганизовать работу исправительно-трудового учреждения в целом¹⁰.

Своеобразие разбираемой законодательной конструкции состоит также в особенностях субъектов данного преступления. Субъект здесь характеризуется двояко: это особо опасные рецидивисты и лица, осужденные за тяжкие преступления и являющиеся в то же время либо организаторами, либо активными участниками преступной группировки.

Анализ нормы закона, предусматривающего ответственность за дезорганизацию работы исправительно-трудовых учреждений (ст. 77¹ УК РСФСР), показывает, что эта норма содержит фактически три самостоятельных состава, объединенных только общими признаками субъекта (особо опасные рецидивисты и лица, осужденные за тяжкие преступления), а именно:

- а) терроризирование заключенных, вставших на путь исправления;
- б) нападение на администрацию;
- в) организация преступных группировок и активное участие в них.

Отсюда можно сделать важный вывод о том, что ответственность за участие в преступных группировках наступает как за законченное деяние с момента организации группировки, независимо от того, выполнила ли группировка задуманные конкретные преступные действия. Степень же опасности реально содеянного, естественно, должна быть учтена судом при выборе меры наказания. Пленум Верховного Суда СССР в п. 5 Постановления от 3 декабря 1962 г. указал, что в соответствии с законом организация особо опасными рецидивистами и лицами, осужденными за тяжкие преступления, преступных группировок в целях нападения на администрацию и терроризирования заключенных, вставших на путь исправления, или активное участие указанных лиц

¹⁰ Подобный взгляд, высказанный Г. Чернышевым («Советская юстиция», 1962, № 10), был подвергнут справедливой критике в статье В. Самсонова и А. Сафонова («Социалистическая законность», 1963, № 2, стр. 29).

в таких группировках образует состав преступления, предусмотренный ст. 77¹ УК РСФСР, и в том случае, когда группировка еще не совершила намеченных преступных действий. В этом случае подлежат ответственности организаторы и активные участники таких группировок, в связи с чем при рассмотрении дела суды должны особое внимание уделять установлению действительной роли и степени участия каждого подсудимого в преступной группировке, не допуская фактов осуждения за одну лишь причастность к ней.

Если же организатор или активный участник совершает в связи с преступной деятельностью группировки еще и другое тяжкое преступление (например, убийство), ответственность, на наш взгляд, должна наступать по совокупности соответствующих статей закона. Правда, если такое лицо совершает сравнительно менее опасное деяние (угроза убийством, нанесение телесных повреждений), то оно охватывается формулой «нападение на администрацию и терроризирование заключенных» и следовательно (об этом прямо говорится в постановлении Пленума), должно соответственно квалифицироваться по одной лишь ст. 77¹ УК РСФСР.

Практически организаторами и активными участниками преступных группировок в местах лишения свободы чаще всего бывают именно особо опасные рецидивисты или лица, осужденные за тяжкие преступления. Однако как быть, если выяснится, что организатором или активным участником преступной группировки является не особо опасный рецидивист и не осужденный за тяжкое преступление? По буквальному смыслу закона такие лица ответственности по данной норме не подлежат, так же как и особо опасные рецидивисты или лица, осужденные за тяжкие преступления, в случае, если они входят в преступную группировку, но не являются организаторами или активными участниками ее.

Преступные группировки рецидивистов действуют иногда и вне исправительно-трудовых учреждений, однако ответственность за участие в такого рода преступном сообществе не установлена. Представляется, что вопрос об ответственности лиц, входящих в преступные группировки рецидивистов («воров»), нуждается в дальнейшем законодательном регулировании, а действующие нормы закона — в дальнейшем усовершенствовании, тем более

что особая опасность рецидивистов такого рода связана с их постоянным стремлением совратить окружающих их лиц, чаще всего из среды молодежи, привить им свои преступные взгляды¹¹. Хотя количественно такого рода рецидивисты и составляют весьма незначительную часть осужденных повторно, недооценивать их опасность было бы неверно. И там, где ослабевает борьба с ними, может быть ощутима деятельность преступных группировок.

В результате коренной перестройки советских исправительно-трудовых учреждений за последнее десятилетие положение дел там радикально изменилось, особо опасные рецидивисты, как правило, изолируются от менее опасных преступников, во всех учреждениях ведется активная воспитательная работа, причем в исправительно-трудовых учреждениях «была установлена возможность перевода наиболее злостных нарушителей режима, активных участников уголовных группировок в специальные колонии строгого режима, где были созданы особо строгие условия изоляции преступного элемента»¹².

В статье В. Самсонова и А. Сафонова «Правильно использовать закон об уголовной ответственности за действия, дезорганизующие работу исправительно-трудовых учреждений» справедливо указывается: «Что же касается уголовных дел об организации преступных группировок в целях нападения на администрацию и терроризирования честно работающих заключенных или за активное участие в этих группировках, то такие дела единичны». Авторы делают, однако, важный вывод о том, что «это объясняется не только снижением количества подобного рода преступлений, но и не всегда должным выявлением

¹¹ Слесарь завода «Красный пролетарий» Герой Социалистического Труда В. В. Ермилов пишет в статье, напечатанной в «Комсомольской правде»: «Смотрите-ка, как те же воротилы блатного мира, пресловутые „воры в законе“ умеют на цыпочках влезать в душу подростка. Одного — на страхе, другого — на „романтике“, третьего — на ложном товариществе, четвертого — на подачках заманивают к первому ложному шагу. Ювелирная работка! Мать одного из подростков с удивлением говорила мне, как ее, женщину немало опыта, очаровал своими манерами, речами, одеждой новый знакомый ее сына. И как ахнула она потом, узнав, что это прожженный рецидивист. Да, они в таком обличье подкрадываются сейчас» («Комсомольская правда», 23 января 1963 г.).

¹² А. Л. Ременсон. Индивидуализация наказания в процессе его исполнения. Томский государственный университет им. Куйбышева. Сборник работ юридического факультета. Томск, 1961, стр. 85.

организаторов и активных участников таких группировок»¹³.

Кировским областным судом 15 апреля 1961 г. Шилов был осужден за то, что он, отбывая наказание в местах лишения свободы, покушался на убийство Пестова из мести, в связи с добросовестным выполнением Пестовым обязанностей бригадира заключенных. Новокшонов признан виновным в том, что он подстрекал Шилова убить Пестова и дал ему нож. Характерно, что жертва преступления — Пестов добросовестно относился к труду, был активистом, твердо встал на путь исправления и содействовал администрации в пресечении нарушений режима. «В связи с этим, — подчеркивается в приговоре, — часть заключенных — злостных нарушителей режима, и в том числе Новокшонов, были недовольны Пестовым». Особого внимания заслуживает и тот факт, что когда Новокшонов подстрекал Шилова, находившегося под его влиянием, убить Пестова, он говорил ему, что этим убийством Шилов оправдает себя в глазах прежних соучастников, обвинявших Шилова в том, что он их «выдал». Налицо характерное для мотива преступлений, совершаемых участниками преступных группировок рецидивистов, «обвинение» в нарушении преступного «закона».

Не только места заключения являются подчас ареной деятельности рецидивистов. 22 января 1957 г. Верховный суд Белорусской ССР приговорил к расстрелу особо опасного рецидивиста Федорова-Петрова. Этому приговору предшествовали следующие события. 22 июня 1955 г. он вместе с рецидивистами Лянским и Гурвичем переправился на остров Минского озера, где уже находилось человек 15 рецидивистов. На острове состоялось «судилище», где Лянский должен был отчитаться за нарушение преступных «законов». Кончилось оно расправой над Лянским, который был убит по решению участников группировки Гурвичем и Федоровым-Петровым. Приведенный случай показывает одну из форм деятельности такого специфического и весьма опасного вида преступного сообщества, которым являются преступные группировки воров-рецидивистов, с организаторами и активными участниками которых должна вестись беспощадная борьба.

¹³ «Социалистическая законность», 1963, № 2, стр. 29.

ОБЩЕСТВЕННАЯ ОПАСНОСТЬ ЛИЧНОСТИ РЕЦИДИВИСТОВ

Органы следствия, суд, исправительно-трудовые учреждения обязаны изучать личность особо опасных рецидивистов. «Суд, рассматривая вопрос о признании лица особо опасным рецидивистом, учитывает характер и степень общественной опасности совершенного преступления, личность виновного и обстоятельства дела» (примечание I к ст. 24 УК РСФСР). Более того, «во всех случаях признания лица особо опасным рецидивистом суд обязан, помимо ссылки на примечание к ст. 24 УК РСФСР, в описательной части приговора привести основания и мотивы признания лица особо опасным рецидивистом»¹.

Изучение личности рецидивистов является частью более общей проблемы изучения личности преступника, одной из наиболее сложных и наименее разработанных проблем уголовного права.

«Задача юристов состоит в том, чтобы вместе с филологами, экономистами, психологами, педагогами проанализировать факторы, порождающие преступность, выявить их относительный удельный вес в формировании личности преступника, изучить действенность и результативность применяемых мер наказания и дать научные рекомендации по дальнейшей борьбе с преступностью»².

При изучении личности преступника необходимо исходить из принципиального положения о том, что в наших условиях преступник — это прежде всего носитель чуждой нам идеологии, человек, чье сознание заражено пережитками эксплуататорского общества, частнособ-

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РСФСР от 10 июня 1961 г. «Бюллетень Верховного Суда РСФСР», 1961, № 1, стр. 11.

² «Коммунист», 1963, № 16, стр. 32.

ственнической моралью, это — носитель взглядов, представлений, характерных для общества, основанного на эгоизме, жажде наживы, господстве прубой силы.

Сейчас исключено такое положение, когда можно «быть общественно опасным субъектом и нести уголовную ответственность, не совершая преступления»³. Закон четко установил, что «уголовной ответственности и наказания подлежит только лицо, виновное в совершении преступления» (ст. 3 УК РСФСР). Приведенная норма — краеугольный камень законности в отправлении правосудия, основа гарантий прав граждан.

На XXII съезде КПСС справедливо указывалось на ряд недостатков в правовой науке, приводились примеры из области криминалистики, общей теории права, уголовного процесса. Но в критическом осмысливании нуждается, без сомнения, и область уголовного права. Действительно, если по форме нарушения социалистической законности в период культа личности часто выражались в пренебрежении к нормам уголовного процесса, в забывании, а иногда и в прямом устранении ряда важнейших процессуальных гарантий, то по существу они нередко сводились к попранию многих принципиальных положений советского уголовного права.

Одним из важнейших узаконенных положений является положение о том, что лицо подлежит уголовной ответственности за конкретное, указанное в законе деяние — действие или бездействие. Ни образ мыслей, ни какое-либо состояние лица, свойства его личности сами по себе не могут служить основанием для применения уголовной репрессии. «Преступлением признается предопределенное особенной частью настоящего кодекса общественно опасное деяние (действие или бездействие)...» (ст. 7 УК РСФСР).

Почему особенно важно подчеркнуть это сейчас? На XXII съезде партии указывалось, что в период культа личности были приняты чрезвычайные уголовные законы, в результате применения которых были осуждены и погибли многие честные и преданные партии и народу руководители. В тот период появился целый ряд внесудебных органов, в том числе Особое совещание при

³ А. Н. Трайнин. Уголовное право. Часть общая. М., 1928 стр. 184.

НКВД СССР, которому было предоставлено право применять уголовные наказания вплоть до заключения в исправительно-трудовые лагеря на срок до пяти лет «к лицам, признаваемым общественно опасными»⁴. В 1953 г. было ликвидировано Особое совещание⁵. Это был не случайный акт, а закономерное мероприятие, проведенное партией по ликвидации тягчайших последствий культа личности. Восстановление ленинских принципов социалистической законности повлекло отмену норм, противоречивших демократическому существу социалистического уголовного права.

Уголовная репрессия, не связанная с конкретным преступным деянием, не выполняет важнейшей функции уголовного закона — восстановить справедливость, поправную в результате совершения преступления. Уважение к закону, воспитание чувства святости закона — важнейший элемент формирования народного правосознания, и закон достигает этого только в том случае, если сам является воплощением мудрости и справедливости. Без постоянного роста правосознания народа невозможно воспитание в людях коммунистической нравственности, невозможно достигнуть такого положения, когда соблюдение основных правил человеческого общежития станет привычкой, сделает органически невозможным существование преступности, а следовательно, сделает ненужным и существование принудительных органов государства. Поэтому никак нельзя согласиться с тем, что «никакие априорные, т. е. независимые от наблюдения и опыта, принципы справедливости. — о которых так часто говорили и продолжают говорить писатели метафизического направления, — не могут быть приняты наукой в основу ее построения»⁶. Требование справедливости закона нельзя отбросить, как «метафизическое». Мы должны воспитывать уважение к советским законам. А поэтому мы не должны отступать от важнейшего положения советского уголовного права о том, что наказуемо может быть лишь конкретное, общественно опасное, противоправное деяние.

⁴ «Сборник нормативных актов по советскому исправительно-трудовому праву». Госюриздат, 1959, стр. 304.

⁵ «Партийная жизнь», 1957, № 4, стр. 68.

⁶ С. В. Познышев. Учебник уголовного права. Общая часть. 1923, стр. 5.

Закон как олицетворение воли народа — выше всех, в том числе и лиц, его применяющих. К закону обращаются, чтобы наказать преступника, защитить от него общество. К закону апеллируют и для того, чтобы восстановить истину, если она искажена, избежать незаслуженного обвинения, неосновательных репрессий. Следовательно, борьба с преступностью только тогда и успешна, когда она ведется в рамках законности, когда репрессия настигает тех, кто этого действительно заслуживает, когда возможность ошибочного наказания, прямого злоупотребления уголовной репрессией сводится к минимуму. А это значит, в свою очередь, что уголовному наказанию подлежит только тот человек, который совершил деяние, прямо указанное в законе как наказуемое, причем вина его должна быть доказана в установленном законом порядке.

Меры, направленные на борьбу с преступностью, должны применяться, как правильно отмечал А. Н. Трайнин, «всюду, где существует социальная опасность, поддающаяся устранению или уменьшению при помощи этих мер»⁷. Все дело в том, что меры уголовного наказания могут явиться следствием только преступления. Это, однако, не исключает применения в отношении менее социально опасных деяний иных мер — предупредительных и воспитательных, не связанных с уголовным наказанием⁸. Только в этом смысле можно согласиться с мнением этого автора о том, что «последовательная борьба с преступностью, как явлением социальным, значительно шире, чем борьба с преступлениями»⁹.

При решении вопроса об основании уголовной ответственности незыблемый приоритет состава преступления, конкретного общественно опасного деяния вовсе не означает, что личность преступника во всем многообразии ее свойств выпадает из сферы уголовного права.

В большинстве случаев в современной литературе изучение проблемы личности преступника исчерпывается изучением проблемы субъекта преступления.

⁷ А. Н. Трайнин. Указ. соч., стр. 184.

⁸ В частности, о мероприятиях по предупреждению разного рода преступлений см. монографию «Вопросы методики изучения и предупреждения преступлений». Госюриздат, 1962.

⁹ А. Н. Трайнин. Указ. соч., стр. 184.

Безусловно, важнейшие свойства личности преступника, охватываемые признаками субъекта преступления, входят в общую совокупность элементов, характеризующих деяние в качестве преступного. Вне этих признаков нет преступления и не может быть ответственности. Однако сразу же после решения вопроса об основании ответственности — в стадии индивидуализации ответственности становится ясным, что одних этих общих признаков субъекта преступления уже недостаточно. Исполнение наказания (особенно в виде лишения свободы), если его не ограничивать изоляцией осужденных, а стремиться к их перевоспитанию (как это обязывает делать закон), также неизбежно должно базироваться на изучении свойств личности преступника, явно выходящих за рамки учения о субъекте преступления. Учение о личности преступника должно лежать в основе предупреждения преступлений путем влияния на индивидуальные факторы преступности. Изучение характерных черт личности преступника имеет значение не только для индивидуализации ответственности и успешного перевоспитания осужденных. Оно должно стать важным элементом в разработке и проведении мероприятий государственных и общественных органов по предупреждению еще не совершенных преступлений. Можно утверждать, что без научной разработки вопросов изучения личности преступника будет затруднено разрешение проблемы предотвращения преступлений, которой, по требованию Программы партии, должно быть уделено «главное внимание».

Понятие «личность преступника» употребляется действующим законодательством. Из этого, однако, не следует, что закон имеет в виду какую-то специфически преступную личность или такое лицо, которое отличается от прочих, обычных, не преступных лиц. Преступной личности не существует, так же как не существует и каких-либо специфически преступных свойств и качеств. Другое дело, что, изучая личность человека, совершившего преступление, мы можем обнаружить в ней такие качества и свойства, которые, отнюдь не сами по себе, а в сочетании с отрицательно влияющими на него внешними факторами и в результате сознательного решения, принятого лицом, приводят его к совершению преступления. Поэтому во всех случаях, когда мы говорим об изучении личности преступника, мы имеем в виду изуче-

ние особенностей личности обычного человека, для того чтобы выявить те его отрицательные свойства, которые повлияли на совершение им преступления. Главное здесь заключается в том, что нет таких людей и нет таких черт личности, которые заранее и с неизбежностью предопределяли бы совершение лицом преступления. Индивидуальные свойства людей могут способствовать или препятствовать совершению ими преступления, но не могут детерминировать, обречь лицо на их совершение.

Большую помощь науке уголовного права при изучении личности преступника оказывают основные положения материалистической психологии. Собственно говоря, уголовное право по своему существу неразрывно связано с конкретными психологическими категориями. Анализ субъективной стороны состава преступления неизбежно предполагает оперирование психологическими категориями восприятия, предвидения, желания и т. д. Понятие мотива, цели, целого ряда смягчающих и отягчающих вину обстоятельств, относящихся к личности преступника, целиком базируется на психологических категориях. Советское уголовное право отвергает объективное вменение, когда действие, абстрагированное от индивидуальных свойств и качеств субъекта, влечет автоматическое наказание. В этом случае справедливость ускользает от суда, цели наказания искажаются.

Уметь видеть в преступнике не только абстрактного «субъекта преступления», но и живого человека во всей сложности его психологических черт — это значит наиболее разумно и целесообразно применить закон. Уметь учитывать особенности механизма ощущений, восприятий — значит правильно оценить показания свидетелей, потерпевших, обвиняемого, успешнее и полнее расследовать дело и т. д. В этом отношении ученые в долгу перед практиками. В юридической литературе мы можем назвать лишь небольшое число работ, рассматривающих проблемы психологии применительно к задачам борьбы с преступностью. Весьма актуальна задача привлечения советской психологии на службу правосудию.

Необходимо продолжить и расширить разработку учения о личности преступника. Конечным результатом такой разработки должен быть новый раздел в учебниках по уголовному праву — «Личность преступника», в котором положения уголовного права о субъекте преступле-

ния были бы развиты с позиций материалистической психологии, советской социологии и криминологии.

Само учение о личности преступника никак не должно противопоставляться учению о составе преступления, а, наоборот, оно должно развиваться на его основе. Всестороннее изучение личности преступника в теории и на практике поможет всемерному укреплению социалистической законности в нашей стране.

Монография А. Б. Сахарова «О личности преступника и причинах преступности в СССР», и, в частности, глава «Субъективные (психологические) обстоятельства, влияющие на проявление антиобщественных взглядов и побуждений в преступном посягательстве», посвящена рассмотрению таких вопросов, как вопросы об антиобщественной установке личности, о категориях (типах) преступников, анализу вопросов, связанных с ролью психологических особенностей личности в поведении субъекта, темперамента, характера, волевых и эмоциональных свойств человека, условий их формирования и уголовно-правового значения.

Представляется интересной попытка А. Б. Сахарова рассмотреть основные положения материалистической психологии (учение И. П. Павлова о типах высшей нервной деятельности, видах темперамента, динамическом стереотипе и др.) применительно к личности преступника. Однако вопросы уголовно-правового значения свойств личности преступника нуждаются в дальнейшем рассмотрении. Безусловно, когда психолог В. С. Мерлин пишет, что «психические свойства личности — это то, чем может оказаться человек при определенных внешних условиях», и что «поэтому психологическая характеристика личности является вместе с тем предсказанием, как может вести себя человек при данных (определенных) обстоятельствах»¹⁰, то в общепсихологическом смысле он прав. Но когда отсюда делается вывод о том, что «характерологические свойства личности в ряде случаев могут служить косвенным доказательством тех или иных фактов и обстоятельств (объективного или субъективного свойства), подлежащих установлению по делу»¹¹, то этот вывод

¹⁰ В. С. Мерлин. Очерк психологии личности. Пермь, 1959, стр. 13.

¹¹ А. Б. Сахаров. О личности преступника и причинах преступности в СССР. Госюриздат, 1961, стр. 195.

нуждается в некоторых существенных оговорках. Перенесение этого положения психологии в область уголовного права возможно, учитывая, что только объективные данные, выявленные и закрепленные в установленном законом порядке, могут служить доказательством (даже косвенным) в уголовном деле. Опять-таки не свойства (качества) людей (в том числе и психологические свойства и качества), а конкретные общественно опасные действия, причем непременно выявленные и зафиксированные в установленном законом порядке, могут быть включены в сферу уголовного права и процесса, могут рассматриваться в качестве данных по делу и, следовательно, оказывать влияние на судьбы людей. В этом — одна из существенных гарантий законности в отправлении правосудия. Именно здесь проходит та черта, которая отделяет психологию от права. Важно, чтобы разработка проблем изучения личности преступника шла параллельно с дальнейшей разработкой проблем состава преступления, с дальнейшим укреплением гарантий законности.

Особо должна быть отмечена недопустимость вульгарно-антропологического подхода к изучению личности преступника, поисков особых физиологических или психофизиологических свойств и качеств человека, связанных с его преступным поведением. Е. К. Краснушкин писал: «Антропологическое изучение рассматривает функциональные и морфологические типические особенности преступника, исследуя его конституцию, гигиеническое состояние (физическое развитие), расовые особенности, половые, возрастные признаки, плодовитость, мимику, производя главные функциональные измерения (силу рук, температуру и пр.), головные измерения, собирая генеалогию, фотографии, почерки и пр.»¹² Поиски специфически преступного человека, понимание преступления как патологического проявления физиологических аномалий организма — суть антропологического подхода к изучению личности преступника.

Более усложненной формой подобного подхода является перенесение поисков специфически преступных

¹² Е. К. Краснушкин. Кабинет по изучению личности преступника и преступности. Сб. «Изучение личности преступника в СССР и за границей». М., 1925, стр. 33.

качеств и свойств в психо-физиологическую сферу личности. С. В. Познышев утверждал, что в изучении личности преступника «конституции и конституциональным факторам преступности должно быть отведено центральное место», что «глубочайшие корни преступности сокрыты в конституции преступника, которая создается и изменяется под влиянием, с одной стороны, окружающих личность внешних и, прежде всего, социальных условий, а, с другой стороны,— того, что организм данного субъекта получил в наследство от предков»¹³ (подчеркнуто нами.— А. Я.).

Стремление отыскать психо-физиологическую предрасположенность субъекта как к преступлению вообще, так и к конкретным видам преступлений — также по существу вульгарно-антропологический подход к проблеме изучения личности преступника. Отсюда — утверждение, что у одного обследованного субъекта можно, например, признать «известное предрасположение к бандитской деятельности», а о другом можно говорить, что «он предрасположен лишь ко вторым ролям»¹⁴. И, наконец, финальный вывод: «главные корни преступности лежат в эмоциональной сфере личности»¹⁵.

Означает ли отрицание вульгарно-антропологического подхода к изучению личности преступника вообще невозможность применения положений психологии при проведении этого изучения?

Известно, что С. В. Познышев, основываясь на кречмеровских идеях о роли «психической конституции», выдвигал методологически порочные положения о «криминальных типах»¹⁶. П. Ф. Пашкевич прав¹⁷, критикуя С. В. Познышева за то, что целью программы психологического исследования личности преступника он ставил

¹³ С. В. Познышев. Криминальная психология. Л., 1926, стр. 5.

¹⁴ Там же, стр. 61.

¹⁵ Там же, стр. 66.

¹⁶ Идеалистические взгляды Эрнста Кречмера, изложенные в его работе «Строение тела и характер» (1921), в которой он выводит особенности характера человека из особенностей его физической конституции, оказали определенное влияние на разработку С. В. Познышевым проблемы изучения личности преступника, так же как и на развитие в то время этой проблемы в целом.

¹⁷ П. Ф. Пашкевич. Объективная истина в уголовном судопроизводстве. Госюриздат, 1961, стр. 43.

задачу выяснить, «потенциальным субъектом каких поступков является тот или иной человек, чего от него можно ждать». Однако ложность цели в данном случае еще не означает законченную порочность самой идеи психологического исследования личности преступника. Приводимая П. Ф. Пашкевичем цитата, где С. В. Познышев перечисляет реально существующие черты психологии личности и говорит о том, что именно их должно выявить исследование характера субъекта («добродота, сдержанность, мягкость, деликатность, благожелательность, сострадательность, отзывчивость» и т. д. или злоба, «вспыльчивость, раздражительность, склонность к дракам и грубости»¹⁸ и т. д.), сама по себе еще не содержит ничего «крамольного». Однако С. В. Познышев был принципиально не прав, когда утверждал, что наука уголовного права «изучает преступника как носителя опасного для общества состояния и настроения»¹⁹, а также, что «проявляемая в том или ином преступлении вина есть переходящее конкретное настроение, которое сложилось у человека под влиянием двух сил: действия на него различных событий, происходивших в окружающей среде, с одной стороны, и его психологической конституции — с другой»²⁰. Вульгарно-материалистическое, биологизированное определение вины исключало, таким образом, для С. В. Познышева избирательный характер человеческого поведения, полностью отрицало свободу воли вменяемого субъекта, вело к теории опасного состояния.

Однако тут же следует отметить, что зачеркивать на этих основаниях любую программу психологического исследования личности преступника было бы неверно. Все дело в методе, границах и целях этого исследования, в нерушимом приоритете для уголовной ответственности состава преступления, как единственного основания этой ответственности.

Именно это, очевидно, имеет в виду А. Б. Сахаров, когда он пишет, что «исследование психологических свойств личности обвиняемого по каждому конкретному делу должно производиться в определенных пределах,

¹⁸ С. В. Познышев. Доказательства в уголовном процессе. М., 1929, стр. 178, 186, 105.

¹⁹ С. В. Познышев. Учебник уголовного права. Общая часть, стр. 53.

²⁰ Там же, стр. 5.

не может превращаться в самоцель и противоречить основным задачам правосудия»²¹. Предпринятая этим автором впервые в современной литературе попытка решить проблему изучения личности преступника с позиции материалистической психологии заслуживает внимания, а сама проблема — дальнейшей разработки.

На наш взгляд, целью психологического изучения личности человека, совершившего преступление, является выяснение:

а) системы взглядов и представлений, характеризующих это лицо, нравственных критериев, которыми руководствуется данный человек в своих поступках;

б) уровня его интеллектуального развития, объема знаний, широты взглядов и т. д.;

в) иных особенностей характера его личности, придающих индивидуальную окраску реакциям на возникающие ситуации.

В работах ряда советских ученых в последнее время значительное место уделяется изложению учения о типах темпераментов, типах высшей нервной деятельности²².

Для того, чтобы правильно, с позиций материалистической психологии представить себе соотношение интеллектуальных и эмоционально-характерологических свойств личности (темперамента и пр.), необходимо учитывать, что, как пишет А. И. Ильина, «темперамент представляет собой прежде всего динамическую характеристику психической деятельности — ее темп, силу, продолжительность и т. п.», причем следует согласиться, что «динамические особенности не являются основными и наиболее значимыми свойствами личности. Таковы убеждения, способности, знания. Черты темперамента прежде всего и оцениваются по тому, в каком отношении они находятся к мотивам, особенно к положительным мотивам, которыми руководствуется личность в своих поступках. В зависимости от мотивов получают разную оценку одни и те же черты темперамента»²³.

Выявление системы нравственных, духовных ценностей — главное в психологическом изучении личности.

²¹ А. Б. Сахаров. Указ. соч., стр. 196.

²² См., например, А. Б. Сахаров. Указ. соч.; А. Н. Беляев. Цели наказания и средства их достижения. Изд-во ЛГУ, 1963, и др.

²³ А. И. Ильина. О социально-психологической оценке черт темперамента. «Вопросы психологии», 1963, № 3, стр. 48.

Часто извращенное представление об истинных жизненных ценностях прямо связано с антиобщественным поведением субъекта. Преступность — явление социальное. Основа преступности временна, исторически преходяща, следовательно, временно и исторически преходяще и само преступление. С исчезновением породивших его социальных условий (или в нашей стране — их пережитков) преступность исчезнет. Конечно, преступление как акт сознательной деятельности несет на себе субъективный отпечаток, в нем часто проявляются те или иные черты психологии личности. В отличие от социальной сущности преступления психологические факторы (точнее, конкретные стороны психологии человека — характер, темперамент и т. д.), влияющие на конкретное преступление, имеют, естественно, более личный характер (хотя и сами они складываются под влиянием общественного бытия). Однако воля, темперамент, те или иные типы характеров были всегда и «пребудут вечно» в отличие от социальной основы преступления, с исчезновением которой исчезнет и преступность. Констатация этого положения необходима для того, чтобы выделить решающую роль социального содержания в понятии преступности.

Черты психологии конкретного лица выявляются в совершении именно им какого-то конкретного преступления (это положение весьма важно учитывать при расследовании данного преступления, при наказании и перевоспитании именно данного лица). Но коль скоро речь идет в целом о преступности как о явлении, нужно еще и еще раз подчеркнуть социальную сущность преступности.

Рассматриваемая нами проблема не исчерпывается вопросами психологического изучения личности преступника. Важнейший аспект этой проблемы — разработка методики индивидуально-социологического изучения преступника. Эти направления не могут противопоставляться друг другу, так как принципиальным для материалистического понятия личности является признание социальной обусловленности непосредственно психологических черт личности. Однако их необходимо и различать.

Социальные свойства личности преступника, его социальная характеристика неразрывно связаны с характеристикой его непосредственной среды и более общей

характеристикой его социального положения. Социальная характеристика может включать в себя как самые общие данные о личности преступника (о принадлежности лица к той или иной социальной группе), так и узко конкретные данные (семейное и производственное положение и т. д.); социальная характеристика лица есть вместе с тем характеристика его общественных связей, его социального положения, его взаимоотношений с обществом, окружающими его лицами. Семья, квартира, производство — во всех этих компонентах социальной среды лицо вступает в многообразные, определяющие его социальные свойства и качества, взаимоотношения с членами данной группы.

Не нужно доказывать, насколько важна социальная характеристика личности преступника для правильного применения в конкретном случае закона, а также для разработки и проведения мероприятий по предупреждению преступности. Естественно, что лицо может по-разному проявлять себя в социальной среде. Оно может, как это чаще всего бывает, успешно поддерживать и развивать социально полезные общественные связи и характеризоваться положительными социальными свойствами и качествами, но иногда оно может пренебрегать своими общественными обязанностями, поступать наперекор им, разрывать, искажать свои связи с обществом, завязывать преступные, порочные отношения на базе отрицательных поступков, заслуживая тем самым отрицательной социальной характеристики²⁴.

Однако никакая, даже самая отрицательная характеристика личности сама по себе еще не дает оснований для применения репрессии. Не случайно, что по новому уголовному законодательству исключается возможность уголовной ответственности и наказания лица, не совершившего конкретного преступления, но представляющего общественную опасность по своей прошлой преступной деятельности или по своим связям с преступными элементами.

Ныне уголовная ответственность в соответствии с действующим УК РСФСР возможна лишь при наличии

²⁴ В определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда СССР от 18 апреля 1961 г. говорится, что подсудимый Хачатрян «является социально запущенной личностью» («Бюллетень Верховного Суда СССР», 1961, № 4, стр. 21).

конкретного деяния, признаваемого кодексом преступлением.

Самыми первоначальными, элементарными данными о личности рецидивистов являются сведения об их возрасте, профессии, наличии или отсутствии постоянного места жительства, семьи.

В результате специального выборочного обследования возраст рецидивистов был сопоставлен с видом совершенных ими преступлений. Рецидивисты были разбиты на пять возрастных групп (от 18 до 20 лет, от 21 года до 25 лет, от 26 лет до 30 лет, от 31 года до 40 лет, от 41 года и старше). Число лиц в возрасте от 18 до 20 лет оказалось незначительным, основной возрастной контингент составили лица в возрасте от 20 до 40 лет. На эти две возрастные группы пришлось 94,3% всех обследованных рецидивистов, причем на группу лиц в возрасте от 26 до 30 лет пришлось 44,8% всех рецидивистов, т. е. почти половина общего числа обследованных лиц.

Вслед за этим обследованием были выявлены составы совершенных рецидивистами преступлений, произведена группировка рецидивистов по видам этих преступлений (за 100% брались все лица, осужденные за однородные преступления). Каждая из таких однородных групп в свою очередь была разбита по возрасту. При этом выяснилось, что среди рецидивистов, осужденных за кражи и побег, преобладают лица второй возрастной группы (от 21 года до 25 лет). 13,3% лиц этого возраста среди осужденных за убийство, 6,7% — за бандитизм, 24,3% — за разбой, 15,8% — за изнасилование. Вместе с тем среди рецидивистов, осужденных за убийство, половина лиц в возрасте от 26 до 30 лет. Эта же третья возрастная группа преобладает и среди лиц, осужденных за бандитизм (43,0%), разбой (45,2%), изнасилование (57,8%). В четвертой возрастной группе рецидивистов (от 31 года до 40 лет) заметен значительный спад по всем видам наиболее опасных преступлений. Число лиц пятой возрастной группы (41 год и выше) совсем невелико, оно даже меньше, чем число рецидивистов первой возрастной группы (от 18 до 20 лет). Сорокалетний возраст знаменует, как правило, конец активной преступной «карьеры» рецидивистов.

Далее эти же рецидивисты были сгруппированы по числу имеющих у них судимостей. Здесь опять-таки за

100% брались лица каждой из указанных пяти возрастных групп. В целом соотношение было таково: судимых во второй раз — 68,9%, в третий раз — 29,9%, в четвертый раз и более — 11,2%. При сравнении между собой различных возрастных групп видно, что с возрастом процент рецидивистов, имеющих две судимости, заметно понижается. Если в группе лиц в возрасте от 18 до 20 лет судимых во второй раз было 60%, а среди лиц в возрасте 21—25 лет — 87,9%, то среди лиц в возрасте от 31 года до 40 лет их уже было 54,8, а среди лиц последней возрастной группы (41 год и старше) — 51,5%. Это понижение сопровождается относительным возрастанием процента рецидивистов с тремя, четырьмя и более судимостями. Так, если во второй возрастной группе лиц с тремя судимостями 12,2%, то в третьей их — 17,9%, в четвертой — 28,3%. Если в третьей возрастной группе лиц с четырьмя и более судимостями 12,2%, то в четвертой их — 16,9%, а в пятой — 24,3%.

Выявившаяся тенденция заставляет с особым вниманием отнестись к рецидивистам пятой возрастной группы (от 41 года и старше), невзирая на их относительную малочисленность в общем числе обследованных рецидивистов (около 5% от общего числа). Более углубленное обследование этой возрастной группы рецидивистов показало, что именно в их числе находятся чаще всего наиболее опасные преступники — организаторы и активные участники преступных группировок.

Обследование показало, что с ростом числа судимостей растет процент рецидивистов с отрицательными показателями в области социально полезных связей. Паразитический образ жизни — характерная черта такого рода преступников. Эта черта обусловлена самой сущностью особо опасного рецидива как устойчивой формы преступной деятельности, основанной, как правило, на систематическом совершении преступлений с целью ведения паразитического образа жизни.

Среди преступлений, составляющих особо опасный рецидив, ведущее место занимают корыстные преступления. Показательны в этом смысле данные выборочного обследования преступников, говорящие о резком возрастании корыстных мотивов у рецидивистов, осужденных за убийство. Так, если среди осужденных обследованной группы, ранее не привлекавшихся к уголовной ответственности,

осужденные за корыстные убийства составили 4%, то среди рецидивистов корыстные убийства совершили 43%. В случае, когда такие преступления совершаются как система, когда добытое преступным путем обращается в основной источник существования преступника, есть все основания говорить о паразитическом образе жизни как характерном признаке особо опасного рецидивиста.

В Постановлении Пленума Верховного Суда РСФСР от 7 сентября 1961 г. «О судебной практике по делам о хищениях социалистической собственности» указывается, что часто хищения совершают лица, «фактически ведущие антиобщественный, паразитический образ жизни»²⁵.

Кунгурский городской народный суд Пермской области в своем приговоре от 14 марта 1961 г. по делу Филипповского Н. И. указал, что Филипповский был судим в 1949 г. за хищение государственного имущества, в 1956 г.— за кражу, в 1960 г.— вновь за кражу и после этого опять совершил кражу личного имущества. Признавая Филипповского особо опасным рецидивистом, суд указал в приговоре, что «подсудимый Филипповский в 1959 г., освободившись из мест лишения свободы, длительное время общественно полезным трудом не занимался, постоянного места жительства не имел, средства для существования извлекал за счет краж».

В приговоре Судебной коллегии по уголовным делам Ростовского областного суда в г. Новочеркасске от 4 августа 1961 г. по делу Белова П. И. указывалось, что «Белов ранее был неоднократно судим, первый раз был наказан без лишения свободы, однако совершил более серьезное преступление, был освобожден условно-досрочно, трудоустроен, но, не желая работать, он систематически пьянствовал, вел паразитический образ жизни, разложившись морально, совершил особо опасное преступление».

Именно паразитизм часто обуславливает такую черту особо опасного рецидивиста, которой является значительное ослабление социально полезных связей у подобного рода лиц.

К числу важнейших социальных связей (кроме трудовых, производственных связей, связей с общественными организациями) следует отнести связи территориальные

²⁵ «Бюллетень Верховного Суда РСФСР 1961, № 3, стр. 4.

семейные и иные, обеспечивающие правильное социальное формирование личности, ее нормальное, гармоничное развитие. Отсутствие постоянного места жительства, семьи, профессии часто характеризует особо опасного рецидивиста. Процент подобного рода лиц возрастает прямо пропорционально увеличению числа судимостей у них.

Таковы некоторые черты социальной характеристики личности особо опасных рецидивистов, которая должна быть дополнена психологической характеристикой их личности.

В ряде случаев в литературе уже отмечалось, что характерной чертой психологии особо опасных рецидивистов является наличие в их сознании устойчивой антисоциальной установки²⁶. Практика показывает, что для этой категории преступников характерно наличие прочно укоренившейся готовности действовать в одном направлении, а именно в направлении достижения своей преступной цели. Причем деятельность эта протекает отнюдь не в силу сложившейся ситуации, а часто вопреки ей. Преступная антисоциальная установка особо опасного рецидивиста формируется при неоднократном совершении виновным общественно опасных действий — преступлений. Ее наличие предопределяет легкость, с которой особо опасный рецидивист вновь решается на преступление. Наказание в виде лишения свободы, принимаемые меры воспитательного характера не влекут сразу же, автоматически отказ преступника от продолжения общественно опасной деятельности. Особая устойчивость антисоциальной установки может привести вновь совершению рецидивистом преступления после отбытия наказания²⁷.

²⁶ А. Б. Сахаров. Указ. соч., стр. 162 и др.; «Труды научной сессии ВИУН», вып. III. Госюриздат, 1958, стр. 96.

²⁷ Интересно отметить, что изданная 23 июня 1918 г. инструкция НКО «О лишении свободы как мере наказания и о порядке отбывания такового» в ст. 29 предоставила распределительным комиссиям право ставить перед местным революционным трибуналом по окончании срока заключения вопрос о продлении наказания, в том числе в отношении «упорных рецидивистов». В 1920 г. в Постановлении НКО от 6 ноября 1920 г. «О порядке применения амнистии, объявленной к третьей годовщине Октябрьской революции» вновь говорится об «упорных рецидивистах». По своему смыслу это понятие, как представляется, близко к рассматриваемому (см. «Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР. 1917—1957». Госюриздат, 1953, стр. 32, 81).

Однако и в отношении особо опасных рецидивистов в полном объеме должно применяться положение закона о том, что «уголовной ответственности и наказанию подлежит только лицо, виновное в совершении преступления, то есть умышленно или по неосторожности совершившее предусмотренное уголовным законом общественно опасное деяние» (ст. 4 Основ уголовного законодательства). Только умысел, как основное содержание субъективной стороны преступления, может служить субъективным основанием ответственности вообще и в том числе ответственности особо опасного рецидивиста. Только наличие умышленной вины может дать основание для признания лица виновным и вслед за тем для постановки вопроса о присутствии в сознании виновного (преступника-рецидивиста) дополнительно еще и антисоциальной установки, которая свидетельствует о степени опасности преступника. Это имеет серьезное значение при решении вопроса о признании (или не признании) рецидивиста особо опасным.

Наличие преступной установки оправдывает увеличение срока лишения свободы опасному рецидивисту: во-первых, необходимо на более длительный срок оградить общество от преступных посягательств особо опасного рецидивиста и, во-вторых, перевоспитание такого рода преступников, преодоление сложившейся в их психике преступной установки требует в течение длительного времени напряженных усилий лиц, ответственных за перевоспитание осужденных.

Для правильного понимания особенностей личности особо опасного рецидивиста нужно учитывать и иные черты их психологии.

Особенностью их личности является искусственно создаваемая и усиленно внушаемая ими себе и окружающим идея об их некой исключительности, необычности и превосходстве над окружающими. Решимость идти на риск и опасность, связанные с систематическим совершением преступлений, а затем показное, нарочито картинное «прожигание» жизни служат, по мнению преступника, доказательством его необычности, его «выдающихся» качеств. Однако его постоянное аморальное поведение вызывает ответное резко отрицательное отношение, презрение окружающих. И как реакция на это, как попытка внутренне, духовно компенсировать аморальность, ни-

зость своего образа жизни у преступника возникает резко преувеличенное представление о сверхценности собственной личности.

Отсюда — искусственный, противоестественный мир идей, представлений, принципов, где все «вывернуто наизнанку», где украсть, ограбить, убить — правильно и, более того, почетно, а работать, жить честной трудовой жизнью — значит быть человеком «второго сорта», заслужить презрение со стороны «настоящих воров». Высшая «доблесть» — совершить преступление, не попасться, попавшись — «не выдавать» соучастников, в месте заключения не работать, обирать заключенных, играть «артистически» в карты, беспрерывно стремиться к побегу, безусловно выполнять приказания главарей группировки. Примером такого крайнего извращения понятий является термин «честный вор», прозвище, которого заслуживает рьяный хранитель воровских традиций.

Стремление к насилию, жажда доминировать путем обмана и насилия над любой группой окружающих его лиц — отличительный признак психологии подобного преступника. Подчинить, поработить соучастников по преступлению, использовать их как орудие своего замысла, терроризировать сокамерников в месте заключения, добиться превосходства в среде преступников — такова беспрерывно преследуемая цель.

Изучение личности рецидивистов вместе с тем показывает, что далеко не всем рецидивистам присуща анти-социальная установка, эта сознательная направленность их строя мыслей и образа жизни против правопорядка, это заостренное противопоставление своих корыстных, личных устремлений интересам общественным, сознательное возведение в принцип преступного, паразитического существования. Определенную группу рецидивистов составляют преступники, которые хотя и совершают преступления во второй и более раз, однако делают это не в силу сознательно противопоставляемой обществу преступной воли, а из-за деградации, обесценения в социальном аспекте свойств своей личности, выпадения из нормальных социальных связей и взаимоотношений. К этой группе рецидивистов относятся чаще всего лица, неоднократно осужденные за кражи, хулиганство, бродяжничество и попрошайничество, опустившиеся алкоголики (подчас с физическими дефектами), чья преступная дея-

тельность обуславливается не антисоциальной, а скорее, асоциальной установкой личности. Преступления этой категории преступников есть не столько результат направленности их интересов против общества и правопорядка, сколько результат того, что их интересы, устремления находятся вне сферы нормальных отношений.

Различие между рецидивистами с антисоциальной и асоциальной установкой личности часто выступает достаточно рельефно, и это, безусловно, имеет практическое значение. Необходимо учитывать, что если в борьбе с антисоциальными рецидивистами на первый план, как правило, выступает карательная сила наказания, то в отношении асоциальных рецидивистов часто оказывается более уместным усиление воспитательной, исправительно-трудовой, даже лечебной (в отношении преступников-алкоголиков) стороны репрессии (однако не вместо наказания, а наряду с ним).

Клубов И. И. 7 января 1960 г., находясь в состоянии алкогольного опьянения, вошел в комнату гр-ки В., вскрыл чемодан, из которого взял около одной тысячи рублей (в старом масштабе цен). Клубов рано лишился матери, воспитывался мачехой. С 17 лет начал работать на фабрике и в это же время стал выпивать. В 1930 г. был осужден за хулиганство на три месяца исправительно-трудовых работ. В 1936 г. осужден за кражу (на пять лет), в 1939 г. — вновь за кражу (на шесть месяцев лишения свободы), а в 1940 г. — вновь за кражу (на три месяца). С 1945 г. очень много пил, до 1,5 л водки в день, пил суррогаты спиртных напитков, продавал вещи для того, чтобы купить водку. В 1947 г. за должностную халатность осужден на один год. Затем работал путевым обходчиком. Однажды, после очередной выпивки, пытался покончить с собой (броситься под поезд). В 1949 г. осужден вновь за кражу на 10 лет. Был освобожден по амнистии в 1953 г. В 1955 г. вновь осужден за кражу (на пять лет), освобожден в 1958 г. В 1960 г. вновь совершил кражу с целью достать средства на выпивку (акт судебно-психиатрической экспертизы № 202 от 28 февраля 1961 г.).

Клубов — 1913 г. рождения. Алкоголизм выбил его из колеи нормальной жизни. У него нет определенной профессии. Совершенные им преступления, в первую очередь, — результат формирования в результате такого

образа жизни асоциальной установки его личности. В отличие от рецидивистов с антисоциальной установкой личности, для рецидивистов с асоциальной установкой личности характерны, скорей, случайные, поверхностные интересы; удовлетворение элементарных потребностей, тяга к алкоголю часто определяют все их поступки.

Не следует, впрочем, преуменьшать опасность личности асоциальных рецидивистов, тем более что на практике достаточно часто антисоциальность и асоциальность рецидивиста совмещаются. Задачи индивидуализации методов исправительно-трудового воздействия, проведение мер предупреждения рецидивной преступности подсказывают необходимость различения и учета особенностей личности рецидивистов.

Разумеется, что указание на преобладание в психологии рецидивиста либо антисоциальной, либо асоциальной установки далеко не исчерпывает всего содержания его психологии. Такого рода характеристика может дополнить, например, встречающееся в литературе указание на наличие в сознании особо опасных рецидивистов «косного» или «застойного» стереотипа²⁸, так как позволяет провести определенное различие в характере установки, дифференцировать и уточнить психологическую характеристику личности рецидивистов.

Отдельного рассмотрения заслуживает вопрос о наличии у определенной части преступников-рецидивистов психопатических черт характера. В акте судебно-психиатрической экспертизы по делу рецидивиста Грабовского (акт № 103 от 28 января 1961 г.) указывается, что Грабовский «в школу начал ходить с восьми лет. Учился удовлетворительно, но отличался выраженной недисциплинированностью, дрался со сверстниками, дерзил учителям, был упрямым, излишне подвижным, уговорам не поддавался, дома капризничал, при невыполнении его желаний падал на пол и бил ногами, несколько раз убегал из дома. Будучи во втором классе, выпрыгнул из

²⁸ Б. С. Утевский говорит о наличии в сознании рецидивистов «застойного» стереотипа, который характеризуется «как наличием устойчивой, укоренившейся системы внутренних процессов, направленных на удовлетворение антиобщественной потребности в совершении привычных действий, так и ослаблением или даже полным отсутствием в сознании лица всяких контрмотивов против совершения таких действий» («Советское исправительно-трудовое право». Госюриздат, 1960, стр. 103).

окна второго этажа, терял сознание». В акте указывается, что Грабовский является «психопатической личностью».

И. С. Ной в ряде работ делает значительный акцент на наличии психопатов среди преступников определенных категорий²⁹.

Нам представляется, однако, что необходима всесторонняя оценка того значения, которое придается этому обстоятельству, и в особенности тех выводов, которые делаются или могут быть сделаны из него.

Следует решительно предостеречь от введения на этом основании элементов психопатологии в генезис преступного поведения как преступников вообще, так и преступников-рецидивистов. Между тем, когда И. С. Ной безоговорочно приводит слова психиатра Н. Л. Бурханского о том, что «больше половины преступного мира вербуетя как раз из кадров психопатов»³⁰, или слова И. Н. Введенского об «огромном» значении «психопатии в этиологии преступности»³¹, он создает почву для такого рода опасений. Основное в данном случае заключается в том, что сами психопатии являются по преимуществу результатом порочного воспитания в гораздо большей степени, чем результатом физиологических особенностей организма.

В акте судебно-психиатрической экспертизы на рецидивиста Коровина Ю. М. (№ 284 от 23 ноября 1960 г.) указывается, что Коровин является «психопатической личностью» и что это — результат неправильной обстановки, в которой прошло его детство. «Испытуемый рос, — говорится в акте, — капризным ребенком. С пятилетнего возраста проживал в нездоровой обстановке, где постоянно собирались пьяные компании. Постепенно стал замкнутым, лживым, раздражительным, склонным к фантазированию. В школе начал учиться с восьми лет, учился плохо, был ленив. Дублировал второй класс. Окончил пять классов».

²⁹ И. С. Ной. Вопросы теории наказания в советском уголовном праве. Саратов, 1962, стр. 137, 143; Л. Крахмальник, И. Ной. О профилактике преступлений психопатов. Сборник научных работ, вып. 3. Саратов, 1961, и другие работы.

³⁰ И. С. Ной. Вопросы теории наказания в советском уголовном праве, стр. 137.

³¹ Там же.

Социальная по преимуществу обусловленность аномалий характера, образующих различные формы психопатий, заставляет с осторожностью отнестись и к выдвигаемым предложениям о применении к осужденным-психопатам мер медицинского характера. Подчеркивание в теории и на практике того, что определенная группа преступников, в том числе и рецидивистов, характеризуется некоторыми формами психопатий, ни в коей мере не должно вести к смягчению назначаемого им наказания под тем предлогом, что психопатия является определенным отклонением в характере субъекта. Психопатов, признаваемых вменяемыми, следует не лечить, а наказывать и перевоспитывать. И только в этом смысле верно говорить о необходимости в процессе исполнения наказания учета этой особенности определенных категорий преступников.

В отношении рецидивистов вторичный, производный, «благоприобретенный» характер психопатий, встречающихся у них,—бесспорен. Часто это результат длительного аморального, преступного образа жизни, употребления наркотиков и т. д.

Рассматривая вопрос об оценке того факта, что среди определенной части преступников-рецидивистов имеются лица с психопатическими чертами характера, следует иметь в виду сложный, двойственный характер данного явления. Л. И. Спивак пишет: «Клинические наблюдения позволяют заключить, что психопатия является выражением стойкой неполноценности нервной системы. В силу такой неполноценности обычные раздражители внешней среды, в том числе и социальные, являются для этой категории больных чрезмерно сильными. Изучение психопатий показывает, что подобная неполноценность не обуславливается каким-либо органическим дефектом нервной системы, так же как она и не является только следствием неблагоприятных социальных факторов, в том числе неправильного воспитания»³².

Отвергая указание на психопатии как на источник преступности, следует одновременно подчеркнуть необходимость учета этой особенности личности некоторых категорий осужденных для индивидуализации методов их перевоспитания.

³² Л. И. С п и в а к. Психопатия и психопатоподобные состояния. Автореферат на соискание ученой степени доктора медицинских наук. Л., 1962, стр. 7.

ПРИЗНАНИЕ ВИНОВНОГО ОСОБО ОПАСНЫМ РЕЦИДИВИСТОМ

Выше мы проанализировали правовые и криминологические черты рецидивной преступности. Теперь перейдем к тем особенностям, которые характеризуют реакцию государства и общества на рецидив преступлений. Особого рассмотрения заслуживают следующие вопросы: признание виновного особо опасным рецидивистом; назначение наказания рецидивистам; исполнение назначенного наказания; предупреждение рецидива преступлений.

Вопрос об ответственности рецидивистов достаточно сложен. Эта сложность проистекает из исключительности той ситуации, с которой сталкивается суд, когда он убеждается, что преступление вновь совершено лицом, по отношению к которому однажды (или несколько раз) уже применялось наказание, не давшее желаемого результата.

Краеугольным камнем уголовной ответственности является положение о том, что состав преступления — единственное правовое основание уголовной ответственности. Однако при решении вопроса о степени ответственности лица нельзя ограничиваться рассмотрением только признаков, характеризующих состав совершенного преступления.

В 20-х годах в науке уголовного права отчетливо проявилась тенденция выдвинуть на первый план при обосновании ответственности рецидивистов оценку степени опасности личности преступника. Так, Э. Я. Немировский утверждал: «Что касается взглядов на рецидив и профессиональную и привычную преступность в науке, то в последнее время наблюдается течение в пользу перенесения центра тяжести именно на обращение преступной

деятельности в профессию или привычку, тогда как рецидив является только внешним их признаком...»¹

Выдвижение понятия «привычный преступник» сопровождалось одновременным умалением значения конкретных действий виновного, как содержания объективной стороны определенных преступлений. М. М. Гродзинский писал, что «вопрос о рецидиве теряет свое значение и должен быть заменен вопросом о привычных преступниках»². Главным этот автор предлагал считать установление того обстоятельства, что «лицо обладает... прочными антисоциальными наклонностями»³. Отсюда он делал вывод, что рецидив имеет только «значение показателя особого настроения преступника»⁴, а потому, по его мнению, «все попытки заранее установить в законе внешние признаки тех преступлений, из которых можно было бы заключить о стойко антисоциальном настроении преступника, являются безрезультатными и даже вредными»⁵.

Нетрудно заметить, что в приведенных высказываниях проявилась другая крайность — считать основанием ответственности рецидивиста не состав совершенного им преступления, а «антисоциальные наклонности», «особое настроение» преступника.

Однако такой подход к решению вопроса об основании и особенностях ответственности за рецидив преступлений вновь уводит правосудие от истины. Он мог бы, если бы проявился на практике, лишить судебные органы объективного критерия в применении репрессии, создал бы предпосылки для ошибочного, неосновательного решения вопросов, связанных с ответственностью за рецидив.

Следовательно, только в стремлении избежать обеих крайностей, в стремлении сочетать и учитывать при решении вопроса об основании и особенностях ответственности рецидивистов в полной мере значение состава преступления, как единственного основания ответственности,

¹ Э. Я. Немировский. Советское уголовное право. Одесса, 1925, стр. 208.

² М. М. Гродзинский. Привычная и профессиональная преступность. «Вестник советской юстиции», 1924, № 12, стр. 337.

³ Там же.

⁴ М. М. Гродзинский. Рецидив и привычная преступность. «Право и жизнь», кн. 5—6, 1923, стр. 55.

⁵ Там же, стр. 63.

с тщательной оценкой степени опасности личности самого преступника следует конструировать нормы, регулирующие указанный комплекс вопросов.

Действительно, если совершенное в первый и во второй раз преступление — лишь показатель, признак, симптом опасности лица, то такие обстоятельства, как снятие и погашение судимости, значения не имеют. Мы же полагаем, что составы совершенных рецидивистом преступлений — это единственное основание его ответственности; коль скоро судимость за предыдущее преступление погашена или снята, отпадает законное основание рассматривать данное лицо в качестве рецидивиста.

Повышенная опасность лица может быть констатирована только в случае, если она проявилась во вне в форме конкретных деяний, описанных в законе в качестве преступлений, причем факт их совершения должен быть отражен в законном порядке в предыдущем приговоре, не потерявшем свою силу.

При определении степени общественной опасности личности рецидивиста и назначении ему наказания действуют общие принципы учета указанных в законе отягчающих и смягчающих вину обстоятельств, обстоятельств, влияющих на определение размера наказания, на которых специально останавливаться нет надобности. Но здесь необходимо вскрыть дополнительные, специфические обстоятельства, влияющие на определение размера наказания, назначаемого особо опасному рецидивисту. Дело в том, что степень опасности рецидивиста должна, по закону, определяться в форме признания или непризнания его особо опасным рецидивистом.

Следует констатировать, что входить в оценку опасности преступника приходится, кроме судебных органов, органам административным, имеющим специальное назначение (в ходе применения амнистий и т. д.), следственным органам, а также исправительно-трудовым учреждениям (при классификации и распределении осужденных, при проведении работы по условно-досрочному освобождению и т. д.).

Поэтому необходимо попытаться найти критерии, позволяющие разграничить компетенцию этих органов, и прежде всего выделить и обосновать границы исключительной компетенции суда. Вряд ли нужно подчеркивать значение такого разграничения для обеспечения законно-

сти в деятельности названных учреждений, а также для правильного решения проблемы ответственности особо опасных рецидивистов.

Применяя амнистию, соответствующие органы обязаны во многих случаях оценивать степень опасности осужденных. Так, ст. 10 Декрета ВЦИК от 4 ноября 1921 г. «Об амнистии» указала, что «органы, применяющие амнистию, имеют право в отдельных случаях возбуждать перед Президиумом Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета ходатайство о неприменении амнистии по отношению к отдельным лицам, освобождение коих может представить опасность для республики»⁶. Во исполнение этого декрета НКЮ издал инструкцию, в ст. 7 которой указывается, что «в отношении применения ст. 10 Распределительным Комиссиям следует руководствоваться как тяжестью совершенного заключенным преступления, так и сведениями о его прежней судимости»⁷.

Таким образом, к компетенции административного органа (в данном случае Распределительной Комиссии) была отнесена оценка степени опасности преступников, выделение из их среды рецидивистов и оценка степени опасности их.

Годом раньше декрета «Об амнистии» распределительные комиссии были уполномочены на оценку степени опасности рецидивистов с тем, чтобы выделять из их числа «упорных рецидивистов» и именно к ним не применять амнистию⁸.

Такую линию можно считать твердо установившейся, как как и в 1924 г. комиссии по применению амнистии входили в оценку степени опасности осужденных, руководствуясь и сведениями об их «прошлой судимости»⁹. Выделялись из общего числа рецидивистов «воры, судимые два и более раза», и «другие лица, судимые более двух раз», при применении амнистии в 1957 г.¹⁰

Исправительно-трудовые учреждения также оценивают общественную опасность осужденных и в том числе

⁶ СУ РСФСР, 1921, № 75, ст. 614.

⁷ «Сборник нормативных актов по советскому исправительно-трудовому праву». Госюриздат, 1959, стр. 96.

⁸ СУ РСФСР, 1920, № 88, стр. 450.

⁹ СУ РСФСР, 1924, № 24, ст. 241.

¹⁰ «Ведомости Верховного Совета СССР», 1957, № 24.

преступников-рецидивистов В Положении об общих местах заключения РСФСР администрации исправительно-трудовых учреждений предписывалось выделять из числа заключенных «рецидивистов», подразделяя их на рецидивистов, осужденных за преступления корыстного и некорыстного характера. В ст. 17 Исправительно-трудового кодекса 1924 г. указывалось, что «все вопросы, связанные с изменениями в положении заключенных», решаются Распределительными комиссиями с учетом целого ряда обстоятельств, характеризующих личность заключенного, и в том числе с учетом «сведений об их прежней судимости».

Так как уголовное наказание применяется только по приговору суда, деятельность по применению амнистии и работа исправительно-трудовых учреждений основывается на приговоре. Иное дело, что, применяя амнистию, законодатель может по-разному оценить степень опасности в данных конкретных условиях того или иного преступления, того или иного преступника. Точно так же и в процессе воспитания осужденных администрация исправительно-трудовых учреждений бывает вынуждена оценивать личность осужденного. Эти оценки основываются на приговоре, хотя и не ограничиваются его рамками. Такая самостоятельная оценка степени опасности преступника может даваться лишь до тех пор, пока законом не будет установлено, что степень опасности осужденного является самостоятельным основанием для наступления определенного рода правовых последствий. Коль скоро уголовный закон связывает со степенью опасности осужденного наступление конкретных последствий правового характера, решение вопроса об общественной опасности преступника становится исключительной прерогативой суда, и только наличие или отсутствие указания на степень опасности осужденного в приговоре суда может служить единственным основанием для наступления или ненаступления указанных последствий.

Изложенное позволяет прийти к следующим выводам.

Выделение из общей массы осужденных лиц, осуждаемых повторно,—непременное условие нормальной деятельности мест лишения свободы, и долгое время именно здесь в основном и велась эта работа. Рецидивист, как правило,—лицо, имеющее по меньшей мере две судимости. Два приговора — один отбытый ранее, но

не потерявший силы в связи с погашением или снятием судимости, и другой, подлежащий исполнению, — вот что позволяет делать вывод о том, рецидивист ли данный осужденный или нет. Итак, сначала два или более приговора, затем решение вопроса об отнесении лица к числу рецидивистов. Налицо, следовательно, единство двух самостоятельных моментов: осуждения лица за последнее преступление и отнесения осужденного к числу рецидивистов (ранее это делалось решением Распределительных комиссий). Правда, на суд ранее не возлагалась законом специальная обязанность признания лица особо опасным рецидивистом. Суд просто осуждал преступника за последнее преступление, нередко даже не вскрывая наличие предыдущих судимостей, затем уже администрация исправительно-трудового учреждения выявляла судимости и, соответственно, рассматривала осужденного в качестве рецидивиста.

С возложением на суд обязанности признавать или не признавать виновного особо опасным рецидивистом сохранились и оба указанных момента. В том же приговоре, которым субъект осуждается во второй раз (или третий и т. д.), при наличии определенных условий суд указывает, что виновный — особо опасный рецидивист.

Применительно к рассматриваемой нами проблеме это означает следующее. До 1958 г., т. е. до принятия Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик, уголовное законодательство не знало понятия «особо опасный рецидивист». Введя его, Основы связали с повышенной степенью опасности определенно-го рода рецидивистов конкретные правовые последствия — возможность назначения наказания на срок до 15 лет, назначения тюремного заключения, лишение возможности условно-досрочного освобождения. Уголовные кодексы всех союзных республик подробно регламентировали вопрос о порядке признания виновного особо опасным рецидивистом (например, примечание I к ст. 24 УК РСФСР). Поэтому отныне в отношении определенной группы преступников оценка степени их опасности становится исключительной прерогативой суда. И только приговор¹¹ суда может явиться тем актом, в котором эта оценка может быть отражена.

¹¹ За исключением случаев, когда в течение периода, следовавшего за принятием нового уголовного законодательства в отноше-

Признание виновного особо опасным рецидивистом и является тем новым, что характеризует работу суда по этой категории дел.

Согласно примечанию I к ст. 24 УК РСФСР, особо опасным рецидивистом по приговору суда может быть признано:

1) лицо, ранее судимое за особо опасное государственное преступление (ст. 64—73), бандитизм (ст. 77), изготовление с целью сбыта или сбыт поддельных денег или ценных бумаг (ст. 87), нарушение правил о валютных операциях (ст. 88), хищение государственного или общественного имущества в крупных размерах (ст. 89, часть третья; 90, часть третья; 92, часть третья; 93, часть третья) или в особо крупных размерах (ст. 93¹), разбой (ст. 91 и 146), умышленное убийство (ст. 102; 103; 240, пункт «в»), умышленное тяжкое телесное повреждение (ст. 108), изнасилование (ст. 117), взяточничество, совершенное при отягчающих обстоятельствах (ст. 173, часть вторая; 174, часть вторая; 174¹, часть вторая), посягательство на жизнь работника милиции или народного дружинника (ст. 191²) и вновь совершившее какое-либо из перечисленных преступлений, независимо от того, за какое из них это лицо было осуждено в первый раз;

2) лицо, ранее дважды судимое в любой последовательности за кражу (ст. 89 и 144), грабеж (ст. 90 и 145), мошенничество (ст. 93 и 147), спекуляцию (ст. 154), злостное хулиганство (ст. 206, часть вторая), сбыт имущества, заведомо добытого преступным путем, совершенный в виде промысла или в крупных размерах (ст. 208, часть четвертая), и после этого совершившее какое-либо из преступлений, перечисленных в пункте первом настоящего примечания, а также лицо, ранее судимое за какое-либо из преступлений, перечисленных в пункте первом настоящего примечания, и после этого дважды совершившее в любой последовательности кражу, грабеж, мошенничество, спекуляцию, злостное хулиганство, сбыт имущества, заведомо добытого преступным путем, совершенный в виде промысла или в крупных размерах;

3) лицо, ранее трижды судимое в любой последовательности за кражу, грабеж, мошенничество, спекуляцию,

нии лиц, отбывавших наказание в местах заключения, суды выносили определения о признании осужденных особо опасными рецидивистами.

злостное хулиганство, сбыт имущества, заведомо добытого преступным путем, совершенный в виде промысла или в крупных размерах, и после этого совершившее какое-либо из этих преступлений;

4) лицо, которое, отбывая наказание в местах лишения свободы, совершило умышленное преступление вне зависимости от состава ранее совершенного преступления¹².

Существуют неоправданные расхождения в перечнях составов, осуждение за которые может повлечь признание виновного особо опасным рецидивистом, в уголовных кодексах союзных республик. Эти расхождения были проанализированы С. С. Степичевым¹³. Различия эти проявляются как в количестве соответствующих деликтов, так и в их видах. С. С. Степичев предлагает унифицировать определение особо опасного рецидива, считая необходимым отнести к числу соответствующих составов все особо опасные государственные преступления, а также бандитизм, действия, дезорганизующие работу исправительно-трудовых учреждений, изготовление и сбыт поддельных денег и ценных бумаг, нарушение правил о валютных операциях, умышленное убийство, умышленное тяжкое телесное повреждение, изнасилование, хищение государственного или общественного имущества в крупных или особо крупных размерах, разбой и получение взятки, совершенное при отягчающих обстоятельствах. Следует согласиться также с мнением о том, что к числу менее опас-

¹² В уголовном законодательстве Чехословацкой Социалистической Республики также имеется специальная норма об ответственности особо опасных рецидивистов. Так, в § 41 УК Чехословакии говорится, что: «Виновный, который а) снова совершил особо важное умышленное преступное деяние, несмотря на то, что за такое или иное особо важное умышленное преступное деяние был наказан, или б) систематически совершает умышленные преступные деяния того же характера, хотя за такие преступные деяния он был уже многократно наказан, считается особо опасным рецидивистом, если указанные обстоятельства своим серьезным значением, в особенности ввиду продолжительности времени, истекшего с момента последнего осуждения, существенно повышают степень опасности преступного деяния для общества». Согласно § 42 этого же Кодекса, «высший предел рамок наказания лишением свободы, предусмотренный в настоящем законе, повышается у особо опасного рецидивиста на одну треть».

¹³ С. Степичев. Определение особо опасного рецидива должно быть единым. «Социалистическая законность», 1962, № 1, стр. 27—30.

ных преступлений, образующих особо опасный рецидив, следует отнести такие составы, как кража, грабеж, мошенничество, спекуляция и злостное хулиганство.

Вместе с тем предложение С. С. Степичева о введении нормы, согласно которой особо опасным рецидивистом может быть признано лицо, совершившее умышленное преступление во время отбывания наказания в местах заключения, независимо от того, за какое преступление оно было ранее осуждено, на наш взгляд, не может быть поддержано, хотя такая норма ныне и содержится, в частности, в УК РСФСР. Представляется, что она может привести к чрезмерному, неоправданному расширению круга лиц, признаваемых особо опасными рецидивистами.

Борьба с рецидивной преступностью ослабится, если будет игнорироваться степень общественной опасности преступников-рецидивистов и уравниваться их ответственность с ответственностью лиц, осужденных впервые, и вместе с тем, если будет чрезмерно расширен круг лиц, подлежащих повышенной ответственности. В последнем случае подлинные особо опасные рецидивисты выпадут из сферы особого внимания органов следствия, суда и исправительно-трудовых учреждений, так как растворятся в общей массе опасных преступников. Репрессия только тогда приносит успех в борьбе с рецидивной преступностью, когда она направлена против действительно опасных преступников.

Между тем подавляющее большинство заключенных в стенах исправительно-трудовых учреждений отнюдь не представляет собой столь опасных преступников, чтобы совершение ими любого умышленного преступления (при наличии предшествующего осуждения за любое, в том числе и неосторожное преступление) могло бы позволить отнести их к числу особо опасных рецидивистов.

Поэтому более правильную, на наш взгляд, позицию в этом вопросе занял УК Грузинской ССР, ст. 44 которого допускает в качестве основания для признания виновного особо опасным рецидивистом совершение им в месте заключения какого-либо особо опасного государственного или тяжкого преступления, но при условии осуждения за него к лишению свободы на срок не ниже пяти лет.

Для правильного применения рассматриваемой нормы необходимо учитывать указание Пленума Верховного

Суда СССР от 3 июля 1963 г.¹⁴ о том, что «не может быть признано особо опасным рецидивистом лицо, совершившее преступление в местах лишения свободы, если оно отбывало наказание за преступление, содеянное им в возрасте до 18 лет».

В примечании I к ст. 24 УК РСФСР указывается также, что суд, рассматривая вопрос о признании лица особо опасным рецидивистом, учитывает характер и степень общественной опасности совершенного преступления, личность виновного и обстоятельства дела. При признании лица особо опасным рецидивистом не учитывается судимость за преступление, совершенное этим лицом в возрасте до 18 лет, а также судимость, которая снята или погашена в установленном порядке.

Последовательность совершения преступлений для признания виновного особо опасным рецидивистом значения не имеет. Важно только, что по закону особо опасный рецидивист — это прежде всего лицо, имеющее либо две судимости за особо тяжкие преступления, либо одну судимость за особо тяжкое преступление и две судимости за менее опасные деяния, либо четыре судимости за менее опасные деяния.

Признание виновного особо опасным рецидивистом заключается в установлении судом в ходе судебного разбирательства фактов, свидетельствующих о повышенной общественной опасности рассматриваемого случая рецидива, и констатации в приговоре решения суда об отнесении виновного к числу особо опасных рецидивистов.

В ходе признания виновного особо опасным рецидивистом суд неизбежно должен обратиться к установлению факта наличия у данного лица судимости за предыдущее преступление. Вместе с тем суд должен установить, относится ли данное деяние к числу преступлений, перечисленных в норме, определяющей понятие особо опасного рецидива (примечание I к ст. 24 УК РСФСР). Если же такая судимость налицо и суд признает, что лицо виновно в повторном или неоднократном совершении какого-либо из указанных преступлений, он решает вопрос о том, является ли данный рецидив особо опасным и может ли быть виновный признан особо опасным рецидивистом.

¹⁴ «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1963, № 4, стр. 19.

В связи с тем значением, которое имеет предыдущая судимость для признания виновного особо опасным рецидивистом, подтверждение наличия или отсутствия такой судимости приобретает новое, важное значение. Если и раньше нельзя было признать правильной практику применения в обвинительном заключении или в приговоре формулы «со слов не судим», то теперь ее наличие, так же как и отсутствие данных о прежней судимости лица вообще, должно рассматриваться в качестве серьезного дефекта соответствующего процессуального документа.

«В особенности важно расследовать по делу, судился ли подсудимый при советской власти в первый раз, или судился ранее, причем, если судился при советской власти, то указать точно, когда и за что, какая мера социальной защиты назначена и отбыл ли ее подсудимый. Между тем суды часто в приговоре пишут: „со слов судился“, „судим, но был оправдан“, просто „судим“ и т. п. Этого впредь допускать не следует»¹⁵. Это указание инструктивного письма Уголовно-кассационной коллегии Верховного Суда РСФСР до последнего времени не утрачивало по существу своего значения. Об этом свидетельствует, в частности, то, что Пленум Верховного Суда РСФСР в Постановлении от 10 июня 1961 г. «О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при применении Уголовного и Уголовно-процессуального кодексов РСФСР 1960 года» специально указал на недопустимость «поверхностного исследования судами обстоятельств, дающих основания для признания виновного особо опасным рецидивистом. В судебных заседаниях не всегда тщательно исследуются доказательства о характере ранее совершенных преступлений, о судимостях, не выясняется время совершения этих преступлений, даты вынесения приговоров, определений и постановлений судов, не устанавливается, не были ли они отменены или изменены в части квалификации преступления вышестоящим судом и не сняты ли судимости в установленном законом порядке»¹⁶.

Пленум подчеркнул необходимость для суда «строгого соблюдения требований закона, всестороннего и тщательного исследования в судебном заседании всех об-

¹⁵ «Сборник действующих разъяснений Верховного Суда РСФСР, изданных за время с 1923 г. до 1 января 1929 г.». М., 1932.

¹⁶ «Бюллетень Верховного Суда РСФСР», 1961, № 1, стр. 9.

стоятельств, дающих основания для признания лица особо опасным рецидивистом». При этом Пленум постановил, что «документами, подтверждающими прошлые судимости, являются копии приговоров, определений, постановлений судов и другие официальные документы»¹⁷.

В Постановлении № 8 Пленума Верховного Суда СССР от 3 июля 1963 г.¹⁸ вновь подтверждается, что при наличии указанных в законе оснований суд, рассматривая дело, должен обсудить вопрос о признании лица особо опасным рецидивистом, исходя при этом из того, что особо опасным рецидивистом по закону могут быть признаны лишь злостные преступники, представляющие повышенную опасность для общества и упорно не желающие стать на путь исправления. Пленум указал, что суды обязаны требовать от органов следствия приобщения к делу копий приговоров и других документов, которые могут иметь значение для решения вопроса о признании лица особо опасным рецидивистом.

Признание виновного особо опасным рецидивистом не может не носить факультативного характера. Иными словами, совпадение в действиях одного лица двух (или более) преступлений, перечисленных в соответствующей норме закона, еще не влечет автоматического отнесения его к числу особо опасных рецидивистов. Необходимо, кроме того, установить степень опасности рецидива, взвесить всю совокупность соответствующих данных, как объективного, так и субъективного порядка и уже вслед за тем решать вопрос о признании виновного особо опасным рецидивистом.

Закон не регламентирует, да и не может заранее регламентировать во всех подробностях те конкретные основания, которые могут позволить суду при наличии всех формальных условий признать или не признать виновного особо опасным рецидивистом. По-видимому, суд может принять во внимание и образ жизни преступника (при этом паразитическое существование, тунеядство и другие антисоциальные аспекты поведения преступника должны будут учитываться судом в первую очередь), и степень его участия в преступлении: второстепенный соучастник часто может быть менее опасным преступником,

¹⁷ «Бюллетень Верховного Суда РСФСР», 1961, № 1, стр. 11.

¹⁸ «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1963, № 4, стр. 18—20.

чем, скажем, организатор преступления и главный его исполнитель, и другие конкретные данные. В ряде случаев виновного может отрицательно характеризовать его принадлежность к преступным группировкам рецидивистов. Немалую роль при решении указанного вопроса может сыграть рассмотрение судом вопроса о конкретных причинах совершенного лицом преступления.

Факультативность признания виновного особо опасным рецидивистом, а отсюда необходимость мотивировки принятого судом по данному вопросу решения — совершенно новый элемент в судебной практике.

На практике проявляются две ошибочные тенденции. Встречаются случаи, когда суд ограничивается рассмотрением вопросов виновности рецидивиста в последнем из совершенных им преступлений и совсем не исследует вопрос о наличии или отсутствии у такого лица прошлых судимостей. Так, народный суд Ленинского района г. Ростова-на-Дону 21 июня 1961 г. осудил за кражу по ч. I ст. 144 действующего УК РСФСР Ревенко К. Ф., ранее судимого в 1953 г. по ст. 74, ч. II УК РСФСР и в 1955 г. по ст. 59³ УК РСФСР (1926 г.). 8 октября 1961 г. приговор рассматривался судебной коллегией областного суда и был оставлен без изменений, хотя было очевидно грубое нарушение закона по данному делу, выразившееся в том, что суд при наличии достаточных оснований не обсудил вопрос о признании Ревенко особо опасным рецидивистом. И только постановлением Президиума Ростовского областного суда этот приговор был отменен (так же как и определение коллегии). При этом Президиум указал, что при повторном рассмотрении дела суду следует обсудить вопрос о признании Ревенко особо опасным рецидивистом.

По делу Широкого Н. Д., ранее трижды судимого за кражи и осужденного за кражу в четвертый раз, районный суд г. Таганрога вынес 9 июля 1961 г. приговор, по которому действия Широкого были квалифицированы по ч. 2 ст. 89 УК РСФСР, причем суд не только не обсудил вопрос о признании виновного особо опасным рецидивистом, но не посчитался также с тем, что в деле имелась затребованная органами следствия справка о прошлых судимостях Широкого. Конечно, суду вовсе не обязательно было бы на этом основании признавать его особо опасным рецидивистом, однако обсудить вопрос об этом

и, что самое главное, мотивировать в приговоре свое решение по данному вопросу суд был обязан.

Второй ошибочной тенденцией в вопросе о признании виновного особо опасным рецидивистом являются случаи, когда действия лица квалифицируются по нормам, предусматривающим ответственность особо опасных рецидивистов, без установления факта предварительного осуждения этого лица судом и без указания в приговоре на то, что суд в предыдущем приговоре решил по таким-то основаниям признать подсудимого особо опасным рецидивистом.

Батайский городской народный суд, например, осудил 26 июня 1961 г. за кражу Казарина А. Н., ранее неоднократно судимого, причем квалифицировал его действия по ч. 3 ст. 89 УК РСФСР без всякого предварительного указания в приговоре на то, что виновный признан судом особо опасным рецидивистом. Судебная коллегия областного суда изменила приговор, тем более, что последнюю кражу Казарин совершил мелкую, и переквалифицировала его действия на ч. 2 ст. 89 УК РСФСР.

Наряду с этим суд иногда, хотя и применяет норму закона о признании преступников особо опасными рецидивистами, но применяет ее неверно, нарушая отдельные требования закона.

Так, известны случаи, когда суды признают подсудимого особо опасным рецидивистом, несмотря на то, что предыдущая судимость (или судимости) снята или погашена в установленном законом порядке. Например, при признании Воронова И. И. особо опасным рецидивистом Бальский районный народный суд принял во внимание судимость, которая была снята у Воронова Указом от 27 марта 1957 г.

Судебная коллегия Ростовского областного суда изменила вынесенный в отношении Коновалова В. В. приговор, исключив из него указание на признание Коновалова особо опасным рецидивистом, поскольку, как указала коллегия, «он был освобожден из мест лишения свободы Комиссией Президиума Верховного Совета РСФСР со снятием судимости».

Бывает, что подсудимые, вопреки закону, признаются особо опасными рецидивистами с учетом преступлений, совершенных ими до достижения 18-летнего возраста. 18 мая 1961 г. Новочеркасский городской народный суд

признал особо опасным рецидивистом Серова А. И., 1937 г. рождения, на том основании, что он ранее был дважды осужден за разбой. Решение суда было неверным, так как из материалов дела явствовало, что эти преступления были совершены Серовым соответственно в 1953 и 1954 гг., т. е. до достижения им 18-летнего возраста, и суд не имел права учитывать их при решении вопроса о признании Серова особо опасным рецидивистом.

Подчас суды не учитывают, что перечень преступлений, осуждение за которые дает основание для признания подсудимого особо опасным рецидивистом,— исчерпывающий и ни в коем случае не может дополняться. Поэтому, в частности, судом неправильно был признан особо опасным рецидивистом Чаплинский В. В., так как в приговоре по его делу, вынесенном 6 мая 1961 г. Новочеркасским городским судом, суд сослался (в числе прочих судимостей) на осуждение его по ч. 2 ст. 143 УК РСФСР 1926 г., в то время как состав этого преступления не входит в круг деяний, предусмотренных в примечании I к ст. 24 УК РСФСР 1960 г.

Мотивировки, которые суды приводят в приговорах в обоснование признания виновного особо опасным рецидивистом, достаточно разнообразны и, несмотря на их сравнительную, как правило, краткость, позволяют все же сделать некоторые предварительные выводы о том направлении, в котором, по-видимому, развивается мотивировочная часть приговоров подобного рода. Остановимся на некоторых примерах.

15 октября 1961 г. Никишаев, ранее судимый за разбой и освобожденный досрочно, из хулиганских побуждений нанес тяжкие телесные повреждения Лобарь. Суд признал Никишаева особо опасным рецидивистом, сославшись (наряду с констатацией прежней судимости) на то, что «Никишаев действовал, руководствуясь исключительно хулиганскими побуждениями», а также, что «он совершил тяжкое, особо опасное преступление, ранее был судим за разбойное нападение, освобожден досрочно, был трудоустроен, однако не сделал для себя соответствующего вывода, продолжал пьянствовать и совершил более опасное преступление».

По делу Милюкова Н. И. и Галкина Т. Е. Ростовский областной суд указал в приговоре от 28 октября 1961 г., что оба подсудимых «ранее были судимы, после осво-

бождения из места заключения не встали на путь исправления, а вновь совершили особо опасные дерзкие и циничные преступления» (Милюков и Галкин были признаны виновными в систематическом совершении разбойных нападений, убийстве и изнасиловании).

По делу Маврина В. М. тот же суд в приговоре от 18 декабря 1961 г. указал, что Маврин, обвиняемый в покушении на убийство, «ранее был неоднократно судим, освобождался досрочно, имел полную возможность приобщиться к труду и встать на правильный путь, однако он нигде не работал, занимался пьянками, дебоширил и вновь совершил преступление».

И, наконец, характерна мотивировка приговора того же суда от 18 августа 1961 г. по делу рецидивиста Щербань П. К. Суд указал в этом приговоре на «исключительно отрицательную личность подсудимого; который, будучи четыре раза судим за хулиганство и освобождаясь досрочно, не встал на путь исправления», а также отметил, что «в настоящее время меры воспитательного характера к нему неприменимы» (Щербань совершил умышленное убийство при отягчающих обстоятельствах).

Мотивировки приговоров по преступлениям, совершаемым рецидивистами, охватывают, как представляется, следующие комплексы вопросов.

1. Суды прежде всего дают оценку характера и степени опасности совершенного рецидивистом преступления. Такая характеристика неизбежна во всяком приговоре, в том числе и в приговорах, выносимых в отношении лиц, осуждаемых впервые.

2. Специфическим элементом мотивировочной части приговоров, выносимых в отношении рецидивистов, является характеристика объективной обстановки, сложившейся после освобождения из места заключения, где лицо отбывало наказание по предшествующему приговору. Хорошие условия (трудоустройство после освобождения и т. д.) — и совершение тем не менее рецидивистом нового преступления рассматривается как свидетельство особого упорства преступника в продолжении преступной деятельности.

3. Далее суды характеризуют поведение самого лица в период, предшествовавший рецидиву преступления (пьянствовал, дебоширил и т. д.), т. е. дают оценку субъективных обстоятельств.

4. В случае признания рецидивиста особо опасным суды приводят также ссылку на совершение данным лицом в прошлом (после достижения 18-летнего возраста) деяний, перечисленных в примечании I к ст. 24 УК РСФСР, а также на наличие судимостей за них, не снятых и не погашенных в установленном законом порядке.

Таким образом, выяснение причин рецидива и наличия антисоциальной установки личности лежит в основе формулировки в приговоре мотивов, позволяющих суду оценить степень опасности данного случая рецидива и признать при наличии достаточных данных виновного особо опасным рецидивистом.

Приговором Владимирского областного суда Борисов был признан особо опасным рецидивистом и осужден по п. «б» ст. 102 УК РСФСР. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР исключила своим определением из приговора признание Борисова особо опасным рецидивистом. Это определение по протесту заместителя председателя Верховного Суда РСФСР было отменено Президиумом Верховного Суда РСФСР.

Преступление было совершено Борисовым при следующих обстоятельствах. В 1956 г. Борисов вступил в брак с Борисовой. Во время совместной жизни он систематически скандалил дома, бил стекла, избивал жену, угрожал убийством. За это Борисов трижды привлекался к административной ответственности и два раза был судим за хулиганство. В связи с таким поведением мужа Борисова в ноябре 1959 г. ушла от него, а в 1960 г. расторгла брак с ним. В письмах из колонии осужденный продолжал оскорблять Борисову и угрожать ей убийством. Освободившись из места заключения, Борисов, встречая жену на улице, оскорблял ее, угрожал зарезать. 1 марта 1963 г. он, пьяный, пришел в дом родителей Борисовой, бранился и угрожал присутствующим убийством. Борисова вынуждена была пригласить в дом председателя уличного комитета и обратилась за помощью в отделение милиции. На следующий день, 2 марта, Борисов вновь пришел к Борисовой домой и, угрожая ей расправой, потребовал, чтобы она забрала заявление из отделения милиции.

Утром 4 марта 1963 г., когда Борисова вышла из дома и направилась на работу, Борисов, встретив ее, стал оскорблять и потребовал возобновления супружеской

жизни. Борисова ответила отказом и сказала, что позовет дружинников. Тогда Борисов в присутствии матери потерпевшей нанес Борисовой два удара ножом в левую часть груди и в спину, после чего пытался скрыться, но был задержан на месте преступления. Борисова, раненная в сердце, скончалась в больнице.

Борисов ранее был дважды судим за злостное хулиганство и после этого совершил умышленное убийство. Поэтому суд в соответствии с п. 2 примечания 1 к ст. 24 УК РСФСР признал его особо опасным рецидивистом.

Исключая из приговора признание Борисова особо опасным рецидивистом, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР отметила, что областной суд не принял во внимание данные о личности Борисова, положительно характеризовавшегося по работе, и не учел мотивы преступления — личные взаимоотношения с потерпевшей¹⁹.

Однако Президиум Верховного Суда РСФСР, совершенно обоснованно не согласившись с таким решением коллегии, указал, что совершение преступления на почве личных взаимоотношений вовсе не свидетельствует об отсутствии повышенной общественной опасности преступления. Важно отметить, что Президиум подчеркнул необходимость при новом кассационном рассмотрении дела всесторонне обсудить данные о личности осужденного и учесть тяжесть совершенного им преступления. Президиум указал, что «при этом должны быть приняты во внимание не только мотивы преступления, но и все другие обстоятельства дела. Следует учесть, что Борисов неоднократно привлекался к уголовной ответственности, однако поведение своего не изменил и на меры общественного воздействия не реагировал; к совершению убийства готовился заранее».

Очень поучительно указание Президиума Верховного Суда РСФСР на преднамеренный характер преступления, совершенного Борисовым, что вполне оправдано необходимостью установления при признании лица особо опасным рецидивистом глубины и стойкости антиобщественной установки, характеризующей личность виновного, а также непосредственных побудительных причин совершения данного преступления. Признание рецидивиста

¹⁹ «Бюллетень Верховного Суда РСФСР», 1964, № 4, стр. 10—11.

особо опасным — право, а не обязанность суда. Суд может признать рецидивиста особо опасным и соответственно в дальнейшем квалифицировать его действия по той части статьи, которая предусматривает более суровое наказание, но суд может и не признать рецидивиста таковым и соответственно не усилить наказание.

С этих позиций представляет интерес анализ тех случаев, когда суды при наличии формальных оснований все же не признают виновного особо опасным рецидивистом, т. е. на практике осуществляют принцип факультативности, положенный в основу этой нормы закона. Наиболее наглядно такого рода практика проявилась при реализации Постановления Президиума Верховного Совета РСФСР от 20 января 1961 г. «О порядке введения в действие Уголовного и Уголовно-процессуального кодексов РСФСР», п. 6 которого регулирует вопрос о признании судами лиц, уже отбывающих наказание, особо опасными рецидивистами.

Так, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР в определении от 24 января 1962 г. отменила определение народного суда о признании особо опасным рецидивистом Барымова Н. М., указав, что из характеристики, представленной администрацией колонии, видно, что Барымов «с 1956 г. не допускал нарушений режима, твердо встал на путь исправления и в течение 6 лет проявлял себя с положительной стороны. В характеристике отмечено, что он перевыполняет производственные нормы, является членом совета коллектива отряда и председателем секции поддержания общественного порядка, оказывает содействие администрации в борьбе с нарушителями режима, за высокие производственные показатели ему объявлено 5 благодарностей и он награжден почетной грамотой». Отсюда коллегия сделала вывод, что «при таких данных о личности Барымова ссылка суда в определении на то, что в колонии он злобно нарушал режим, противоречит фактическим обстоятельствам, а признание его особо опасным рецидивистом явно неправильно».

Насколько существенное значение при решении вопроса о признании или непризнании осужденного особо опасным рецидивистом суды придают характеристике его личности, видно из определения Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РСФСР от 11 апреля

1962 г., которым было отменено определение Магаданского областного суда о признании особо опасным рецидивистом Попова П.

Попов 19 июня 1951 г. был осужден народным судом Петроградского района г. Ленинграда за совершение вооруженных разбойных нападений на квартиры граждан. Отбывая меру наказания за совершенные преступления, Попов 7 ноября 1951 г. вместе с другими осужденными участвовал в убийстве осужденного Жука за нарушение последним воровских обычаев.

Совершенные Поповым преступления достаточно серьезны, их объективная характеристика рисует нам образ весьма опасного преступника, каким Попов, без сомнения, и был в то время.

И тем не менее коллегия, по-видимому, вполне обоснованно не сочла целесообразным признать Попова особо опасным рецидивистом. Коллегия указала, что «Магаданский областной суд, признав Попова особо опасным рецидивистом, исходил лишь из степени опасности совершенных им преступлений, без учета личности осужденного. Между тем из материалов личного дела Попова и характеристики администрации колонии усматривается, что Попов с 1955 г. встал на путь исправления, добросовестно работал, нормы выработки выполнял на 120—140%, окончил 10 классов, приобрел четыре специальности, принимал активное участие в общественной работе, за что имеет 14 благодарностей, заносился на доску передовиков производства и переводился на облегченный режим. За последние семь лет Поповым было допущено лишь два незначительных нарушения режима: опоздание при возвращении с работы в 1958 г. и неявка на поверку в июле 1961 г., за что ему было объявлено два выговора».

Коллегия заключила, что «при таких данных следует прийти к выводу, что у суда не было достаточных оснований для признания Попова особо опасным рецидивистом». И, действительно, приведенная характеристика рисует картину успешного перевоспитания некогда весьма опасного преступника.

Факультативность является существенным и неотъемлемым свойством нормы о признании виновного особо опасным рецидивистом. Правда, в отношении иных случаев рецидива закон не говорит о факультативности,

а соответствующие законодательные конструкции исходят из принципа обязательности, императивности усиления ответственности рецидивиста.

Если, например, рецидивист осуждается за кражу в четвертый раз, то суд может, но не обязан создать необходимое правовое основание для последующего усиления наказания рецидивисту (так как он может, но не обязан признавать его особо опасным). Если же, однако, рецидивист осуждается только во второй (или третий) раз, то действует другое правило: не примечание I к ст. 24 УК РСФСР, а примечания к ст. 89 и 144, смысл которых заключается в том, что в этом случае наказание рецидивисту усиливается в обязательном порядке, т. е. для такого рода случаев рецидива устанавливается не факультативное, а императивное усиление наказания.

Поясним сказанное примером. Ст. 89 УК РСФСР имеет три части. Первая часть устанавливает наказание за «простую» (неквалифицированную) кражу государственного или общественного имущества. Согласно действующему толкованию понятия повторности (примечание к ст. 89 УК РСФСР), если лицо осуждается за повторную кражу (или кражу, совершенную в третий раз), последнее деяние в обязательном порядке рассматривается в качестве повторного и в соответствии с этим квалифицируется также в обязательном порядке по ч. 2 ст. 89 УК РСФСР. Следовательно, для такого рецидивиста будет обязательно назначено более строгое наказание, чем то, которое предусмотрено ч. 1 указанной статьи.

Допустим, однако, что рецидивист осуждается за кражу не во второй (или третий), а в четвертый раз. Согласно ч. 2 примечания I к ст. 24 УК РСФСР, такое лицо может быть признано особо опасным рецидивистом. Такое признание повлечет за собой в дальнейшем квалификацию его деяний по ч. 3 ст. 89 УК РСФСР и соответственно усиление наказания по сравнению с предусмотренным ч. 2 указанной статьи. Однако в этом случае рецидивист может и не быть признан особо опасным, и тогда наказание ему в дальнейшем может быть и не усилено по сравнению со всеми остальными случаями повторного совершения этого преступления.

Так в нормах об ответственности за рецидив сочетаются два различных принципа усиления наказания. Это

позволит более гибко и целесообразно применять нормы, регулирующие ответственность как за рецидив вообще, так и за особо опасный рецидив в частности.

Возникает вопрос: какова юридическая сила акта признания виновного особо опасным рецидивистом? Сохраняется ли это признание бесконечно, а если нет, то каков срок его действия; когда теряет силу решение суда о признании рецидивиста особо опасным?

Нет сомнения, что виновный считается особо опасным рецидивистом в течение всего срока наказания, назначенного приговором суда.

Признание лица особо опасным рецидивистом оказывает решающее воздействие на решение вопроса о виде назначаемой судом исправительно-трудовой колонии, где должно отбывать наказание это лицо. Такое признание может служить основанием для определения судом, какой срок особо опасный рецидивист будет отбывать (весь срок наказания или его часть) в тюрьме. Лицо, признанное особо опасным рецидивистом, не подлежит условно-досрочному освобождению. Такое признание не теряет силы и после отбытия этим лицом назначенного наказания.

При решении вопроса об ответственности лица, ранее признанного особо опасным рецидивистом, за вновь совершенное им преступление следует учитывать указание Пленума Верховного Суда СССР от 3 июля 1963 г. о том, что по смыслу ст. 47 Основ уголовного законодательства признание лица особо опасным рецидивистом сохраняет свое правовое значение лишь до погашения или снятия судимостей, которые послужили основанием для признания его таковым.

Следовательно, отбыв назначенное по суду наказание, виновный не перестает, по мнению Пленума, рассматриваться в качестве особо опасного рецидивиста, и в случае совершения им вновь преступления его деяния должны получать соответствующую квалификацию, т. е. квалифицироваться по части статьи, предусматривающей в качестве отягчающего обстоятельства совершение данного деяния «особо опасным рецидивистом».

Действительно, если лицо, уже однажды признанное особо опасным рецидивистом, вновь совершает какое-либо преступление, входящее в круг деяний, перечисленных в примечании I к ст. 24 УК РСФСР, нет нужды

вновь рассматривать вопрос о признании данного рецидивиста особо опасным. Однако Пленум делает одну существенную оговорку. В связи с тем, что особо опасным рецидивистом по закону может считаться виновный только в случае, если судимости за предыдущие деяния у него не сняты или не погашены в установленном законом порядке, то, следовательно, снятие или погашение судимости хотя бы по какому-либо одному из совершенных им преступлений означает, что особо опасным рецидивистом данный субъект считаться уже не может.

Представляется, что в дальнейшем, в течение всего периода, пока сохраняются соответствующие судимости, сохранит силу и признание виновного особо опасным рецидивистом; и если лицо именно в этот период вновь совершает преступление, его действия влекут безусловную квалификацию по части статьи, предусматривающей ответственность за совершение деяния особо опасным рецидивистом.

Вместе с тем это положение подразумевает, что с истечением срока давности приговора, которым виновный был признан особо опасным рецидивистом, теряет силу и это признание. Тогда совершение лицом преступления вновь должно влечь за собой рассмотрение заново вопроса о признании его особо опасным рецидивистом с соблюдением всех требований, предъявляемых законом (примечание I к ст. 24 УК РСФСР). А следовательно, отпадение к этому времени судимостей может лишить суд оснований для признания лица особо опасным рецидивистом.

Пленум Верховного Суда СССР в Постановлении от 3 июля 1963 г. особое внимание уделил вопросам укрепления законности в деятельности судов по признанию лиц особо опасными рецидивистами.

Пленум указал, что при рассмотрении дел в кассационном и надзорном порядке вышестоящие суды должны усилить надзор за законностью и обоснованностью приговоров в части применения законодательства об особо опасных рецидивистах. Пленум подчеркнул, что если суд при наличии достаточных к тому оснований не обсудил вопроса о признании подсудимого особо опасным рецидивистом, кассационная инстанция по протесту прокурора или по жалобе потерпевшего, учитывая все обстоятельства дела, в необходимых случаях может отме-

нить приговор и дело направить на новое рассмотрение в тот же суд, но в ином составе судей. При отсутствии протеста, либó когда кассационная инстанция признает нецелесообразным отмену приговора, она обязана указать суду частным определением на допущенное нарушение закона.

Пленум указал далее, что если вышестоящий суд найдет необоснованным признание лица особо опасным рецидивистом, он должен исключить из приговора указание о таком признании и внести в приговор связанные с этим изменения. Пленум обратил внимание судов на то, что в соответствии со ст. 48 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик пересмотр в порядке надзора приговора с целью признания осужденного особо опасным рецидивистом допускается лишь в течение года по вступлении приговора в законную силу.

Следующей задачей суда по делам, связанным с признанием лица особо опасным рецидивистом, является правильная квалификация действий виновного. Необходимо отметить, что на протяжении 1961—1963 гг. вопрос о порядке квалификации преступлений, совершенных такими лицами, претерпел определенную эволюцию.

Существовало мнение о том, что для суда рецидивист — это отнюдь не только лицо, ранее уже дважды осуждавшееся, а прежде всего лицо, осуждавшееся хотя бы и однажды, но совершившее вновь преступление и представшее перед судом. Считалось, что это соответствует и существу данного явления, так как в действительности преступник становится рецидивистом с того момента, когда, будучи осужден ранее, он вновь совершает преступление (а не только с момента, когда он вновь осуждается).

По-видимому, на этом и было основано указание, содержащееся в Постановлении Пленума Верховного Суда РСФСР от 10 июня 1961 г. «О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при применении Уголовного и Уголовно-процессуального кодексов РСФСР 1960 года»²⁰, о том, что суды вправе квалифицировать действия виновного по соответствующим статьям Уголовного кодекса РСФСР, предусматривающим ответствен-

²⁰ «Бюллетень Верховного Суда РСФСР», 1961, № 1, стр. 10.

ность за преступления, совершенные особо опасным рецидивистом, «как в случаях, когда это лицо уже ранее было признано особо опасным рецидивистом, так и в случаях, когда виновный признается особо опасным рецидивистом при рассмотрении дела в связи с совершением им преступления, за которое он привлечен к уголовной ответственности».

Следовательно, согласно этому мнению Верховного Суда РСФСР, если лицо ранее было осуждено, например, за умышленное убийство при отягчающих обстоятельствах и вновь совершило какое-либо из тяжких преступлений, перечисленных в п. 1 примечания 1 к ст. 24 УК РСФСР (например, разбой), то это второе преступление суд мог, признав виновного особо опасным рецидивистом, квалифицировать по п. «г» ст. 91, предусматривающему ответственность за разбой, совершенный «особо опасным рецидивистом».

Однако в Верховном Суде СССР возобладало другое мнение о порядке квалификации действий виновного в указанных случаях. Согласно этому мнению, признание виновного особо опасным рецидивистом не позволяет еще суду в этом же приговоре квалифицировать действия виновного по пункту статьи, говорящей об ответственности «особо опасных рецидивистов». В этом случае признание виновного особо опасным рецидивистом влечет направление виновного в колонию особого режима, лишение его права на условно-досрочное освобождение и т. д. Однако квалифицируются его действия либо просто как повторные, либо по иному пункту соответствующей статьи и только в последующем, совершив преступление уже будучи признанным ранее особо опасным рецидивистом, такое лицо будет подлежать ответственности по пункту статьи, предусматривающей ответственность за особо опасный рецидив.

Применительно к приведенному выше примеру это означает, что лицо, осужденное ранее за умышленное убийство при отягчающих обстоятельствах и вновь совершившее разбойное нападение, может быть, конечно, признано судом особо опасным рецидивистом, однако действия его квалифицируются не по п. «г» ст. 91 УК РСФСР (совершение разбоя «особо опасным рецидивистом»), а по ч. 1 этой статьи, либо при наличии отягчающих обстоятельств по какому-либо из соответствующих

пунктов данной нормы. И только в случае совершения таким лицом тяжкого преступления (в данном случае разбоя) в третий раз, действия виновного квалифицируются по п. «г» ст. 91 УК РСФСР.

Именно на такую позицию встал в 1963 г. Верховный Суд СССР в своем Постановлении от 3 июля 1963 г. «О судебной практике по признанию лиц особо опасными рецидивистами», в связи с чем практике надлежит руководствоваться именно этим последним положением.

В ходе предварительного расследования преступления, совершенного рецидивистом, перед следователем встает задача выявления предыдущих судимостей лица. При этом могут возникнуть следующие ситуации.

1. Лицо было ранее осуждено, например, за одно из тяжких преступлений, перечисленных в ч. 1 примечания I к ст. 24 УК РСФСР, и вновь совершило какое-либо из этих преступлений, следовательно, суд по данному делу должен будет решить вопрос о признании виновного особо опасным рецидивистом.

Задача следователя — собрать все данные, требуемые по закону для признания лица особо опасным рецидивистом, указать в обвинительном заключении, что, по мнению следователя, на основании конкретных данных следствия, указанное лицо может (или не может) быть признано таковым.

Разумеется, мнение следователя — предварительное (так же как в сущности предварительное решение всех уголовно-правовых вопросов в стадии следствия), однако дать в обвинительном заключении мотивированное предложение о признании рецидивиста, при наличии достаточных данных, особо опасным — прямой долг лица, производящего предварительное расследование.

2. Возможно, однако, что совершает преступление в третий или четвертый раз лицо, уже признанное предыдущим приговором особо опасным рецидивистом. Здесь положение упрощается, так как если приговор, содержащий признание виновного особо опасным рецидивистом, ко времени совершения им нового преступления не утратил свою силу, нет необходимости и законных оснований следователю вновь ставить, а суду решать вопрос, уже решенный в предыдущем приговоре.

В этом случае достаточно прямо квалифицировать преступление по соответствующей части статьи УК.

Следовательно, как правило, в суд должно поступать по данной категории дел обвинительное заключение, либо содержащее предложения о признании виновного особо опасным рецидивистом, либо просто содержащее такую квалификацию со ссылкой на сохраняющий силу предыдущий приговор, по которому виновный уже был признан ранее особо опасным рецидивистом.

Для правильного применения норм республиканского законодательства о признании виновного особо опасным рецидивистом важное значение имеет указание Пленума о том, что вопрос о признании особо опасным рецидивистом лица, судимого в разных союзных республиках, подлежит разрешению по законам, действующим в месте совершения последнего преступления.

Решая вопрос о квалификации случаев совершения лицом двух или более преступлений, следует учитывать, что если закон предусматривает в качестве отягчающего обстоятельства рецидив соответствующего преступления или повторность, то погашение или снятие судимости в первом случае (ст. 57 УК РСФСР) или истечение сроков давности уголовного преследования во втором случае (ст. 48 УК РСФСР) в отношении ранее совершенного преступления влечет квалификацию последующего преступления как совершенного впервые.

В Постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 3 июля 1963 г. «О некоторых вопросах, возникших в судебной практике по делам об умышленном убийстве»²¹ указывается, что п. «и» ст. 102 УК РСФСР предусматривается ответственность за умышленное убийство, лицом, ранее совершившим умышленное убийство, поэтому указанные нормы подлежат применению независимо от того, был ли виновный осужден за ранее совершенное преступление. Пленум отмечает по этому поводу, что убийство не может квалифицироваться по п. «и» ст. 102 УК РСФСР, если судимость с виновного снята за ранее совершенное умышленное убийство в порядке амнистии или помилования, либо погашена или снята в соответствии со ст. 47 Основ уголовного законодательства, а также если к моменту совершения убийства истекли сроки давности уголовного преследования за ранее совершенное преступление, указанные в ст. 47 Основ.

²¹ «Советская юстиция», 1963, № 17, стр. 26.

Нет сомнения, что этот же принцип действует и применительно к иным случаям повторности и рецидива.

Акт признания виновного особо опасным рецидивистом — не самоцель. Он служит дальнейшим основанием для соответствующей квалификации действий рецидивиста и избрания виновному более тяжелого наказания. Усиление наказания может выразиться либо в назначении более длительного срока наказания, либо в его качественном отягощении (тюремное заключение), либо сочетать в себе оба момента.

Целесообразно в связи с этим выяснить вопрос о том, какие специфические задачи преследует наказание рецидивистов, какие обстоятельства влияют на определение размера наказания, назначаемого рецидивисту, в чем смысл и каковы основания для определения особо опасному рецидивисту наказания в виде заключения в тюрьму.

НАЗНАЧЕНИЕ НАКАЗАНИЯ РЕЦИДИВИСТАМ

Назначение наказания лицу, виновному в совершении преступления, — кульминационный момент судебного разбирательства, ответственнейший этап борьбы с преступностью и в том числе с преступностью рецидивной. Преступление и наказание неразрывно связаны между собой. Из неразрывной связи преступления и наказания вытекает ряд важных положений, рассмотрение которых с неизбежностью предваряет решение интересующего нас вопроса о назначении наказания преступникам-рецидивистам. Успешность уголовной репрессии, достижение целей, которые ставит закон перед наказанием, не могут быть полностью обеспечены простым усилением наказания рецидивистам.

Это относится прежде всего к задаче обеспечения общепредупредительного воздействия наказания. Статистические данные показывают, что большая часть повторных преступлений совершается рецидивистами немного времени спустя после освобождения, когда, казалось бы, свежее воспоминание о понесенном наказании должно бы, наоборот, удерживать рецидивиста от повторного преступления. Так, из числа обследованных нами рецидивистов 49,1% совершили второе преступление сразу же после освобождения, 26,9% — через год, 14,8% — через два года и только 9,2% — через три года и более.

Длительное наказание далеко не всегда устрашает, как это можно было бы предположить на первый взгляд. Статистика свидетельствует о том, что увеличение длительности срока заключения не устраняет полностью рецидив и не всегда отдаляет время совершения повторного преступления.

Наказание с неизбежностью подразумевает определенные лишения, ограничения, оно причиняет определенные страдания, которые, хотя и не являются специальной, а тем более основной задачей наказания, но делают наказание именно тем, чем оно является, т. е. неблагоприятным, нежелательным, однако соразмерным содеянному последствием совершенного противозаконного деяния.

И соразмерность, и карательный характер наказания в совокупности призваны обеспечивать такое психологическое воздействие на человеческое сознание, которое способно укрепить мотивы, противодействующие преступному умыслу. Только единство неизбежности, соразмерности и карательного элемента в наказании способно обеспечить выполнение требования закона, содержащегося в ст. 2 Основ уголовного судопроизводства, которая говорит о том, что «уголовное судопроизводство должно способствовать укреплению социалистической законности, предупреждению и искоренению преступлений». В этом же смысле о «предупреждении совершения новых преступлений» говорит и ст. 20 Основ уголовного законодательства, определяющая задачи наказания.

Наконец, закон устанавливает, что наказание не только является карой за совершенное преступление, но и имеет целью исправление и перевоспитание осужденных в духе честного отношения к труду, точного исполнения законов, уважения к правилам социалистического общежития. Иными словами, в законе поставлена задача активного воздействия на психологию осужденного с целью ее положительного изменения, искоренения вредных черт и представлений субъекта и замены их социально полезными, позитивными идеями, взглядами, привычками, навыками и т. д.

Изучение практики борьбы с рецидивной преступностью показывает, что назначение наказания рецидивистам обладает целым рядом специфических особенностей. Так, прежде всего вся деятельность преступника-рецидивиста строится, как правило, в расчете на безнаказанность, в расчете избежать наказания.

Сознательное планирование, заблаговременная разработка особых предосторожностей, проявляющиеся при совершении преступлений рецидивистами, резко отличают эти преступления от таких, например, преступных

деяний, которые часто совершаются лицами импульсивно, носят яркую эмоциональную окраску, часто связаны с алкоголем и т. д. Эти последние преступления неизменно чаще регистрируются и раскрываются. К ним относятся хулиганство, телесные повреждения, даже убийства, если они связаны с дракой или совершаются из ревности, и пр. Здесь нередки случаи раскаяний, явки с повинной, чаще есть все следы преступления и, как правило, отсутствуют заранее предпринимаемые меры предосторожности против возможного расследования по данному делу и т. д.

Для рецидивистов характерно осуждение не за одно, а за два, три и более деяний, ставших известными следствию. Значительное число преступлений подобного рода лиц остаются либо незарегистрированными, либо не раскрытыми, о чем свидетельствует наличие у части рецидивистов «солидного» преступного «стажа». Кроме того, наиболее опасные и опытные преступники-рецидивисты стремятся, как правило, выступать в роли инициаторов, подстрекателей к совершению таких преступлений, как кража, грабеж, разбой и т. д., вовлекая для этой цели в преступную группировку неустойчивых лиц из числа молодежи. Поэтому искоренение рецидивной преступности — дело не простое.

Б. С. Утевский в 1928 г. приводил мнение составителей статистического отчета НКВД о том, что «виновные в совершении квалифицированной кражи пользуются особым иммунитетом по отношению к открываемости, не менее 60% квалифицированных краж остаются не раскрытыми. Это привилегированное положение совершителей квалифицированных краж объясняется преобладанием среди них профессиональных преступников-рецидивистов, воров-специалистов, нередко организованных в особые шайки или банды, что до крайности затрудняет борьбу с имущественными преступлениями вообще»¹.

Конечно, за истекшее с того периода время значительно повысился уровень следственной работы, так же как понизилась «профессионализация» преступников, однако, рассматривая вопрос о требовании неотвратимости наказания в отношении преступников-рецидивистов, следует констатировать, что по сравнению с другими кате-

¹ Б. С. Утевский. Рецидив и профессиональная преступность. Сб. «Проблема преступности», вып. 3—4. М., 1928, стр. 99—100.

горящими преступников осуществление этого требования встречает наибольшие трудности.

Обращаясь к вопросу обеспечения справедливого, соразмерного наказания, необходимо отметить две в равной степени неблагоприятные тенденции, две крайности, подчас проявляющиеся при назначении наказания как преступникам вообще, так и преступникам-рецидивистам. Это — чрезмерно суровое наказание, явно несоответствующее обстоятельствам дела и личности преступника, и явно необоснованное ослабление репрессии там, где отчетливо видна недопустимость такого ослабления.

Пушин С. А. пьянствовал с приятелями. Днем 19 декабря 1954 г. они затеяли драку с Киселевым, отняв у него шапку, перчатки и 10 руб. денег. Корыстные мотивы действий Пушина установлены не были, а сам он их отрицал. Он был осужден на 15 лет лишения свободы. Прокурор, специально обследовавший Пушина, сообщает в своих выводах: «Основной причиной совершения Пушиным преступления является пьянка. После освобождения из места заключения не работал. Поведение Пушина в настоящее время как в труде, так и в быту положительное. Мера наказания, определенная судом, является крайне тяжелой»².

Прокурор, обследовавший осужденного Белоусова А. А., сообщает: «При изучении личного дела установлено, что Белоусову назначена за последнее преступление слишком суровая мера наказания (15 лет лишения свободы)». По мнению исследователя, «наказание определено Белоусову без учета его личности, оно нецелесообразно. Преступление Белоусова состояло в хищении 350 рублей (в старом масштабе цен) и ручных часов. За такое преступление не было необходимости назначать максимальный срок наказания».

«Суд не учел личности Медяникова и осудил его к чрезмерно суровой мере наказания — 15 годам лишения свободы», — сообщает другой исследователь. «Лицам молодого возраста необходимо назначать небольшие сроки наказания за подобные действия, не являющиеся тяжкими».

² Здесь, как и далее в работе, содержатся ссылки на материалы обследования преступников-рецидивистов, проведенного работниками прокуратуры по программе, разработанной Институтом криминалистики Прокуратуры СССР.

По делу Охмат В. В. прокурор-обследователь сообщает: «Чрезмерно суровая мера наказания несовершеннолетнему за первое преступление, содержание его в местах заключения вместе с рецидивистами оказали на обследуемого отрицательное влияние. После освобождения ему не было оказано содействие в трудоустройстве. Избранная Охмату мера наказания не соответствует тяжести содеянного».

В развернутом заключении по делу Крюкова А. Д. прокурор, производивший обследование, сообщает: «Первое преступление Крюков совершил в 18 лет в силу того, что он в то время еще не сформировался, не имел никакого представления об ответственности за свои поступки. К своим действиям относился легкомысленно и не отдавал себе отчета об их последствиях. Участники преступления также были в возрасте 16—17 лет, поэтому не могли оказать влияния на Крюкова. Кроме того, Крюкову с детских лет со стороны родителей не было привито чувство ответственности за сохранность социалистической собственности. Родители при наличии четырех детей не уделяли должного внимания воспитанию Крюкова. За кражу ткани на сумму 1092 руб. (в старом масштабе цен) Крюкову была определена очень жестокая мера наказания — 20 лет. В месте лишения свободы при такой жестокой мере наказания Крюков не видел перспективы быстро освободиться. В то время там существовали группировки преступников, в связи с деятельностью которых он совершил два опасных преступления. В настоящее время, после отбытия наказания по последнему приговору, Крюков ведет себя хорошо, учится в школе, принимает участие в общественной работе подразделения».

В 1935 г. ответственность с применением «всех мер наказания» была установлена для лиц, достигших 12-летнего возраста, за совершение ряда преступлений, в том числе и за совершение краж. Но только в 1948 г. (т. е. через 13 лет) в Постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 17 февраля 1948 г. было указано о неприменении суровых мер наказания за кражи, носящие характер «детского озорства» или «самоуправства», а также о необходимости для судов ставить на свое рассмотрение вопросы о применении к подсудимым в возрасте от 12 до 16 лет ряда мер, смягчающих для них репрессию.

Мы особо говорим об этом, так как обследование рецидивистов показывает, что осуждение большинства из них впервые в несовершеннолетнем возрасте за весьма незначительные преступления способствовало в связи с неудовлетворительной в то время деятельностью ряда исправительно-трудовых учреждений повышению их преступной «квалификации» в процессе отбытия наказания³.

Не менее, если не более опасно, чем недифференцированное усиление репрессии,— огульное смягчение ответственности осужденным. Особенно это недопустимо в отношении осужденных-рецидивистов⁴.

В результате проведенного нами выборочного обследования группы особо опасных рецидивистов выяснилось, что в среднем на каждого из них приходится 8,5 года лишения свободы, если исходить из сроков, которые содержались в приговорах. Однако фактически из назначенного срока было отбыто всего 2,7 года в среднем на каждого из них, т. е. примерно одна третья часть. Это не может не приводить к ослаблению общепредупредительного воздействия наказания.

В нашей печати справедливой критике была подвергнута применявшаяся в прошлом в отношении заключенных система зачетов рабочих дней, которая заключалась в том, что дни работы заключенного в случае, если он перевыполняет производственную норму, засчитывались

³ Глубоко закономерным следует считать восстановление (Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 29 августа 1961 г.) в правах комиссий по делам несовершеннолетних, которые были ликвидированы в 1935 г. одновременно с указанным выше снижением минимального возраста уголовной ответственности.

⁴ Недопустимость ослабления репрессии в отношении преступников-рецидивистов вытекает из того обстоятельства, что в значительном числе случаев наиболее опасные преступления совершаются преступниками этой категории. Так, по данным, приведенным С. С. Степичевым, «при изучении, проведенном ВНИИ криминалистики в одной из областей РСФСР, выяснилось, что среди лиц, осужденных за умышленное убийство, рецидивисты, т. е. лица, ранее уже судимые за совершение какого-либо преступления, составляли 39,3%, за изнасилование — 36,7% и за хулиганство — 43,3%. Изучение, проведенное в одной из союзных республик, показало, что среди лиц, осужденных за умышленное убийство, рецидивисты составили 19,1%, за разбой — 30,4%, за изнасилование — 19,3% и за хулиганство — 20,7%» («Вопросы методики изучения и предупреждения преступлений». Госюриздат, 1962, стр. 73).

ему за большее число дней срока лишения свободы⁵. Преступная деятельность главарей и активных участников уголовных группировок была часто направлена на фабрикацию всякого рода фиктивного «выполнения» норм, приписок, а также сопровождалась угрозами и избиваниями бригадиров, нарядчиков с целью получить «зачеты» и т. д. «В результате имели место случаи, когда тяжчайшие преступники — убийцы и бандиты, воры и хулиганы — возвращались из мест заключения досрочно, отбыв лишь незначительную часть назначенного судом срока наказания. Практика показывает, что эти люди часто выходят из мест заключения неисправившимися, неприспособленными к честному труду, и многие из них вновь совершают преступления, отравляя жизнь честным советским людям»⁶.

При всей кажущейся противоположности подобного рода явлений они по существу отражают общий недостаток, подчас присущий назначению наказания, а именно, недифференцированность репрессии, недостаточность ее индивидуализации. В равной мере было бы необоснованно призывать как к смягчению уголовного наказания, так и к его общему усилению. Однако добиваться всемерной индивидуализации его, требовать обеспечения максимального соответствия тяжести наказания степени опасности преступления и личности преступника необходимо.

Особенно важно при назначении наказания преступникам-рецидивистам учитывать степень общественной опасности их личности. Изучение соответствующих данных, характеризующих осужденных-рецидивистов, показывает, что степень опасности личности преступника должна влиять в достаточной мере на определение размера назначаемого ему наказания.

⁵ «Советское уголовное право». Изд-во ЛГУ, 1960, стр. 527.

⁶ «Заседания Верховного Совета СССР пятого созыва, вторая сессия (22—25 декабря 1958 г.)». Стеногр. отчет. М., Изд. Верховного Совета СССР, 1959, стр. 492. В печати отмечалось, что «придание на практике условно-досрочному освобождению значения способа массового изменения приговоров привело к снижению карательно-принудительного и карательно-воспитательного значения уголовного закона и наказания» (Б. С. Никифоров, А. С. Шляпачников. Некоторые проблемы дальнейшего развития советского уголовного права. «Советское государство и право», 1962, № 2, стр. 59).

В настоящее время в практике судов по назначению наказания рецидивистам намечается правильная линия — учет в полной мере повышенной опасности личности подобного рода преступников.

Хорохорин Е. Н. был осужден к 10 годам лишения свободы за то, что он в соучастии с другими осужденными расхитил продукты из сельпо. Всего было похищено денег и материальных ценностей на сумму около 2 тыс. руб. (в старом масштабе цен), причем почти все они в результате принятых мер были возвращены.

18 августа 1960 г. Военная коллегия Верховного Суда СССР наказание Хорохорину снизила до пяти лет лишения свободы. Председатель Верховного суда СССР назначение ему более мягкого наказания, чем предусмотрено законом, нашел необоснованным и внес в Пленум Верховного Суда СССР протест, в котором поставил вопрос об изменении в связи с этим определения Военной коллегии Верховного Суда СССР.

Пленум согласился с протестом. Весьма характерно, что в обоснование своего постановления по данному вопросу (Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 1 декабря 1960 г.) Пленум положил детальную характеристику личности преступника, указав, в частности, что Хорохорин до осуждения по этому делу был неоднократно судим за различные преступления, причем дважды (в 1946 и 1947 гг.) за хищение. От отбывания наказания по приговору 1947 г., по которому Хорохорин был осужден к 10 годам лишения свободы, он был освобожден досрочно. Затем Хорохорин был осужден во время службы в рядах Советской Армии. Отбывая наказание в дисциплинарном батальоне, он вновь совершает преступление (и вновь хищение) и в 1957 г. осуждается по ст. 154-а, ч. I УК РСФСР 1926 г.

Пленум не ограничился, однако, характеристикой числа и видов прошлых судимостей Хорохорина, а охарактеризовал также личность преступника, исходя из описания его поведения в исправительно-трудовом учреждении, указав в своем постановлении, что, как видно из письма администрации места лишения свободы, отбывая наказание по данному делу, Хорохорин проявил себя с отрицательной стороны, систематически нарушал установленный порядок, уклонялся от выполнения поручаемой ему работы, за что подвергался дисциплинарным

взысканиям. В результате этого он был переведен на строгий режим содержания, после чего также продолжал нарушать установленный порядок. В связи с этим администрация исправительно-трудовой колонии вынуждена была возбудить ходатайство о переводе Хорохорина в тюрьму. С 30 мая 1958 г. Хорохорин содержался в тюрьме, где четыре раза нарушил установленный порядок, за что также был наказан. После возвращения из тюрьмы в колонию Хорохорин продолжал нарушать установленный режим, избивал заключенных, организовал избиение заключенными бригадира.

В этом чрезвычайно поучительном постановлении Пленума подчеркивается, что по данному делу снижение наказания определением коллегии по отношению к рецидивисту Хорохорину было произведено «вопреки данным, свидетельствующим о повышенной общественной опасности его личности»⁷.

В связи с этим тем более важно попытаться определить те специфические для рецидива обстоятельства, которые позволят суду избрать меру наказания, наиболее соответствующую степени опасности рецидивиста.

В качестве таких специфических обстоятельств можно указать на число и однородность совершенных рецидивистом преступлений, полноту отбытия им назначенного ранее наказания, основания освобождения от предыдущего наказания и время, прошедшее между преступлениями.

Подчеркнем, что указанные обстоятельства влияют на размер наказания, назначаемого рецидивистам, не сами по себе, а лишь наряду с общими для всех случаев назначения наказания обстоятельствами, в дополнение к ним. Иными словами, указанные специфические обстоятельства могут влиять на увеличение или уменьшение размера наказания, назначаемого рецидивисту, только при прочих равных условиях.

Безусловную опасность представляет рецидивист, осужденный ранее за разбой и виновный в нанесении тяжких телесных повреждений, так же как и лицо, оба раза совершившее разбойное нападение либо дважды осужденное за нанесение тяжких телесных повреждений. И все же сравнительно более опасным будет реци-

⁷ «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1962, № 2, стр. 13—15.

дивист, совершающий однородные преступления, так как опасность преступления одного и того же рода, совершаемого одним и тем же лицом, нарастает в силу того, что преступник получает возможность раз от разу усугублять опасность совершаемых им однородных преступлений. В отношении корыстных преступлений подобная «специализация» может выражаться в усовершенствовании приемов совершения преступления, все большего применения и приспособления вспомогательных технических средств и т. д. В отношении насильственных преступлений опасность личности преступника нарастает в связи с тем, что по определенной психологической закономерности преступник раз от разу все с большей легкостью решается на самые крайние акты насилия, что может придать совершаемым им преступлениям более опасный, жестокий характер.

Так, Пережогин первый раз судился в 1945 г. за кражу. В 1947 г. он вновь осуждается за кражу. В 1949 г. опять судимость и опять за кражу. И вот, отбыв наказание, в 1959 г. Пережогин спаивает случайного знакомого, навязывается «проводить» его домой, опьяневшего оставляет во дворе, а сам, разбив окно, проникает в квартиру, грабит ее, а когда потерпевший, очнувшись, пытается кричать, звать на помощь, Пережогин пускает в ход нож.

Количество и однородность совершенных рецидивистом преступлений, свидетельствуя о повышенной опасности его личности, не могут не оказать влияния на размер назначаемого судом наказания.

Не безразличен для суда, рассматривающего дело о преступлении, совершенном рецидивистом, и тот срок, который отбыл рецидивист за предыдущее преступление.

Размер предыдущего наказания не может не учитываться при определении меры наказания вновь. И естественно, если степень опасности личности рецидивиста такова, что ранее назначенного наказания оказалось недостаточно для предотвращения рецидива, суд с полным основанием может удлинить назначаемый рецидивисту на этот раз срок в рамках санкции соответствующей статьи.

Суд не может также игнорировать и основания, по которым рецидивист освобождался от ранее назначенного наказания. Не случайно Указ Президиума Верховного

Совета СССР от 1 ноября 1957 г. «Об амнистии в ознаменование 40-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции» постановил о неприменении амнистии «к лицам, освобожденным досрочно и вновь совершившим преступление». В этой норме характерны два момента: во-первых, указ выделил из числа всех рецидивистов тех, кто ранее освободился досрочно, и, во-вторых, отнес их к числу преступников, чья личность характеризуется повышенной опасностью. Это естественно, так как рецидивист, пренебрегший оказанным ему снисхождением, не оправдавший проявленного к нему доверия, заслуживает более серьезного наказания⁸. Поэтому и суд, установив, что рецидивист ранее был осужден досрочно, но вновь встал на преступный путь, имеет все основания увеличить определяемое ему наказание.

И, наконец, на размер наказания не может не влиять срок, который прошел со времени освобождения рецидивиста из места заключения и совершением им нового преступления. В этом смысле, конечно, более опасны те случаи рецидива, когда последующее преступление совершается сразу же после отбытия наказания или через сравнительно короткий промежуток времени, так как это обстоятельство часто свидетельствует об особом упорстве рецидивиста, о явной недостаточности примененного к нему ранее наказания.

Достижение целей наказания не может быть, однако, полностью обеспечено простым лишь усилением наказания рецидивистам. Это усиление должно сопровождаться успешным функционированием рационально построенной системы, обеспечивающей проведение в жизнь методов исправительно-трудового воздействия на осужденных из числа преступников-рецидивистов, решение задачи их перевоспитания.

Исходным моментом, определяющим порядок исполнения наказания, является решение судом вопроса о виде исправительно-трудового учреждения, где осужденный должен отбывать назначенное ему наказание (исправи-

⁸ О повышенной опасности данной категории преступников свидетельствует также то обстоятельство, что ст. 53 УК РСФСР вообще запрещено применять условно-досрочное освобождение к лицам, освобожденным досрочно и совершившим до истечения испытательного срока новое умышленное преступление, караемое лишением свободы.

тельно-трудовая колония или тюрьма), а также определение в соответствующем случае конкретного вида исправительно-трудовой колонии (колония общего, усиленного, строгого или особого режима).

Закон позволяет не только количественно увеличивать наказание, назначаемое особо опасному рецидивисту, но и усиливать его качественно, приговорив виновного на часть срока или на весь срок к тюремному заключению.

Из какого же признака целесообразно исходить, назначая особо опасному рецидивисту тюремное заключение? Он может быть выявлен путем анализа опять-таки характера общественной опасности личности рецидивиста, проявившейся в совершенных им преступлениях.

С этой точки зрения целесообразно выделить из числа преступлений, совершаемых особо опасным рецидивистом, те преступления, в которых доминирующим признаком явилось насилие над личностью. Среди этого круга преступлений есть такие, в которых насилие явно выступает как основной, если не единственный признак. Это — прежде всего убийство, нанесение тяжких телесных повреждений, изнасилование и т. д. Есть и преступления (их большинство), где насилие выступает в сочетании с корыстью. Таковы бандитизм, разбой и др. Есть и такие преступления, где корысть не осложнена насилием. Таковы некоторые формы хищения, кража и т. д.

Тюремное заключение, как правило, целесообразно применять главным образом в тех случаях, когда насилие явилось преобладающим признаком преступления, т. е. к преступникам, совершающим преимущественно преступления первой группы и большинство преступлений второй группы. Представляется вместе с тем, что, если в деяниях виновного насилие над личностью не явилось доминирующим признаком, особой надобности для содержания такого лица в тюрьме чаще всего нет.

В практике судов можно проследить тенденцию к заключению рецидивистов-насильников в тюрьму. Так, к семи годам тюремного заключения был приговорен А. Голубицкий, преступление которого (убийство в драке) отличалось «жестокостью» и «бесчеловечностью». С другой стороны, определением Московского городского суда от 26 июня 1959 г. по делу Конюхова было исключено из приговора народного суда указание о тюремном за-

ключении в отношении Конюхова, осужденного за кражу.

В своем заключении по делу рецидивиста Филимонова В. А. работник прокуратуры, обследовавший его, приходит к выводу, что «длительное пребывание Филимонова в местах заключения не привело к его исправлению. Только после того, как Филимонов в течение 6 лет отбывал наказание в тюрьме, он сделал для себя необходимые выводы, полюбил труд, стал выполнять все требования режима. Для предотвращения рецидива,— подчеркивается в заключении,— необходимо первоначальное содержание рецидивистов в тюрьме и приобщение их там к труду».

Понятно, что это правило не может быть универсальным. Характер общественной опасности особо опасных рецидивистов может быть разнообразным. Их деяния могут быть направлены против социалистической и личной собственности, против личности и т. д. Это определяет соответствующие методы воздействия, перевоспитания, применяемые в исправительно-трудовых учреждениях. Однако если корыстным, паразитическим устремлениям особо опасного рецидивиста в первую очередь противостоит общественно полезный труд и т. д., то склонности такого рода лиц к насилию должен быть противопоставлен режим исправительно-трудового учреждения в целом, и в том числе усиленная (по сравнению с обычной исправительно-трудовой колонией) степень изоляции подобного рода осужденных (разумеется, без уменьшения в какой-либо мере роли труда и политико-воспитательной работы).

О значении тюрьмы как разновидности исправительно-трудового учреждения, отличающегося от колонии в первую очередь усиленной изоляцией осужденных, говорится также по существу в тезисе определения Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РСФСР от 3 июля 1961 г.: «Суд вправе на основании ст. 24 УК РСФСР назначить отбывание лишения свободы в тюрьме лицу, осужденному за побег из места заключения». Коллегия отметила, что «Барабанщиков, отбывая наказание за тяжкое преступление, совершил другое преступление, которое по своему характеру относится к одному из наиболее опасных проявлений злостных нарушений установленного в колонии режима,

Поэтому суд мог применить к нему наказание в виде лишения свободы с отбыванием первого года в тюрьме»⁹.

Исправительно-трудовая колония не всегда может в достаточной степени обеспечить изоляцию особо опасных рецидивистов, характеризующихся повышенной склонностью к насилию. Тюрьма, усиленная изоляция должны решительно противопоставляться жестокости и склонности к насилию, проявляемой определенными категориями особо опасных рецидивистов.

Таким образом, сообразовываясь с характером и степенью опасности личности рецидивистов, можно добиться индивидуализации назначаемого судом наказания как в размере этого наказания, так и в назначении тюремного заключения на часть или на весь срок заключения.

Однако как в случае, когда суд приговаривает рецидивиста на часть срока заключения в тюрьму, так и в случае, когда суд не применяет тюремное заключение; он обязан решить далее вопрос о виде колонии, в которой должен отбывать срок наказания осужденный.

В Постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 19 июня 1961 г.¹⁰ указывается, что исправительно-трудовые колонии общего режима являются, как правило, местом отбывания наказания в виде лишения свободы для осужденных впервые за менее опасные преступления. Исправительно-трудовые колонии усиленного режима являются, как правило, местом отбывания наказания в виде лишения свободы для осужденных впервые за тяжкие преступления. Таким образом, колонии общего и усиленного режима предназначаются для осужденных впервые но выбор той или иной из них зависит от степени тяжести совершенных осужденными преступлений. В отличие от этого колонии строгого режима предназначаются для лиц, осужденных два или более раза к лишению свободы, но не признанных особо опасными рецидивистами. Для особо опасных рецидивистов существуют специальные колонии особого режима.

Как видно из текста Постановления Пленума Верховного Суда СССР от 19 июня 1961 г., колонии общего и усиленного режима предназначаются, как правило, для

⁹ «Бюллетень Верховного Суда РСФСР», 1962, № 1, стр. 15.

¹⁰ «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1961, № 4.

лиц, осужденных впервые. Что означают слова «как правило»? Прежде всего, очевидно, исключения могут быть сделаны для лиц, чьи деяния хотя и квалифицируются по статье, содержащей описание состава тяжкого преступления, но чья фактическая роль в совершении преступления была невелика, причем степень опасности личности преступника также сравнительно невелика. Возможны исключения и обратного порядка. Естественно, что такого рода решение суда требует приведения в приговоре серьезной мотивировки.

Возможны ли такие случаи, когда в колонию общего или усиленного режима может быть направлен рецидивист? Такие случаи не исключаются. Так, если лицо было ранее осуждено, но не к лишению свободы, а к иной мере наказания, направление его в колонию строгого (и, разумеется, особого) режима по закону не допускается, и решение по данному вопросу суд принимает, сообразуясь с характером последнего из совершенных указанным лицом преступлений, направляя его соответственно в колонию общего или усиленного режима. Возможны, разумеется, в порядке исключения, случаи, когда лицо уже ранее отбывало наказание в месте заключения, но суд все же решил направить его в колонию усиленного, а не строгого режима. Это может быть, например, в случае, если первое преступление было совершено в далеком прошлом, либо если преступление совершено лицом по неосторожности и т. д., словом, когда налицо явно не столь высокая степень опасности личности преступника, которая потребовала бы направления его в колонию усиленного режима. Принятие такого рода решения требует от суда развернутой мотивировки.

Приговором Октябрьского районного городского суда г. Саратова Якушин был осужден по ч. II ст. 206 УК РСФСР к пяти годам лишения свободы с отбыванием срока в колонии усиленного режима. Верховный Суд РСФСР указал в своем определении, что суд неправильно определил Якушину вид колонии. Из материалов дела видно, что Якушин в прошлом был неоднократно судим за тяжкие преступления. Наказание отбывал в местах заключения. Следовательно, в соответствии с п. «а» ст. 2 Постановления Пленума Верховного Суда СССР от 10 июня 1961 г. «О порядке определения судами вида исправительно-трудовой колонии лицам, осуж-

денным к лишению свободы» Якушин должен отбывать наказание в колонии строгого режима. «Определяя Якушину вид колонии усиленного режима, суд не привел в приговоре никаких мотивов»¹¹.

При решении вопроса о направлении рецидивиста в колонию строгого режима, закон предписывает суду руководствоваться двумя решающими обстоятельствами: первое — позитивное — «лицо ранее отбывало наказание в виде лишения свободы», второе — негативное — «лицо не признано особо опасным рецидивистом».

Верховный Суд РСФСР в Постановлении от 2 декабря 1961 г. «О некоторых вопросах, возникших при определении судами вида исправительно-трудовой колонии лицам, осужденным к лишению свободы»¹² указал на ошибки судов в данном вопросе, связанные с тем, что «суды иногда формально подходят к оценке прошлых судимостей лиц, неоднократно осуждавшихся к лишению свободы». Пленум подчеркнул, что при оценке «личности осужденного для определения ему порядка отбывания лишения свободы, т. е. направления его в тот или иной вид исправительно-трудовой колонии, не может не учитываться совершение им преступлений в прошлом и пребывание в местах лишения свободы».

Анализ этого постановления очень поучителен. Выше мы пытались показать значение при конструировании понятия рецидива наличия у соответствующего лица прежней судимости, не снятой или не погашенной в установленном законом порядке. Концепция легального рецидива, как представляется, утвердилась достаточно прочно как в законодательстве, так и в практике. В Постановлении Пленума Верховного Суда РСФСР от 11 сентября 1962 г. «О судебной практике по делам о хулиганстве»¹³ указывается: «Обратить внимание судов на недопустимость расширительного толкования обстоятельств, отягчающих ответственность за хулиганство, указанных в ч. 2 ст. 206 УК РСФСР. При квалификации злостного хулиганства по признаку наличия судимости за то же преступление необходимо иметь в виду, что прошлая судимость учитывается только в том случае, если она

¹¹ «Бюллетень Верховного Суда РСФСР», 1962, № 10, стр. 15—16.

¹² «Бюллетень Верховного Суда РСФСР», 1962; № 1, стр. 8.

¹³ «Бюллетень Верховного Суда РСФСР», 1962, № 10, стр. 7.

не снята или не погашена в установленном законом порядке».

Поэтому в случае, если лицо ранее отбывало наказание за хулиганство, но судимость у него снята или погашена, суд, квалифицируя его действия, не может считать его ранее судившимся, не может считать его рецидивистом и квалифицирует преступление как совершенное впервые по ч. 1 ст. 206 УК РСФСР. Однако, переходя к вопросу об определении этому же лицу вида исправительно-трудовой колонии и учитывая, что лицо за совершенное ранее преступление отбывало наказание в месте лишения свободы, суд уже не приравнивает его к лицам, осужденным впервые, и правильно рассматривает его в качестве лица, характеризующегося повышенной опасностью, и направляет его в соответствии с законом в колонию строгого режима. Конечно, суд должен разумно подходить к решению вопроса о направлении лица, у которого сняты или погашены судимости, в колонию строгого режима. Принципиален в этом отношении учет социально-психологических свойств личности подобного рода преступника. Как правило, пребывание в месте заключения, если оно не завершилось действительным перевоспитанием осужденного, оставляет серьезный отрицательный след в психологии рецидивиста. Игнорировать это недопустимо. Суд, который не учтет повышенной опасности подобного рода лиц, допустит серьезный промах, последствия которого с неизбежностью скажутся в дальнейшем, в ходе отбывания таким лицом наказания в колонии, где содержатся лица, действительно впервые осужденные к лишению свободы.

Верно в советской литературе подчеркивается в связи с этим, что подобная практика «ни в малейшей мере не отвечает целям наказания и перевоспитания заключенных. Напротив, по существу она в корне мешает достижению этих целей, поскольку фактически не позволяет успешно осуществлять предупредительную и воспитательную работу в колониях общего режима и, вопреки новому положению о колониях, по-прежнему сохраняет возможность разлагающего влияния рецидивистов на лиц, впервые осужденных за менее опасные преступления, особенно на молодежь»¹⁴.

¹⁴ А. Мишутин. Устранить недостатки при определении вида исправительно-трудовой колонии осужденным к лишению свободы. «Социалистическая законность», 1962, № 10, стр. 5.

Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 31 июля 1962 г. «О судебной практике по определению вида исправительно-трудовой колонии лицам, осужденным к лишению свободы»¹⁵ вновь указывает, что «суды нередко неосновательно направляют в колонии общего режима осужденных за тяжкие преступления, а также лиц, неоднократно отбывавших уже наказание в местах лишения свободы, которые отрицательно влияют на заключенных, впервые оказавшихся в местах лишения свободы».

Пленум подчеркнул недопустимость такого положения, когда суды при оценке личности осужденных, уже отбывших наказание в местах лишения свободы за совершенные ими преступления, не всегда принимают во внимание прошлую преступную деятельность этих лиц. При этом Пленум несколько по-новому, более полно подходит к вопросу о назначении вида колонии указанной категории осужденных, вводя важное правило о том, что «прежнее условное осуждение к лишению свободы, направление в дисциплинарный батальон, а также отбывание в прошлом лишения свободы в трудовых колониях для несовершеннолетних не могут сами по себе при повторном осуждении служить основанием для определения осужденному к лишению свободы колонии строго режима».

Здесь вновь проводится мысль о необходимости для суда правильно оценить характер и степень опасности личности осужденного-рецидивиста.

При этом важно не только «отделять» при назначении вида колонии осужденных-рецидивистов от лиц, осужденных впервые, но также выделять из общего числа рецидивистов лиц, признанных судом особо опасными рецидивистами, не допуская неправильного определения для лиц, не признанных таковыми, в качестве места отбывания наказания колонии особого режима.

Так, по делу Козырина, которому суд первоначально определил в качестве места отбывания наказания колонию особого режима, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР в определении от 8 августа 1961 г. указала, что Козырин «особо опасным рецидивистом не являлся и по настоящему делу не мог быть»

¹⁵ «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1962, № 5, стр. 13—16.

им признан, так как все предыдущие его судимости погашены. Следовательно суд определять ему отбытие наказания в исправительно-трудовой колонии особого режима не имел права». Коллегия указывает далее, что вместе с тем следует учесть тоекратное привлечение Козырина к ответственности за хулиганство (по данному делу он вновь осужден за хулиганство). Исходя из этого, коллегия определила Козырину отбывание лишения свободы в колонии строгого режима ¹⁶.

¹⁶ «Бюллетень Верховного Суда РСФСР», 1962, № 3, стр. 13.

ИСПОЛНЕНИЕ НАКАЗАНИЯ

Характерная черта научной работы в области борьбы с преступностью в настоящее время — ее всемерное подчинение важнейшей задаче, поставленной перед правовой наукой и практикой Программой КПСС, — ликвидации преступности в нашей стране. Следовательно, на первый план выдвигается кардинальный для науки в целом вопрос об эффективности разрабатываемых ею институтов, их реальной ценности в общей цепи мероприятий, направленных на ликвидацию преступности.

В этом смысле особую важность приобретают задачи, поставленные законом перед уголовным наказанием. Решать же вопрос об эффективности, успешности наказания следует, исходя из существа и характера его исполнения.

Исполнение наказания (прежде всего в виде лишения свободы) иногда называют «реальностью уголовного права». В этой формулировке содержится известная доля истины. В самом деле, как бы ни был совершен процесс расследования преступления и судебного разбирательства, реальные результаты всех этих усилий зависят от успешности того воздействия на преступника, которое суд сочтет нужным применить. В случае наказания в виде лишения свободы именно порядок его исполнения решает в значительной мере успех всех предшествующих актов применения как уголовных, так и уголовно-процессуальных норм.

Рациональное построение системы, обеспечивающей успешное решение задачи исполнения наказания, подразумевает учет основных качеств и свойств наказания, а также характерных особенностей личности осужденного, к которому оно применяется.

Для граждан социалистического общества, обладающих свободой в подлинном смысле этого слова, потеря этого драгоценного состояния — достаточно серьезное несчастье. Вместе с тем нельзя не учитывать, что условия жизни в месте заключения, естественно, должны быть хуже условий жизни на свободе. В противном случае была бы извращена сама сущность наказания как явно невыгодного, тяжелого, причиняющего страдания последствия того зла, которое причинено обществу, его гражданам в результате совершения преступления; было бы допущено ослабление карательной силы наказания.

Таково самое простое понимание наказания. При ближайшем рассмотрении вопрос о репрессивности самого процесса исполнения наказания (лишения свободы) оказывается далеко не таким простым. 1954—1956 годы знаменовали собой перестройку системы советских исправительно-трудовых учреждений. Среди многих мероприятий, обеспечивающих наведение нормального порядка в исправительно-трудовых учреждениях, важное место заняло урегулирование условий быта осужденных в местах заключения. Бытовые условия имеют серьезное, самостоятельное значение в связи с задачами, которые призваны решать советские исправительно-трудовые учреждения. Налаженный быт в местах заключения сам по себе способен положительно влиять на сознание осужденных, вырабатывать у них полезные привычки, навыки правильного поведения. Воспитание культуры быта — составная часть работы по перевоспитанию осужденных.

Вслед за тем встала задача дифференцировать условия, в которых содержались различные категории осужденных, с тем чтобы наиболее опасные преступники содержались в иных, более суровых условиях, нежели лица, совершившие впервые малозначительное преступление.

В конце 1961 г. в системе исправительно-трудовых учреждений были произведены определенные изменения. Условия быта заключенных подверглись пересмотру. Право получения посылок, передач, покупок дополнительных продуктов было существенно ограничено. Было установлено, что «особо опасные рецидивисты отбывают наказание в специальных исправительно-трудовых колониях, находящихся в отдаленных от крупных населенных пунктов местностях, со строгой изоляцией, суровыми услови-

ями режима и трудовым использованием преимущественно на тяжелых физических работах»¹.

Безусловно соглашаясь с ликвидацией каких бы то ни было излишеств, допускаясь в ряде исправительно-трудовых учреждений, следует вместе с тем попытаться определить ту границу, перейдя которую можно причинить вред делу перевоспитания осужденных. Например, никак нельзя согласиться с высказывавшимся мнением о том, что якобы «в 1953 г., когда заключенные в тюрьме не работали, а сидели под замком и на пониженном довольствии, это действовало положительно»².

Следует напомнить, что еще в «Положении об общих местах заключения РСФСР», принятом НКЮ 15 ноября 1920 г., в ст. 70 предусматривалось, что «пища заключенных должна изготовляться из таких припасов, которые при наименьшей стоимости отличаются наибольшей питательностью и разнообразием. Количество белков, жиров и углеводов должно быть достаточно для потребностей здорового рабочего организма». Статья 71 этого Положения содержала правило о том, что «заключенные, выполняющие особо тяжелые и утомительные работы, переводятся на усиленное питание»³.

ИТК 1924 г. в ст. 75 подтвердил, что пища работающим заключенным увеличивается в соответствии с количеством затрачиваемой ими энергии. В дальнейшем ИТК 1933 г. подтвердил этот же принцип.

Даже в суровых условиях первых лет революции В. И. Ленин считал необходимым лично составить проект декрета, принятого СНК 23 января 1918 г., в котором говорилось:

«Совет народных комиссаров постановляет:

1. Принять экстренные меры для немедленного улучшения продовольствия в Петроградских тюрьмах.

Поручить исполнение этого декрета народным комиссарам юстиции и продовольствия.

Выдать безоговорочно и без всяких ограничений продовольствие по расписаниям, представленным тюрьмами.

¹ Ф. Т. Кузнецов, П. Е. Подымов. О дальнейшем улучшении деятельности исправительно-трудовых учреждений. «Советское государство и право», 1961, № 12, стр. 98.

² «Проблемы развития советского исправительно-трудового законодательства». Саратов, 1961, стр. 264.

³ «Сборник нормативных актов по советскому исправительно-трудовому праву». Госюриздат, 1959, стр. 69.

2. Вывести спешно от $\frac{1}{3}$ до $\frac{1}{2}$ заключенных в провинциальные тюрьмы тех местностей, которые вполне благополучны в продовольственном отношении»⁴.

В письме к коменданту Петропавловской крепости В. И. Ленин писал 2 января 1918 г.:

«Нам стало известно, что в ночь на 2 января гарнизонный Совет вынес резолюцию о лишении заключенных права передачи и свиданий. Отдавая должное чувству революционного энтузиазма, охватившего представителей гарнизона крепости, мы находим в то же время такую меру в охранении лиц, лишенных свободы, излишней... Поэтому мы предлагаем вам пересмотреть ваше решение и о последующем нас известить»⁵.

Безусловно, бытовые условия (в том числе и питание) в местах заключения должны быть хуже условий существующих на свободе. Тем не менее ставить перед исправительно-трудовыми учреждениями в качестве специальной задачи — добиться того, чтобы осужденный непременно ощущал такого рода лишение, как недостаток питания, было бы неверно.

Поставим вопрос несколько шире. В чем больше заинтересовано наше общество в целом — в том ли, чтобы осужденные, в том числе рецидивисты, терпели лишения, или в том, чтобы, находясь в местах заключения, они продуктивно, производительно трудились?

Можно понять, естественно, желание «воздать» и прежде всего преступнику-рецидивисту за причиненное им зло, горе, ущерб, можно понять желание так организовать исполнение наказания, чтобы «глядя на то, другим неповадно было». Однако при этом никак нельзя отвлекаться от того обстоятельства, что осужденные, отбывающие наказание в местах лишения свободы, — это все же какая-то, пусть незначительная, пусть самая отрицательная, но все же часть нашего общества, от которого они временно изолированы, но в которое они неизбежно вернутся по отбытии срока наказания. Поэтому для общества в целом далеко не безразлично, какими выходят осужденные из мест заключения: став лучше или хуже по сравнению с тем, какими они вошли туда.

⁴ «Декреты советской власти», т. I, Госполитиздат, 1957, стр. 402.

⁵ Там же, стр. 312.

И здесь уже вслед за первым, непосредственным, самым элементарным стремлением обеспечить устрашающее воздействие наказания путем причинения определенной суммы страданий осужденному, встает более сложное, пусть более отдаленное, но неизмеримо более важное стремление — построить наказание так, чтобы оно в конечном итоге максимально обеспечивало безопасность общества от преступных посягательств со стороны рецидивистов и других категорий преступников путем прежде всего переключения в процессе исполнения наказания преступника с социально опасной, социально вредной дороги уголовного мира на путь честной, трудовой жизни, уделяя максимальное внимание не «ужесточению» режима, а постоянному уменьшению «кадров» преступников и соответственному увеличению числа честных тружеников, которые навсегда порвали с преступным прошлым.

Здесь уже неизбежен вывод о том, что наилучшим способом обеспечения безопасности общества от преступлений рецидивистов применительно к построению процесса исполнения наказания является их перевоспитание, неуклонное стремление отыскать даже в самом падшем рецидивисте остатки человеческого, развить их, попытаться хоть в какой-то степени расширить социально полезные элементы его натуры. Говоря о свойствах и качествах наказания с точки зрения организации процесса его исполнения, его можно охарактеризовать в свете трех основных элементов:

а) наказание неизбежно репрессивно, его свойство — причинять страдание;

б) еще более важная задача — так построить процесс исполнения наказания, чтобы оно в максимальной степени имело в виду обеспечение безопасности общества в целом, что надежнее всего достигается стремлением выпускать из мест заключения осужденных, ставших по возможности лучше, чем они вошли туда, что достигается, в свою очередь, если:

в) процесс исполнения наказания имеет своей конечной целью перевоспитание осужденных.

Все эти элементы важны. Игнорирование любого из них было бы неверным. Только лишь правильное сочетание этих элементов способно обеспечить подлинно научное, рационально обоснованное исполнение наказания в

отношении лиц, осужденных к лишению свободы, в том числе и в отношении преступников-рецидивистов.

Говоря о специфике режима в колониях, где отбывают наказание рецидивисты, следует уделить внимание проблеме изоляции указанной категории осужденных.

В принципе изоляция в месте заключения может существовать в двух видах: а) в виде моральной, духовной изоляции и б) в виде изоляции физической, материальной.

Моральная, духовная изоляция заключенного от внешнего мира, его событий, положительных взглядов, полезных идей принципиально неприемлема для советских исправительно-трудовых учреждений. Заключенные, и в том числе рецидивисты, изолируются от советского общества в том смысле, что они лишаются возможности вновь совершить преступление, но они не могут быть отрезаны, отделены от действия общих закономерностей нашего советского общества, от влияния передовых социалистических идей, от духовного общения с многогранной жизнью советских людей, культурой и искусством.

Более того, эффективное, плодотворное воздействие на заключенных духовных богатств, накопленных социалистическим обществом, является мощным средством их идеологического перевоспитания.

Серьезное воспитательное значение имеют и непосредственные контакты заключенных с представителями советской общественности, родственниками и друзьями, способными оказать на них положительное влияние.

В 1961 г. был установлен порядок, согласно которому осужденные-рецидивисты, содержащиеся в колониях строгого режима, могут отправлять не более двух писем в месяц, а осужденные, отбывающие наказание в колониях особого режима, — не более одного письма в месяц. Известно, однако, что в практике перевоспитания рецидивистов нередки случаи, когда серьезным подспорьем в этой работе служила налаженная, часто по инициативе администрации, переписка осужденного с его близкими (родителями и т. д.). Ограничения в переписке, как представляется, не вызываются особой необходимостью.

Мы полагаем, говоря об изоляции как об элементе режима исправительно-трудовых учреждений, что следует иметь в виду прежде всего физическую изоляцию, неизбежно входящую в режим исправительно-трудо-

вого учреждения, коль скоро речь идет о месте заключения, месте лишения свободы.

Рассматривая изоляцию именно в таком, узко специальном смысле, мы должны констатировать, что изоляция как элемент режима мест заключения неоднородна, имеет различные степени. Существует естественное различие в степени изоляции в исправительно-трудовой колонии и тюрьме. Степень изоляции в тюрьме большая. Это обусловлено повышенной опасностью лиц, содержащихся там. Усиление изоляции обусловлено степенью опасности осужденного. Но и в тюрьме эта изоляция далека от максимума, так как включает в себя общение между заключенными, содержащимися в общих камерах.

Участие в совместном производительном труде — неизбежный элемент режима всех советских исправительно-трудовых учреждений. Оно не зависит от того, какова степень опасности личности заключенных, содержащихся в исправительно-трудовом учреждении. Контролируемое, сознательно регулируемое администрацией общение заключенных, организация трудового коллектива (звеньев, бригад, отрядов) — основа воспитания заключенных в исправительно-трудовых учреждениях, основа привития им чувства коллективизма, сознательности и трудовой солидарности.

Это общее положение нуждается, однако, в уточнении применительно к специфическим особенностям преступников-рецидивистов.

Нет сомнения, что всякое общение заключенных не может и не должно быть стихийным, иначе оно способно принести вред делу воспитания, так как не контролируемое, не направляемое сознательно в воспитательных целях, оно может повести к взаимному «заражению» осужденных преступными, паразитическими взглядами, способствовать моральному разложению менее устойчивой их части, усилению влияния уголовных «авторитетов».

Создание коллектива заключенных полезно только в случае, если коллектив объединяется на здоровой, полезной основе, если в нем обеспечено преобладающее влияние положительной части заключенных. В ином случае коллектив заключенных может явиться формой объединения, укрепления отрицательных элементов из среды заключенных, может получить ярко выраженные черты преступной организации, уголовной группировки.

Особенно важен элемент контроля в отношении заключенных-рецидивистов. Если общение подобных заключенных, а тем более, сплочение их в коллектив происходит стихийно, если в этом деле не обеспечено целенаправленное, воспитательное влияние администрации, то оно способно привести к серьезным отрицательным последствиям.

Влияние администрации, контролирующее и воспитывающее воздействие, оказываемое ею на заключенных из числа особо опасных рецидивистов, проявляется в течение суток неравномерно. Днем, на производстве, трудовой коллектив находится под естественным воздействием лиц, руководящих производством. Здесь само содержание занятий заключенного — производительный, созидательный труд, естественный производственный контроль сводит опасность возникновения отрицательных последствий общения рецидивистов к минимуму.

После окончания рабочего дня, во время отдыха и учебы такая опасность несколько возрастает, но и она может быть максимально ограничена правильной постановкой культурно-массовой работы, профессионального и общеобразовательного обучения. Здесь, стало быть, опять есть возможность разумно заполнить досуг заключенных, сознательно регулировать их общение на здоровой основе.

Значительно осложняется проблема воспитательного регулирования общения заключенных-рецидивистов в ночное время. Отпадает основной фактор, позволяющий строить это общение на здоровой основе. Условия ночного времени вообще затрудняют надзор. Статистика показывает, что большая часть преступлений в исправительно-трудовых учреждениях совершается, и во всяком случае задумывается именно в это время.

В условиях, когда заключенные из числа рецидивистов размещаются на ночь в помещении типа общежития в количестве от 100 до 200 человек вместе или в камерах по 15—20 человек, обеспечить должный контроль, сохранить полностью влияние администрации весьма затруднительно. А там, где ослабевает такое влияние, сразу же возрастает влияние наиболее отрицательных, наиболее опасных заключенных — рецидивистов, злостных нарушителей режима. Трудно преувеличить вред, который может принести воспитанию такое преступное влияние.

Оно заставляет заключенных сомневаться во всеилии администрации, снижает ее авторитет. Такое влияние должно быть полностью исключено. Этого требуют как задачи воспитания, поддержания порядка в исправительно-трудовых учреждениях, так и необходимость соблюдения принципов законности и гуманности по отношению к заключенным, подвергающимся психическому и физическому насилию со стороны наиболее отрицательных, агрессивных, склонных к насилию рецидивистов.

Разумеется, речь вовсе не идет о введении института одиночного заключения со всеми его атрибутами (абсолютная круглосуточная физическая и духовная изоляция, принудительное молчание и т. д.). «С одиночным заключением не следует смешивать содержание заключенных по одному в камере... Подобное проживание по одному в камере должно рассматриваться, как идеал...»⁶.

Режим любого исправительно-трудового учреждения складывается из двух основных сторон. Размещение и изоляция осужденных преследуют цель обеспечения режима, устанавливают твердые рамки жизни заключенных в исправительно-трудовых учреждениях и в этом отношении играют весьма существенную роль в решении общей задачи перевоспитания осужденных. Однако сами по себе они задачу воспитания решить не могут. Они должны быть дополнены дисциплинарным воспитанием заключенного. В рамках установленной для данного исправительно-трудового учреждения степени изоляции осужденных с ними должна проводиться активная работа по воспитанию устойчивого дисциплинированного поведения. В этом основное назначение режима, особенно применительно к заключенным-рецидивистам.

От заключенного необходимо требовать воздержания от совершения определенного рода действий, нарушающих правила режима (не приносить в зону запрещенные предметы, не играть в карты и т. д.). Эти запретительные нормы режима чрезвычайно важны, так как запрещают все то, что способно привести к нарушению режима, что противоречит его воспитательным целям.

Однако при всей их важности соблюдение норм, запрещающих определенные действия со стороны заклю-

⁶ В. Р. Якобсон. ИТК РСФСР. Комментарий, вып. II. М., 1926, стр. 4.

ченных,— только предпосылка воспитания. Воспитание дисциплины обеспечивается в основном путем неукоснительного выполнения заключенными норм, предписывающих обязательное совершение определенных действий, норм, которые можно назвать обязывающими нормами режима.

К числу важнейших обязывающих норм режима, соблюдение которых имеет особое значение в деле дисциплинирующего воспитания рецидивистов, относятся прежде всего нормы, определяющие распорядок дня, устанавливаемый в соответствующих исправительно-трудовых учреждениях.

Соблюдение распорядка дня в исправительно-трудовом учреждении не только преследует цель обеспечить нормальное чередование различных сторон жизни заключенных (труда, отдыха, приема пищи, культурно-массовых развлечений и т. д.), но и путем обеспечения его неуклонного соблюдения прививать заключенным навыки ведения размеренной, упорядоченной жизни, прививать навыки подчинения определенным правилам поведения.

Эта последняя дисциплинирующая сторона распорядка дня приобретает особую важность в деле поддержания режима в исправительно-трудовых учреждениях, предназначенных для рецидивистов, в связи с чем и сам распорядок дня в этих учреждениях должен строиться с учетом его специального дисциплинирующего назначения.

Поэтому к распорядку дня, устанавливаемому для заключенных из числа рецидивистов, должен быть предъявлен целый ряд важных требований. Так, распорядок дня должен быть максимально детализирован. По своему объему он должен охватывать все основные элементы поведения заключенного в зоне исправительно-трудового учреждения. По времени он должен быть регламентирован по возможности наиболее точно, чтобы в нем была определена каждая минута поведения заключенного в течение всех суток. Соблюдение распорядка дня должно быть точным до минут. Такая особая, специально предусматриваемая и тщательно соблюдаемая точность — основа воспитания дисциплины у осужденных-рецидивистов. Точность и нерушимость распорядка дня должны олицетворять для заключенного точность и

нерушимость закона, воспитывать в нем уважение к закону и навыки безусловного исполнения предписываемых правил. Для рецидивиста, многократно и злобно нарушавшего закон, воспитание подобной дисциплинированности — одно из основных условий успешности его перевоспитания. Внешние формы поведения такого рода заключенных также должны быть регламентированы.

Все эти требования должны быть разумны и обоснованны с тем, чтобы их смысл и необходимость соблюдения были ясны заключенному, чтобы заключенный мог убедиться, что они действительно имеют целью урегулировать поведение заключенного в целях его перевоспитания, т. е. в его же собственных целях.

В этом конкретно должно проявляться сочетание требования с убеждением, разъяснением.

Соблюдение норм поведения, в том числе и норм режима, не может быть обеспечено при полном отсутствии принуждения. Применительно к режиму исправительно-трудового учреждения это принуждение выступает в форме определенных в законе и применяемых на законном основании дисциплинарных взысканий.

Важно вместе с тем, чтобы такая система была разумной, т. е. в каждом случае отвечала ряду условий, определяемых каждый раз применительно к конкретным особенностям данной обстановки.

Каким же условиям должна отвечать система взысканий, способная обеспечить воспитание дисциплины у заключенных из числа рецидивистов? Какова специфика такой системы?

Тщетно было бы пытаться определить эту специфику, идя по пути простого отягощения взысканий в связи с повышенной опасностью данной категории заключенных.

Нельзя же всерьез надеяться, что лицо, на которое не оказало достаточного воздействия помещение в штрафной изолятор на 10 суток, может оказать такое воздействие помещение в изолятор на 15 или 20 суток. Такое механическое усиление взыскания неспособно оказать воздействие ни на самого виновного, ни на остальных заключенных, которые часто рассматривают изолятор как простую перемену места содержания. Усиление наказания способно в лучшем случае заставить за-

ключенного подчиниться внешне, а в худшем — излишне озлобить, укрепить его в отрицательном, негативном отношении к администрации, к ее деятельности по перевоспитанию заключенных, значительно затруднить в конечном счете решение задачи исправления заключенного.

Любая система взысканий и, в первую очередь, в отношении заключенных-рецидивистов не может эффективно применяться без связи с иными элементами режима (режима в широком смысле, т. е. включая в него быт и труд). Эта связь должна проявляться в следующем: до тех пор, пока заключенному не предоставлены хотя бы минимально удовлетворительные бытовые условия, пока он не трудится, хотя бы в самых элементарных формах, и не получает какое-либо, пусть сравнительно небольшое, вознаграждение за труд, действительно эффективного функционирования системы мер дисциплинарного воздействия добиться невозможно. Если заключенный не работает и, главное, не зарабатывает, до тех пор многие из применяемых по закону дисциплинарных взысканий не окажут на него должного воздействия.

В основу применения мер дисциплинарных взысканий вообще, а в отношении рецидивистов в особенности, должен быть положен принцип: «эффективность взыскания зависит не от его тяжести, а от его неотвратимости». Как бы ни было сурово взыскание, очевидная возможность уклониться от него парализует сдерживающее, дисциплинирующее воздействие на заключенных системы взысканий в целом. С другой стороны, взыскания, не превышающие по своей тяжести обычных, предусмотренных для всех категорий заключенных, применяемые с неукоснительной последовательностью, в неизмеримо большей степени воспитывают дисциплину, нежели суровые, но не неизбежные меры дисциплинарного воздействия. Отсюда вытекает необходимость организации в исправительно-трудовых учреждениях, предназначенных для рецидивистов, тщательного учета всех без исключения нарушений правил и немедленного соответствующего реагирования на это со стороны администрации.

Принцип «неотвратимости» вовсе не означает, что за каждое нарушение необходимо налагать суровое

взыскание. Однако он требует, чтобы оно было, безусловно, выявлено, зафиксировано, причем самое главное, чтобы заключенный был осведомлен об этом и уверен, что и в дальнейшем все его нарушения также будут выявлены и зафиксированы, а по мере их накопления будут играть роль при определении дальнейшего положения заключенного. Особое значение требование справедливости и обоснованности дисциплинарных взысканий приобретает в отношении рецидивистов.

Выше мы говорили, что нарушение не должно оставаться ненаказанным,— в этом залог успешности воспитания дисциплины, ибо безнаказанность серьезно вредит делу воспитания. Однако не меньший вред приносит несправедливое, необоснованное взыскание. Одно оно способно зачеркнуть, свести на нет все ранее достигнутые успехи в воспитании заключенных.

Одна только система взысканий, как бы разумно и тщательно она ни была построена, еще не способна окончательно привить дисциплину рецидивисту. В лучшем случае она способна лишь заставить его внешне подчиняться требованиям режима. Такое внешнее подчинение обеспечивает соблюдение порядка в исправительно-трудовом учреждении в той степени, в которой осуществляется контроль и принуждение. Подлинная же дисциплина, к воспитанию которой должны стремиться работники советских исправительно-трудовых учреждений,— это дисциплина сознательная, добровольная, основанная на внутренне осознанном убеждении самого заключенного в ее пользе и необходимости. Сознательная дисциплина — высший, единственно приемлемый для социалистического общества вид дисциплины. Ее достижение является конечной целью воспитания дисциплины как у всех заключенных, так и у заключенных из числа рецидивистов в особенности.

Путь воспитания сознательной дисциплины, по удачному определению А. С. Макаренко,— это «путь от диктаторского требования организатора до свободного требования каждой личности от себя на фоне требований коллектива»⁷.

⁷ А. С. Макаренко. Соч., т. 5. М., Изд-во Академии пед. наук, 1958, стр. 152.

Здесь четко вырисовываются, таким образом, два этапа воспитания вообще и в том числе воспитания дисциплины. Первый этап, характеризующийся «диктаторским» требованием, переходит на определенной стадии во второй этап — этап «свободного» требования, т. е. прежде всего происходит эволюция в характере самих требований, предъявляемых к воспитуемому. Одновременно меняется и носитель «требования». Если на первом этапе требует сам организатор, воспитатель, то на втором — требование уже предъявляет к себе сам воспитуемый, причем это требование подкрепляется требованием со стороны коллектива. Такой путь должен лежать в основе воспитания дисциплины, служить канвой для правильного сочетания принудительной и сознательной дисциплины.

Ошибки в работе, преследующей цель воспитания дисциплины, могут быть двоякого рода. Будет ошибочным, во-первых, свести всю воспитательную работу к первому этапу, и, во-вторых, игнорировать первый, необходимый этап и начинать работу сразу в расчете на сознательность воспитуемого.

Особо отрицательные последствия имела бы вторая ошибка, когда речь идет о воспитании заключенных из числа рецидивистов. Поэтому переход воспитательной работы с рецидивистами к следующей, важнейшей стадии воспитания — воспитанию сознательной дисциплины — должен быть обставлен определенными условиями.

Принудительное воспитание дисциплины должно заменяться воспитанием сознательной дисциплины постепенно, по мере того, как в сознании заключенного сформируются определенные устойчивые тормозящие рефлексы, когда воспитатель будет уверен, что любой эксцесс может быть своевременно ликвидирован путем приказа. Переход от воздействия со стороны воспитателя к воздействию со стороны коллектива совершается с формированием этого коллектива, причем не любого, а именно трудового, производственного коллектива. Основой сознательной дисциплины является трудолюбие.

Формирование коллектива из числа рецидивистов имеет ряд особенностей, без учета которых попытка сформировать такой коллектив не только не даст желаемого результата, но и приведет к отрицательным последствиям. Эти особенности заключаются в следую-

щем. Коллектив должен создаваться на определенной, сознательно предусматриваемой основе — на производительном, созидательном труде. Это вовсе не означает, что любой коллектив заключенных, совместно работающих на производстве, автоматически может считаться объединенным на здоровой основе. Кроме чисто внешнего признака — работы на одном производстве, в основе формирования коллектива должен лежать фактор неизмеримо более важный — общность трудовых интересов членов данного коллектива, которая складывается из двух моментов: наличия здорового интереса к труду у каждого члена коллектива и гармонического сочетания интересов всех членов коллектива. До тех пор, пока у заключенных из числа рецидивистов такой заинтересованности в личном труде и в труде всего коллектива нет, попытка сформировать из них трудовой коллектив обречена на неудачу, так же как обречена на неудачу попытка создать здоровый коллектив заключенных на любой иной основе, кроме трудовой. Будет тщетной и попытка воспитания сознательной дисциплины, так как ее нет и не может быть вне трудового коллектива или помимо него. Сознательная дисциплина немыслима без трудолюбия. Сознательная дисциплина вырастает из чувства ответственности перед коллективом, из сознания справедливости требований, которые предъявляет коллектив. Если коллектив сложился, то можно с уверенностью сказать, что такие меры воздействия, как обсуждение поведения нарушителя на общем собрании, на совете актива, критика в стенгазете и т. п., дадут свои плоды и со временем станут наиболее действенными средствами воспитания сознательной дисциплины.

Воспитание трудолюбия в свою очередь неразрывно связано с получением достаточно высокой производственной квалификации. А это определяет необходимость регулярного обучения заключенных производственным специальностям.

Об отсутствии у рецидивистов в подавляющем большинстве случаев профессии свидетельствуют данные обследования лиц, судимых второй раз и более за опасные преступления. У 90% таких лиц — отсутствовала какая бы то ни было профессия. У лиц, осужденных впервые, профессия отсутствовала в 40% случаев.

Нельзя не отметить, что уставовленное в 1961 г. требование использовать осужденных-рецидивистов преимущественно на тяжелых физических работах затрудняет обучение этой категории осужденных производственным специальностям. А приобретение более высокой производственной квалификации — решающий показатель успешности перевоспитания рецидивистов. Если бывший «вор» получает квалификацию, то, несмотря на возможные с его стороны отдельные срывы достигнуто главное — из профессионального преступника, по выражению одного из них, «никогда не державшего в руках ничего тяжелее ножа и чужого кошелька» заключенный превращается в полезного члена советского общества. Приобретение профессии влечет за собой очень много — и новых друзей, и новые мысли, и новые вкусы, и привычки. Высокая квалификация, разумеется, наряду с иными показателями, — реальный признак перерождения любого, пусть даже в прошлом наиболее опасного преступника.

Поэтому полная занятость общественно полезным трудом, профессионально-техническое обучение — непременное требование нормальной работы исправительно-трудового учреждения, где содержатся рецидивисты.

Важнейшую, если не решающую, роль в перевоспитании особо опасных рецидивистов играет политико-воспитательная работа. Основная ее цель — идеологическое перевоспитание заключенных.

Как и всякая идеологическая работа, идеологическое перевоспитание заключенных, конечно, не может быть заранее исчерпывающим образом регламентировано. Однако было бы полезно попытаться наметить некоторые наиболее существенные моменты такой работы применительно к особо опасным рецидивистам.

Это прежде всего определение объема работы по идеологическому перевоспитанию заключенных из числа рецидивистов. Сюда относится работа:

а) по перестройке их взглядов, по изменению строя мыслей, изменению содержания их мышления;

б) по изменению определенных, нежелательных черт характера, привычек, наклонностей, укоренившихся в их психике.

Нетрудно убедиться, что это — две тесно соприкасающиеся, но все же различные стороны и человеческой

психики, и соответствующей воспитательной работы. В самом деле, человек может неправильно мыслить, быть носителем вредных взглядов (корыстных устремлений, желания поживиться за чужой счет и т. д.), и для его исправления необходимо добиться вытеснения из его сознания таких мыслей. Однако наряду с этим у подобного лица могут быть и дурные, порочные черты характера, склонности, привычки (привычка к алкоголю, любовь к азартным играм и т. д.). Значит, для исправления такого человека мало добиться того, чтобы он начал правильно мыслить, чтобы у него появились хорошие идеи и представления. Надо вместе с тем попытаться выправить и его характер, искоренить вредные привычки и склонности, добиться не только перестройки его мышления, но и исправления его нравственности.

Если для большинства менее опасных заключенных часто бывает вполне достаточно добиться перестройки их мышления, чтобы они осознали неправильность преступного поведения и сознательно пожелали исправить его, то в отношении рецидивистов добиться изменения одного только умонастроения, переубедить их было бы явно недостаточно. Пока желание исправиться не будет подкреплено исправлением отрицательных черт характера рецидивиста, все благие намерения и мысли, даже если они и появятся, не смогут еще привести к исправлению таких заключенных. Мало того, чтобы рецидивист захотел исправиться, надо еще, чтобы он был в состоянии это сделать. В достижении в конечном итоге такого результата и заключается специфика идеологической политико-воспитательной работы с заключенными из числа особо опасных рецидивистов.

Начинать соответствующую воспитательную работу, разумеется, надо с перестройки образа мыслей, с замены преступных порочных представлений представлениями, основанными на коммунистической идеологии.

К числу преступных взглядов, характеризующих мышление особо опасных рецидивистов, относятся прежде всего взгляды, оправдывающие их паразитизм, мнение о том, что «вору» полагается жить за чужой счет, что участь остальных — работать, а участь «вора» — при помощи насилия отбирать честно заработанное.

Не сломив этого представления, не доказав, не словами, а на деле, что паразитическому существованию отны-

не пришел конец, нельзя и говорить о начале работы по перестройке мышления рецидивиста. Роль политического воспитателя в данном случае сводится к тому, чтобы показать воочию такому заключенному, что приговор суда, режим исправительно-трудового учреждения не случайны, они вытекают из самого существа советского общества, давно покончившего с хищниками и грабителями «покружнее масштабом» и тем более не намеренного терпеть паразитическое существование кучки преступников-рецидивистов.

Другим, не менее вредным представлением, встречающимся у рецидивистов, является представление о якобы существующей «общности» преступников, «карающих» за «отступничество».

Нельзя отрицать известной «общности» рецидивистов. Она естественна. Это — общность соучастников в общем «грязном» деле. Правда, истинная подкладка такой общности — ее корыстный, «шкурный» характер — обычно вуалируется рецидивистами рассуждениями о «взаимной выручке», чувстве «товарищества» и т. д.

Показать истинную подоплеку преступной «общности», ее волчий характер, показать, что подлинный «закон» преступников — не закон бескорыстной помощи, а общность низменных интересов, противопоставить этой «общности» подлинное братство и товарищество труженников социалистического общества — вот путь, идя по которому можно показать рецидивисту всю никчемность и лживость преступной «общности», якобы связывающей рецидивистов.

Рецидивистам часто свойственно также негативное отношение к администрации исправительно-трудового учреждения; в процессе воспитания усилия администрации, особенно вначале, наталкиваются на их враждебное отношение. Не учитывать этого при проведении политико-воспитательной работы с рецидивистами было бы ошибкой. Правильный же учет возможен только при ясном понимании источников и характера такого отношения рецидивистов к администрации исправительно-трудового учреждения. В основе негативной позиции рецидивистов лежит, конечно, естественная реакция опасного преступника, чей преступный путь прерван приговором суда. Работники администрации исправительно-трудового учреждения являются для такого рода заключенных

ближайшими, реальными представителями карательной силы государства, принуждающей преступника начать трудовую жизнь. Без стремления преодолеть, смягчить такое отношение заключенного к администрации говорить об успешной политико-воспитательной работе трудно.

Вместе с тем любое беспринципное «заигрывание» с заключенными, желание заслужить их «благоволение» за счет каких бы то ни было отступлений от законных требований режима в исправительно-трудовом учреждении способно нанести делу воспитания заключенных не меньший, если не больший, вред. Необоснованные послабления, незаконные льготы способны лишь подорвать авторитет подобного «воспитателя», в результате чего враждебность рецидивиста к администрации исправительно-трудового учреждения в целом не только не уменьшится, но и пополнится еще пренебрежением к ее представителям.

Подлинный путь к преодолению враждебного отношения рецидивистов к администрации исправительно-трудового учреждения — воспитание уважения к представителям администрации на основе повседневного разъяснения заключенным того, что Советское государство в лице администрации ставит своей целью не месть заключенному за совершенное преступление, а возвращение его к нормальной, полноценной жизни в советском обществе, ставит целью вытравить те черты его характера, которые препятствуют его приобщению к семье советских тружеников. Средство воспитания заключенных — честная работа, безукоризненное соблюдение режима, участие в самодеятельных организациях и т. д. Строгость требований, предъявляемых администрацией исправительно-трудового учреждения, обусловлена интересами перевоспитания заключенного, т. е. в конечном счете его же собственными интересами. Внедрение в сознание рецидивиста такого понимания существа деятельности администрации — важнейшая задача политико-воспитательной работы. Ее решение поведет к смягчению отрицательного, часто враждебного отношения рецидивиста к администрации, а в дальнейшем, в ходе его перевоспитания — к установлению доверия и желания исправиться.

Но нельзя закрывать глаза и на то, что подчас бывают случаи, когда отрицательное отношение заключен-

ных к администрации вызывается неправильными действиями того или иного работника администрации. Немедленное, принципиальное исправление администрации допущенных ошибок способно только усилить ее авторитет. Стремление же из ложного самолюбия, из ложной «амбиции» замазать, скрыть тот или иной неблагоприятный факт, во-первых, тщетно, бесполезно и, во-вторых, заставляет заключенных думать, что допущенное отклонение — типично. Это способно, в свою очередь, в корне подорвать доверие и уважение заключенных к работникам исправительно-трудовых учреждений, а без такого доверия и уважения не может быть и воспитания.

Труд в коллективе, строгая дисциплина, хорошо налаженный быт, строгость, основанная на справедливости, выдержка и упорство в воспитательной работе способны привести к желаемому результату в решении далеко не легкой и совсем не простой задачи перевоспитания рецидивистов в ходе исполнения наказания.

Что касается такой меры наказания, как лишение свободы, то нельзя не видеть, что эта мера далеко не идеальна по своей природе. Совсем не случайно в Программе РКП(б) еще в 1919 г. в качестве достижения заново организованной советской судебной системы констатировалось, что «в области наказания организованные таким образом суды уже привели к коренному изменению характера наказания, осуществляя в широких размерах условное осуждение, вводя как меру наказания общественное порицание, заменяя лишение свободы обязательным трудом с сохранением свободы, заменяя тюрьмы воспитательными учреждениями и давая возможность применять практику товарищеских судов»⁸. Это же имеет в виду принятая на XXII съезде партии Программа КПСС, ставя задачу «в конечном итоге заменить меры уголовного наказания мерами общественного воздействия и воспитания»⁹.

Действительно, нетрудно убедиться в известной ограниченности, несовершенстве природы лишения свободы как меры уголовного наказания. Так, по существу желая сделать из преступника честного человека, т. е., желая,

⁸ «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. I, Госполитиздат, 1954, стр. 419.

⁹ «XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза», Стеногр. отчет, т. III, Госполитиздат, 1962, стр. 307.

чтобы вредные, порочные представления и привычки, приведшие лицо к преступлению, были заменены правильными взглядами и представлениями, желая привить ему полезные навыки, социально ценные качества, мы вместе с тем помещаем такого человека в общество других преступников, т. е. в такую среду, где взаимное «заражение» преступников отрицательными представлениями — наиболее вероятно, где преступный образ мыслей составляет как бы атмосферу, которая окружает заключенных, где всякий раз, когда осужденные находятся вне контроля администрации, неизбежно идут бесконечные разговоры с обменом преступным «опытом», что подчас приводит к повышению уголовной «квалификации» преступников, и т. д. Наша цель — сделать такого человека в максимальной степени приспособленным к условиям нормальной жизни советских людей, приучить его к честной жизни в нормальной, трудовой среде. Лишение же свободы — ненормальное, неестественное состояние для человека.

И, наконец, чтобы человек вновь не совершил преступления, он должен научиться по выходе на свободу активно действовать в правильном направлении — подыскивать себе подходящую работу, успешно трудиться, решать бытовые проблемы, не поддаваться соблазнам легкой жизни, алкоголя и т. д. Одним словом, способность человека к активной, социально полезной деятельности — неперемное условие его окончательного отрыва от преступного образа жизни. А между тем,— и это тоже связано с самой сущностью наказания в виде лишения свободы,— такой человек помещается в условия, где он лишается значительной части своей самостоятельности.

Вместе с тем приходится констатировать, что основной мерой наказания, во всяком случае в отношении преступников-рецидивистов, является и безусловно должно являться лишение их свободы, причем на более длительные сроки, чем лишение свободы, назначаемое менее опасным преступникам.

Следовательно, задача в том, чтобы стремиться к такому построению системы исполнения наказания, к такому режиму в исправительно-трудовых учреждениях, который по возможности смягчал бы противоречия, заложенные в природе этого вида наказания, и в то же время полностью отвечал бы интересам обеспечения об-

щественной безопасности. Такой системой могла бы служить так называемая «прогрессивная» (ступенчатая) система режимов, построенная применительно к конкретным особенностям личности преступников-рецидивистов. К сожалению, начало «постепенности», «прогрессивности» все же не получило еще должного развития, а кое в чем даже уступает соответствующим институтам 20-х годов.

Существо прогрессивной системы режимов было сформулировано в ст. 50 ИТК 1924 г., которая устанавливала, что «режим в местах заключения строится по прогрессивной системе так, чтобы, в зависимости от характера и свойств заключенных и продолжительности их пребывания в том или ином исправительно-трудовом учреждении, они могли в большей или меньшей степени проявлять свою самостоятельность и инициативу». По ИТК 1924 г. заключенные делились на разряды, причем при переходе от низшего к высшему разряду нарастало число льгот, предоставляемых заключенному; переход же из разряда в разряд зависел «от успеха заключенного в работе и занятиях, соблюдения или нарушения им установленного режима и вообще от степени оказанного на него исправительно-трудовым учреждением влияния» (ст. 102). Соответственно для профессиональных преступников-рецидивистов переход из разряда в разряд обставлялся рядом дополнительных условий.

Элементы прогрессивной системы режимов, содержащиеся в ИТК 1924 г., были полностью опущены в ИТК 1933 г. В период 1954—1956 гг. вновь проявились начала прогрессивности (постепенности) в виде деления исправительно-трудовых колоний на колонии облегченного, общего, строгого и специального строгого режима.

Особенностью построения системы колоний этого периода было то обстоятельство, что изменение вида режима для осужденного влекло за собой его перевод в другую исправительно-трудовую колонию, расположенную нередко далеко от первоначальной колонии. Частые переброски заключенных препятствовали целенаправленной работе по их перевоспитанию, не способствовали поднятию ответственности администрации конкретных исправительно-трудовых колоний за окончательное исправление осужденных, отбывающих наказание в данной колонии.

И все же эта система имела и свои достоинства, основным из которых было сохранение принципа прогрессивности (постепенности), создававшего у заключенного заинтересованность в активном продвижении по пути исправления, так как это могло вызвать перевод его в колонию с более льготными условиями содержания.

В 1961 г. система исправительно-трудовых колоний была вновь перестроена. Был установлен принцип, что осужденные определенной категории (а их было установлено четыре: осужденные впервые за менее опасные преступления; осужденные впервые за тяжкие преступления; осужденные два или более раз к лишению свободы, но не признанные особо опасными рецидивистами; особо опасные рецидивисты) отбывают назначенный им срок лишения свободы от начала до конца, как правило, в одной исправительно-трудовой колонии. Это несомненно подняло ответственность работников колоний за состояние работы по перевоспитанию осужденных, содержащихся в данной колонии, сократило дорогостоящие перевозки заключенных из одной колонии в другую. Однако, устранив недостатки, которые были присущи ранее системе ИТУ, реформа 1961 г. отказалась и от того положительного, что существовало ранее, почти полностью исключив начало прогрессивности (постепенности) в построении системы режимов.

Так, было установлено, что те из осужденных рецидивистов, которые не признаны особо опасными, содержатся весь срок заключения в колонии строгого режима. Особо опасные же рецидивисты содержатся в колониях особого режима; администрация в отдельных случаях имеет право просить суд о переводе заключенных этой категории при хорошем их поведении и добросовестном отношении к труду по отбытии не менее половины срока наказания из колоний особого режима в колонии строгого режима. Это в основном все, что осталось от элементов прогрессивной системы режимов.

Представляется, однако, что процесс исполнения наказания в отношении осужденных рецидивистов может быть улучшен путем развития, усиления начал прогрессивности (постепенности) в построении системы режимов в исправительно-трудовых учреждениях. С этой целью весь срок заключения, определенный рецидивисту по приговору суда, мог бы быть разделен на три части.

Первую часть рецидивист должен был бы отбывать в условиях максимальной изоляции (одиночное ночное разведение), усиленного надзора и самого необходимого минимума бытовых условий. На этой первой стадии (или ступени) рецидивист наиболее опасен, поэтому он полностью должен быть лишен самостоятельности, подчинен строгому дисциплинирующему режиму с повышенной дисциплинарной ответственностью. На этой ступени рецидивист обязан был бы участвовать в трудовом процессе в форме выполнения самых элементарных работ. Поведение рецидивистов должно было бы подлежать непрерывной фиксации, каждый из них должен тщательно изучаться с целью определения степени опасности его личности.

Если на первой стадии исполнения наказания выясняется, что рецидивист беспрекословно выполняет все законные требования администрации, проявляет готовность со своей стороны к самостоятельным шагам по пути исправления, то по отбытии одной трети своего срока такой осужденный мог бы в пределах той же исправительно-трудовой колонии быть переведен на следующую, вторую ступень прогрессивной системы режимов. На этой стадии степень изоляции осужденного могла бы быть уменьшена, могло бы быть допущено общение осужденных, принудительная дисциплина могла бы быть соединена с элементами дисциплины сознательной, добровольной. Здесь уже могла бы ставиться задача формирования на доброкачественной основе коллектива осужденных. Бытовые условия на этой стадии могли бы быть несколько улучшены. Целесообразно было бы именно на этой стадии прогрессивной системы организовать профессиональное обучение осужденных-рецидивистов. Вместе с тем тщательное наблюдение за осужденными должно было бы непрерывно продолжаться с тем, чтобы в случае, если осужденный на этой стадии обнаружит признаки злоупотребления предоставленными ему более льготными условиями, он мог бы быть немедленно возвращен вновь на первую ступень, в наиболее суровые условия содержания.

Если на второй ступени прогрессивной системы осужденный докажет своими успехами в труде, учебе, примерным поведением, что он встал на путь исправления, то по отбытии двух третей срока он мог бы быть (опять-

таки в пределах одной и той же исправительно-трудовой колонии) переведен на третью, высшую ступень. Это последняя ступень перед выходом осужденного на свободу. Заслуживают перевода на третью ступень, как правило, те, которые твердо встали на путь исправления. Здесь им мог бы быть предоставлен максимум льгот, разрешаемых законом. Важной особенностью третьей, высшей ступени прогрессивной системы должно было бы быть стремление администрации заранее обеспечить осужденного по отбытии срока наказания направлением на работу, помочь ему в укреплении и поддержании семейных связей. На наш взгляд, на этой стадии исполнения наказания отдельные, наиболее положительно зарекомендовавшие себя осужденные могли бы представляться для условно-досрочного освобождения (в настоящее время большинство осужденных на сравнительно длительные сроки лишения свободы права на условно-досрочное освобождение не имеют)¹⁰.

Нетрудно заметить, что основным достоинством, главной целью прогрессивной (ступенчатой) системы режимов является воплощенное в ней стремление побудить

¹⁰ Институт условно-досрочного освобождения претерпел за определенный период изменения, которые не представляются нам во всем оправданными. В декрете СНК от 21 марта 1921 г. «О лишении свободы и о порядке условно-досрочного освобождения» (СУ, 1921, № 22, ст. 138) говорится о переводе осужденных «от более строгих форм изоляции к менее строгим вплоть до досрочного освобождения от наказания». Переход от максимума изоляции к возможному минимуму как раз характерен для прогрессивной системы режимов (предусмотренных, например, в ИТК 1924 г.). Следовательно, условно-досрочное освобождение по первоначальной идее должно было бы быть конечной, высшей стадией прогрессивной системы, логически завершающей процесс перевоспитания осужденного и в то же время позволяющей в принципе применять его к тем, кто действительно достоин этой льготы. В 1954 г. условно-досрочное освобождение после длительного перерыва было введено вновь, но уже не как часть прогрессивной системы режимов, а как пересмотр по существу сроков, назначенных по первоначальному приговору. В дальнейшем (1961 г.) сфера его применения была значительно сужена. Это сужение отчасти может быть объяснено огульным, чрезмерно широким его применением в предшествующий период. Представляется, однако, что применение условно-досрочного освобождения в соответствии с его первоначальной, исходной идеей (в качестве высшей стадии прогрессивной системы режимов) как раз и позволило бы избежать поспешного и неоправданного его применения и в то же время явилось бы серьезным стимулом для исправления и перевоспитания осужденных.

заключенного самому добиваться улучшения своего положения путем перевода с низшей ступени прогрессивной системы в высшую. Нельзя забывать, что процесс воспитания — процесс двусторонний в том смысле, что он подразумевает активное стремление воспитателя положительно повлиять на воспитуемого и желание воспитуемого идти навстречу воспитателю, готовность их к взаимному сближению, сотрудничеству. В противном случае воспитание будет иметь лишь видимость воздействия и в лучшем случае будет наталкиваться на пассивность субъекта, за которой могут скрываться все отрицательные его свойства.

Смысл прогрессивной системы режимов в том и заключается, чтобы непрерывно стимулировать стремление заключенного своими силами заслужить положительную оценку, доказать свое исправление, улучшить тем самым свое положение в колонии и, быть может, приблизить срок освобождения. Кроме того, такая система режимов позволяет гибко сочетать обеспечение безопасности, карательную сторону режима и прививать осужденному навыки правильного самостоятельного поведения, обучать его нужной профессии, подготавливать его к вступлению в семью советских тружеников.

Идея реализации в деятельности наших исправительно-трудовых учреждений основных принципов прогрессивной системы режимов была высказана подавляющим большинством специалистов-теоретиков и практических работников в области исправительно-трудового права на специальной научной конференции, состоявшейся в 1961 г. и посвященной вопросам дальнейшего развития исправительно-трудового законодательства. Так, Б. С. Утевский отметил, что «воспитательные достоинства этой системы несомненны»¹¹. А. А. Беляев заявил, что «рациональность такой системы подтверждена многолетним опытом наших исправительно-трудовых учреждений»¹². «Существующая ныне для рецидивистов система различных видов режимов... должна быть заменена прогрессивной (разрядной) системой...», — подчеркивал Н. Н. Паше-Озерский¹³. За это же предложение высказались

¹¹ «Проблемы развития советского исправительно-трудового законодательства». Саратов, 1961, стр. 19.

¹² Там же, стр. 117.

¹³ Там же, стр. 129.

А. Л. Ременсон¹⁴, А. П. Кузнецов¹⁵, Ю. А. Фролов¹⁶, Н. Ф. Козлов¹⁷. Против этого предложения высказался А. Е. Наташев, однако его аргументация, не лишенная сама по себе оснований, была направлена не столько против самой прогрессивной системы режимов, сколько против возможных ее извращений на практике¹⁸.

Длительный срок заключения, глубокая испорченность натуры, трудности в исправлении рецидивистов как раз и требуют того, чтобы их перевоспитание было длительным, кропотливым процессом, когда исправление идет шаг за шагом, ступень за ступенью. Наиболее благоприятные условия для этого создает именно прогрессивная система режимов.

Непосредственное отношение к проблеме исполнения наказания, назначаемого преступникам-рецидивистам, имеет норма Указа от 5 мая 1961 г., устанавливающая суровую ответственность лиц, осужденных за тяжкие преступления, а также особо опасных рецидивистов, которые терроризируют в местах лишения свободы заключенных, вставших на путь исправления, или совершают нападения на администрацию (ст. 77¹ УК РСФСР).

Суды строго наказывают лиц указанной категории за эти преступления. Так, в определении Верховного Суда РСФСР по делу Сидорова указывается, что, по мнению Верховного Суда РСФСР, Кемеровский областной суд «обоснованно применил смертную казнь к лицу, виновному в терроризировании заключенных, вставших на путь исправления»¹⁹. Сидоров был признан виновным в том, что он, будучи осужден в 1953 г. за кражи к шести годам лишения свободы и освобожден в феврале 1956 г. досрочно, в марте того же года совершил разбойное нападение, за что был приговорен к 18 годам лишения свободы. Отбывая наказание, Сидоров систематически уклонялся от работы, играл в карты, оказывал неповиновение надзору, терроризировал заключенных, вставших на

¹⁴ Там же, стр. 144.

¹⁵ Там же, стр. 252.

¹⁶ Там же, стр. 259.

¹⁷ Там же, стр. 275.

¹⁸ Там же, стр. 246—251.

¹⁹ «Бюллетень Верховного Суда РСФСР», 1962, № 2, стр. 7—8.

путь исправления, пытался убить заключенного Сыскова, помогавшего администрации колонии вести борьбу с нарушителями режима.

Специфическая особенность приведенных законодательных норм состоит в их направленности на осужденных (прежде всего рецидивистов), которые, отбывая наказание в местах лишения свободы, вопреки всем усилиям администрации, продолжают свою преступную деятельность.

Для применения ст. 77¹ УК РСФСР принципиальное значение имеет Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 3 декабря 1962 г. «О судебной практике по делам об уголовной ответственности за действия, дезорганизирующие работу исправительно-трудовых учреждений»²⁰.

Пленум обратил внимание судов на необходимость решительного пресечения попыток отдельных преступных элементов дезорганизовать деятельность исправительно-трудовых учреждений, чему должно способствовать правильное и неуклонное применение судами соответствующего законодательства. Строго наказывая злостных преступников, суды должны учитывать личность виновного, поведение его в местах лишения свободы, степень опасности и тяжесть последствий совершенного им преступления.

Для состава преступления, предусматриваемого ст. 77¹ УК РСФСР, характерно наличие особого субъекта. Им может явиться лишь заключенный, причем не каждый, а только признанный (еще до совершения деяния, охватываемого ст. 77¹ УК РСФСР) особо опасным рецидивистом или осужденный за тяжкое преступление.

Важным признаком субъективной стороны состава нападения на администрацию или терроризирования заключенных является наличие у виновного в качестве побудительного мотива желания противодействовать воспитательным мероприятиям, проводимым администрацией в исправительно-трудовом учреждении. При этом вовсе не обязательно, чтобы виновный ставил целью дезорганизовать работу всего этого учреждения (хотя возможны на практике и такие случаи).

²⁰ «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1962, № 2, стр. 9

Пленум прямо указал, что по ст. 77¹ УК РСФСР и соответствующим статьям УК других союзных республик должно квалифицироваться нападение на представителей администрации в связи с их служебной деятельностью. Если суд установит, что нападение на представителя администрации совершенно в связи с явно незаконными его действиями, ответственность должна наступать не по ст. 77¹ УК РСФСР, а по статьям о посягательстве на личность.

Пленум установил круг лиц, подпадающих под предусмотренное ст. 77¹ УК РСФСР понятие «представители администрации».

Под терроризированием заключенных, вставших на путь исправления, следует понимать, в соответствии с указанием Пленума, насилие или угрозы применения насилия с целью заставить отказаться от добросовестного отношения к труду и соблюдения правил режима, либо те же действия, совершенные на почве мести за выполнение общественных обязанностей по укреплению дисциплины и порядка в исправительно-трудовом учреждении. Как терроризирование должно рассматриваться также глумление и издевательства над заключенными в целях их устрашения и воспрепятствования перевоспитанию.

Пленум подчеркнул, что от терроризирования заключенных, вставших на путь исправления, суды должны отличать другие, сходные по объективной стороне, преступные проявления (нанесение побоев, телесных повреждений и т. п.), которые были совершены на почве ссор, личных взаимоотношений подсудимого с потерпевшим и при других подобных обстоятельствах.

Взаимоотношение состава ст. 77¹ и иных статей УК, предусматривающих насильственные преступления против личности,— это взаимоотношение специального и общего состава. Поэтому суды в случае нападения на представителей администрации или терроризирования заключенных, вставших на путь исправления, когда они сопровождаются угрозами, нанесением телесных повреждений и другими подобными деяниями, ограничиваются квалификацией таких деяний по ст. 77¹ УК РСФСР. Дополнительной квалификации здесь не требуется.

Вместе с тем, если особо опасный рецидивист или лицо, осужденное за тяжкое преступление, признано ви-

новным в побеге при обстоятельствах, влекущих ответственность по ст. 77¹ УК РСФСР, то действия такого лица должны квалифицироваться по совокупности ст. 77¹ и 188 УК РСФСР.

Суды часто сталкиваются с необходимостью разграничить случаи, когда в действиях виновного содержится состав преступления, предусмотренный ст. 77¹ УК РСФСР, от случаев, когда в поступках данного лица содержится только нарушение правил режима, которое подлежит наказанию в дисциплинарном порядке. Пленум специально предостерег суды от применения в подобных случаях уголовного наказания.

Суды обязаны выявлять причины и условия, способствующие совершению преступлений в местах лишения свободы и частными определениями доводить о них до сведения соответствующих органов для устранения недостатков в деятельности исправительно-трудовых учреждений по содержанию, исправлению и перевоспитанию осужденных.

Особое значение имеет исполнение этого требования в отношении тех учреждений, которые предназначены для содержания наиболее опасной категории осужденных — преступников-рецидивистов.

Особо следует остановиться на указании ст. 77¹ УК РСФСР о том, что ответственность за терроризирование заключенных наступает в случае, если оно касалось лица, «вставшего на путь исправления».

Несомненно, в большинстве случаев терроризирование со стороны опасных преступников угрожает, в первую очередь, лицам, активно проявляющим признаки исправления. Это, как правило, хорошие производственники, активисты, члены всякого рода самодеятельных организаций заключенных. Но верно ли будет останавливать карающую руку закона, когда особо опасный рецидивист или иной закоренелый преступник пытается угрозами, запугиванием, терроризированием воспрепятствовать лицу, еще только пытающемуся встать на путь исправления, окончательно порвать с преступным миром и начать честную жизнь? Такие ситуации достаточно типичны. Поэтому было бы правильно, на наш взгляд, подвергнуть расширительному толкованию приведенную формулу закона, наказывая за терроризирование, если оно проявилось не только в отношении лиц, уже твердо вставших на

путь исправления, но и лиц, проявивших явное стремление к этому. Вовремя выявить эти «ростки» положительного, защитить таких осужденных от попыток преградить им путь к исправлению — важная задача как работников исправительно-трудовых учреждений, так и работников суда, применяющих на практике разбираемую норму закона.

Для правильного применения этой нормы очень важно учесть указание Пленума от 3 декабря 1962 г. о том, что по ст. 77¹ УК РСФСР могут нести ответственность только лица, отбывающие наказание за тяжкое преступление либо признанные особо опасными рецидивистами в установленном законом порядке до совершения действий, дезорганизирующих работу исправительно-трудового учреждения.

Приговором Пермского областного суда Акопян признан особо опасным рецидивистом и осужден по ст. 77¹ УК РСФСР²¹. Акопян, ранее судимый за кражу, совершил нападение на Галкина, причинив ему легкие телесные повреждения без расстройства здоровья. Как видно из описания обстоятельств дела, действовал Акопян с целью отомстить Галкину за его деятельность в качестве члена секции внутреннего порядка. Рассмотрев дело по кассационной жалобе осужденного, Судебная коллегия Верховного Суда РСФСР в определении от 21 января 1963 г. указала, что приговор подлежит изменению ввиду неправильной квалификации преступления по ст. 77¹ УК РСФСР. В определении коллегии подчеркивается, что субъектом преступления, предусмотренного ст. 77¹ УК РСФСР, могут быть лица, отбывающие наказание за совершение тяжкого преступления, либо особо опасные рецидивисты. Акопян же отбывал наказание за кражу вещей на рынке у двух граждан, т. е. за совершенные преступления, не отнесенного законодательством РСФСР к числу тяжких. Следовательно, по этому признаку он не мог нести ответственность по ст. 77¹ УК РСФСР. По второму признаку он также не мог быть осужден по указанной статье, так как ранее, до совершения инкриминируемых ему действий, он не был признан в установленном законом порядке особо опасным рецидивистом.

²¹ «Бюллетень Верховного Суда РСФСР», 1963, № 3, стр. 7.

Не случайно, что советское исправительно-трудовое законодательство предусматривает все возможности для перевоспитания даже наиболее опасных преступников-рецидивистов. Это положение непосредственно вытекает из передового, прогрессивного характера социалистического уголовного и исправительно-трудового права в целом. Иное положение характерно для законодательства в капиталистических странах.

Рецидив, внутренне присущий буржуазному строю с его волчьей моралью, рожденной и питаемой частной собственностью, с его растленной культурой и продажной политикой, порождает и сама буржуазная тюрьма. Французский журналист Стефен Роже, побывавший сам на положении узника, пришел к выводу, что французская пенитенциарная администрация систематически превращает случайного правонарушителя в рецидивиста²². То же признает в статье «Проблема обращения с рецидивистами в местах лишения свободы» западногерманский криминалист Альберт Кребс. «Тюрьма сама по себе, — пишет он, — институт, искусственно созданный, и, кроме того, является фактором, способствующим порождению преступности»²³.

Для теоретиков буржуазного тюремоведения характерны стремление замаскировать классовые корни преступности в буржуазном обществе, свести проблему рецидива от социальной к антропологической, попытки объяснить рецидив исключительно особенностями психической конституции преступника, характерно стремление выдать рецидив за проявление болезненных изменений в психике человека.

«При установлении методов обращения с заключенными, — пишет Кребс, — существенное значение имеют биолого-психические... факторы»²⁴. Признает «существование таких субъектов, которые опасны для общества своим врожденным пороком даже еще до совершения какого-либо преступления», и французский теоретик

²² Roger Stefan. Brève Prison. Paris, 1955.

²³ Albert Krebs. Probleme der Behandlung Pückfälliger in der Strafanstalt. «Zeitschrift für die gesamte Strafrechtswissenschaft» 1956, Bd. 68, S. 201.

²⁴ Albert Krebs. Указ. соч., стр. 199.

тюрьмоведения Альбер Гайран²⁵. «При совершении повторных преступлений, — утверждает Кребс, — немалая роль принадлежит таким врожденным факторам, как слабоумие или психопатия»²⁶.

Сведение преступности к психопатологии, объяснение рецидива болезненными изменениями в психике выгодно буржуазным ученым, оно помогает им скрыть тот непреложный факт, что в основе преступности в буржуазном обществе лежит беспощадная эксплуатация трудящихся, так как буржуазное общество — это общество, в котором неизбежно воспитывается «стремление у трудящихся: уйти хоть обманом от эксплуатации, извернуться, избавиться хоть на минуту от постылой работы, урвать хоть кусок хлеба каким угодно путем, какой угодно ценой, чтобы не голодать, чтобы не чувствовать себя и своих близких недоедающими»²⁷.

Для того чтобы скрыть связь преступности с самим характером капиталистического общества, буржуазные теоретики прибегают к помощи реакционных, мистических, антинаучных идей из области психологии. Ряд буржуазных ученых считает, что на факторы, способствующие совершению повторных преступлений, могут оказать воздействие и глубоко скрытые сферы психической формации преступника, которые недоступны для воздействия. Таким образом, реакционное учение буржуазных психологов о якобы существующей в психике человека сфере «подсознательного», не поддающейся контролю и анализу и предопределяющей поступки человека, принимается на вооружение буржуазными теоретиками тюрьмоведения.

Так, Альбер Гайран утверждает, что существует группа привычных преступников. «К их числу, — пишет он, — относятся развращенные субъекты, абсолютно неуравновешенные лица, психопаты, иногда лица, страдающие магией преследования, ненавистники, которые мечтают лишь о том, как бы отомстить обществу, которое они обвиняют в своих бедах»²⁸. Ему вторит шведский кри-

²⁵ Albert Gayrand. Traitement et libération des délinquants d'habitude. La Haye, 1950.

²⁶ Albert Krebs. Указ. соч., стр. 201.

²⁷ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 35, стр. 200-201.

²⁸ Albert Gayrand. Указ. соч., стр. 5.

миналист Эриксон, заявивший на заседании Европейской региональной консультативной группы Организации Объединенных Наций по предотвращению преступности и обращению с правонарушителями, что «в настоящее время психиатры обычно считают закоренелых преступников аномальными»²⁹.

Указанное понимание существа рецидива, приравнение рецидивиста к душевнобольному имеет откровенно реакционный характер и является одним из проявлений неоломброзианства в современной буржуазной науке уголовного права.

Естественно, что в ее нынешнем виде теория Чезаре Ломброзо выступает в более утонченной, завуалированной форме. Это понятно, так как вряд ли кто-нибудь всерьез способен сегодня заниматься измерением черепа преступника, описанием его физических черт, установлением веса его мозга и т. д. и выводить на этой основе преступление из природных, врожденных особенностей организма преступника.

Антропологическое направление буржуазного уголовного права в его «модернизированном» виде, отказавшись от объяснения преступления особенностями физических черт организма преступника, пытается обосновать преступление особенностями психической конституции, аномалиями психического развития преступника, лежащими якобы в основе преступления, совершаемого рецидивистом.

Характерные черты наказания рецидивистов по буржуазному законодательству — неопределенные приговоры и так называемые «меры безопасности» (ссылка или «превентивное заключение», оно же «заключение в целях безопасности»). Неопределенные приговоры, т. е. приговоры, в которых указан только нижний и верхний пределы наказания, применяются, например, в США, Дании, Финляндии, Греции и других странах. В Дании вопрос об освобождении рецидивиста из «заведения безопасности» решает Комиссия тюрем. Заключение в целях безопасности может длиться до 20 лет. Однако и после этого срока суд может решить вопрос о его продле-

²⁹ Документ № 3/1 от 20 февраля 1957 г.— протокол заседания Европейской региональной консультативной группы Организации Объединенных Наций по предотвращению преступности и обращению с правонарушителями.

нии. В этом случае Комиссия тюрем вновь рассматривает вопрос о возможности освобождения рецидивиста каждые пять лет.

В Финляндии суд может поместить рецидивиста, который будет сочтен судом особо опасным, в каторжное заведение. Минимальный срок заключения в каторжном заведении — три года. Оно может быть назначено в дополнение к назначенному наказанию в форме лишения свободы. Если же заключенный рецидивист уже был однажды освобожден из каторжного заведения, то этот минимум не может быть менее 10 лет. Максимальный срок заключения в каторжном заведении законом не установлен. Вопрос об освобождении рецидивистов, содержащихся в каторжных заведениях, решает так называемый тюремный суд, пересматривая все подобные дела раз в год.

Уголовный кодекс Греции, вошедший в силу 1 января 1951 г., также содержит правило, согласно которому суд, признав виновного привычным или профессиональным преступником, опасным для общества, может избрать в качестве меры наказания заточение на неопределенный срок. В приговоре указывается только минимальный предел, который не может быть менее двух третей максимального размера наказания, полагающегося рецидивисту за данное преступление.

По законодательству Новой Зеландии суд может указать в приговоре, что подсудимый является закоренелым преступником или привычным правонарушителем. На этом основании заключенный продолжает оставаться в заключении и после окончания срока приговора до тех пор, пока сочтет это необходимым генерал-губернатор Новой Зеландии.

Введение неопределенных приговоров в условиях буржуазного строя означает усиление произвола администрации буржуазных тюрем, способствует нарушениям законности. Для оценки же самого существа наказания в виде неопределенного приговора достаточно привести признание буржуазного криминалиста Фельдмана, записавшего на упоминавшемся заседании Европейской региональной группы, что задержание на неопределенный период напоминает концентрационный лагерь; по крайней мере таково мнение многих правонарушителей, которые были подвергнуты такому обращению. Шведский

криминалист Эриксон сообщил на этом же заседании, что юристы и простые люди в Швеции возражают против наказаний на неопределенные периоды.

В тех странах, где неопределенный приговор не применяется (Англия, Франция, Федеративная Республика Германии), после отбытия основной меры наказания, полагающейся по закону за данное преступление, рецидивист помещается на определенный срок в «заведение безопасности», которое характеризуется некоторыми особенностями, но мало чем отличается от обычного заключения. В Англии это так называемое превентивное заключение может быть назначено привычному преступнику помимо основного наказания на срок от 5 до 14 лет.

Во Франции суду на основе закона 27 мая 1885 г. предоставлялось право применять к рецидивистам в качестве «меры безопасности», дополняющей основное наказание, так называемую «релегацию» (пожизненную ссылку). Ссылка производилась на остров Гвиану, где сырой тропический климат. Постепенно стерлось различие между такого рода ссылкой и каторжными работами. В результате этой меры, по признанию Гайрана, «не добились ни исправления ссыльных, ни процветания колонии», и Франция «стала ареной опасной деятельности неоднократных рецидивистов»³⁰. От ссылки на Гвиану пришлось отказаться. В настоящее время ссылка отбывается в самой Франции, в центральных тюрьмах. Результатом такого порядка является, в частности, то, что лицо, совершающее преступление впервые, сталкивается там со старыми ссыльными, которые часто становятся в тюрьме надзирателями из числа заключенных и окончательно развращают «новичков».

Как же в буржуазных тюрьмах пытаются воздействовать в воспитательных целях на рецидивистов?

Прежде всего можно отметить, что обращение с рецидивистами в тюрьмах обычно ограничивается усилением их изоляции от внешнего мира и отсутствием вообще любой программы конструктивного обращения с этой категорией заключенных. «Рецидивистов,— пишет Альбер Гайран,— которые считаются опасными для общества... необходимо поместить в такие условия, которые бы их изолировали от общества и обезвредили бы...» Этот те-

³⁰ Albert G a y r a n d. Указ. соч., стр. 2.

зис обусловлен тем, что рецидивисты рассматриваются тем же Гайраном как лица, которые «останутся всегда опасными для общества», как «вредные элементы, неспособные к обучению», как лица, которые «потеряли способность к жизни в обществе»³¹.

Кребс делит заключенных из числа рецидивистов на следующие группы³²:

1. Лица, у которых условия отбытия прежнего наказания выработали «пассивность характера и непригодность к нормальному социальному общению». Отбывая различные сроки наказания, они «подчиняются общему течению тюремной жизни», но «не перевоспитываются внутренне».

2. Лица, которых пребывание в тюрьме «приводит в состояние известного равновесия». По выходе из тюрьмы они «легко поддаются искушению» и вновь совершают преступление.

3. Лица, которых пребывание в тюрьме «не научило сознательно относиться к тем лишениям, с которыми связано тюремное заключение», которые «не мирятся с ними» и «часто и истерично протестуют», а потому также не поддаются перевоспитанию.

Все эти категории Кребс считает «крайне трудно воспитуемыми». Единственную, отличную от перечисленных, группу заключенных составляют заключённые, у которых «выработалась способность к социальному общению». Однако именно у них наблюдается особенно «болезненное» отношение к тому факту, что «их ни в чем не повинные близкие вынуждены терпеть лишения». Поэтому, признает Кребс, для них характерны чувства «разочарования и упадок духа», вследствие чего «возможен новый срыв».

Здесь Кребс, упоминая о «лишениях», которые терпят семьи заключенных, проговаривается о подлинной причине невозможности решения проблемы рецидива в условиях капиталистического строя.

Приоткрывает завесу над подлинными причинами тщетности борьбы с рецидивом в буржуазном обществе голландский криминалист Белинфанта, заявивший на за-

³¹ Albert Gaugand. Указ. соч., стр. 6—7.

³² См. Albert Krebs. Указ. соч., стр. 199—200.

седании Европейской региональной группы, что преступления подчас являются результатом безработицы.

Характерное для буржуазных ученых стремление представить рецидивиста психически неполноценным, недоразвитым субъектом определяет полную антинаучность и несостоятельность всех рекомендаций, даваемых ими по вопросу о перевоспитании этой категории заключенных. Так, Кребс утверждает, что рецидивистам как «людям, обладающим примитивной психикой, более чем кому-либо, свойственна первобытная потребность занимать устойчивое положение в каком-либо коллективе»³³. Ему вторит Гайран, утверждая, что «система прогрессивного воспитания, в первую очередь, должна быть направлена на обуздание импульсов или инстинктов в большей степени, чем на развитие разума рецидивистов»³⁴.

Буржуазно-анархическое, индивидуалистическое мировоззрение Кребса определяет пренебрежительную квалификацию им стремления к коллективу как стремления «первобытного». Также характерно и стремление Гайрана ориентироваться в воспитательной работе с рецидивистами не на разум, а на «импульсы», «инстинкты».

Такое могучее средство воспитания и формирования человеческой личности, как созидательный, производительный труд, почти полностью отвергается буржуазными теоретиками тюрьмоведения применительно к рассматриваемой категории заключенных.

Так, Гайран ограничивается пожеланием «видеть на практике применение «трудовой терапии» к рецидивистам»³⁵. Кребс вообще отрицает возможность производительного труда в тюрьме. Подобная недооценка труда как средства воспитания понятна, она обусловлена общим характером труда при капитализме как труда подневольного, постылого, протекающего к тому же в условиях бешеной конкуренции, неотъемлемой от частнособственнического производства, превращающей труд в средство отчаянной борьбы за существование.

Многие теоретики буржуазного тюрьмоведения признают, что существующая в местах заключения обстановка, в особенности условия, связанные с самой конст-

³³ Albert Krebs. Указ. соч., стр. 201.

³⁴ Albert Gaugand. Указ. соч., стр. 7.

³⁵ Там же, стр. 8.

рукцией многочисленных тюремных заведений в капиталистических странах, относящихся к типу крепостных тюрем, препятствуют осуществлению целей полного исправления заключенных в процессе отбытия наказания.

Рядом буржуазных ученых выдвигается идея полного отказа от методов воспитания рецидивистов и замены воспитательных средств средствами медицинскими, замены педагогики психиатрией. Так, буржуазный юрист Александер (Бельгия) на упоминавшемся заседании региональной группы заявил, что в отношении рецидивистов (привычных преступников) врачебная помощь является значительно более важной, чем наказание. По его свидетельству, в Бельгии на основе закона 1930 г. некоторые суды поместили ряд рецидивистов в центры психиатрического лечения.

В этой концепции наиболее отчетливо проглядывает неоломброзианское понимание преступности вообще и рецидивной преступности в частности. Логическим завершением подобной концепции является выдвигаемое некоторыми буржуазными криминалистами предложение о том, чтобы подвергать рецидивистов хирургической операции мозга, так называемой префронтальной лоботомии и шоковой терапии. Об их применении сообщил на том же заседании консультативной группы итальянский криминалист Туллио.

Об изуверском характере подобного обращения с осужденными свидетельствует хотя бы то обстоятельство, что даже буржуазный ученый Альберт Гайран заявил, что «мысль о человеческом достоинстве заставляет нас рассматривать подобный метод как покушение на человеческое достоинство в той же мере, как и кастрация»³⁶.

Таковы некоторые проблемы, относящиеся к обращению с рецидивистами в тюрьмах буржуазных стран.

³⁶ Там же.

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ РЕЦИДИВА

Работа по перевоспитанию рецидивистов в местах лишения свободы должна дополняться проведением целой серии мероприятий по предупреждению преступлений со стороны лица, отбывшего наказание и находящегося на свободе. Конечно, исправляя и перевоспитывая осужденных, исправительно-трудовые учреждения решают тем самым и задачу предупреждения с их стороны повторных преступлений. Однако не меньшее значение имеют и меры предупреждения рецидива, которые принимаются по выходе заключенного на свободу. Необходимость в таких мерах возникает в силу того, что пребывание в месте лишения свободы часто создает для освобожденного весьма затруднительную ситуацию.

Положение лица, освобожденного из места заключения, осложняется обстоятельствами двойного рода. С одной стороны, в период лишения свободы осужденный был в значительной степени лишен самостоятельности: он должен был подчиняться определенным правилам режима, вести тот образ жизни, который предписывается для него законом. Такой контроль над его поведением был необходим и оправдывался задачей обеспечения порядка и безопасности в исправительно-трудовом учреждении и в конечном итоге защиты советского общества. Лишенный же в большой степени самостоятельности, осужденный часто отвыкает заботиться о своей судьбе, привыкает во всем полагаться на предусмотрительность администрации. Будучи по выходе на свободу предоставлен самому себе, он не всегда способен проявить достаточно энергии для того, чтобы активно включиться в сознательную трудовую жизнь советских людей. Подчас такой человек бывает склонен идти по линии наименьшего сопротивле-

ния и, скатываясь по наклонной плоскости, может прийти к рецидиву. Положение освобожденного, с другой стороны, может оказаться затруднительным и с точки зрения складывающихся вокруг него объективных условий. Часто, особенно при длительном сроке заключения, осужденному не удается сохранить семью. Возникает, естественно, особенно на первых порах, затруднение с жильем, с устройством на работу и т. д. Одним словом, освобожденному часто приходится заново налаживать свою жизнь. Нельзя пройти и мимо того факта, что лицо, освободившееся из места заключения, может встретить недоверчивое, настороженное, а иногда и резко отрицательное отношение со стороны окружающих. Разумеется, такое отношение к бывшему преступнику можно понять, оно связано с неизбежным фактом морального осуждения, которым советские люди окружают преступление и преступника. Но если такое отношение продолжается бесконечно долго, вопреки доказанному исправлению осужденного, оно перерастает в несправедливость, может озлобить освобожденного и содействовать рецидиву с его стороны.

Все это требует проведения специальных мероприятий в отношении лиц, освобожденных из мест заключения. Это центральный вопрос всей проблемы предупреждения рецидива. Однако именно в этой области есть еще много нерешенного.

Забота о лицах, освобожденных из мест заключения, была присуща советскому законодательству уже в 20-е годы. Отдел 10 Исправительно-трудового кодекса 1924 г. был целиком посвящен организации помощи заключенным и освобожденным из мест заключения. Предусматривалось, что забота о заключенных и освобожденных из мест заключения имеет целью оказание им материальной помощи и необходимой поддержки при возвращении их на место постоянного жительства, предоставление на первое время помещения и питания на льготных условиях, устройство на работу, оказание юридической и медицинской помощи и т. д.

Организация помощи освобождаемым из мест заключения осуществлялась Главным Управлением местами заключения РСФСР и его местными органами с широким участием советских, профессиональных и партийных органов. На местах, в целях планомерного оказания по-

мощи, организовывались комитеты помощи освобожденным из мест заключения, которые действовали на основании специального Положения¹.

В настоящее время установлен порядок, согласно которому лица, освобожденные из исправительно-трудовых колоний и тюрем, должны быть трудоустроены с учетом имеющихся у них специальностей не позднее двухнедельного срока со дня обращения их за содействием в трудоустройстве. Нетрудоспособные инвалиды и лица престарелого возраста по их просьбе подлежат устройству в дома инвалидов и престарелых, передаче под опеку или на попечительство.

Местные советские органы обязаны обеспечивать освобожденных из мест заключения работой, помещать их в дома инвалидов и престарелых, заниматься вопросами опеки, предоставлять им в необходимых случаях жилую площадь — словом, заботиться о том, чтобы они быстрее включались в общественно полезную деятельность.

Постановлением Совета Министров РСФСР от 24 мая 1957 г. было утверждено положение о наблюдательных комиссиях при исполнительных комитетах районных и городских Советов депутатов трудящихся, регулирующее одну из важнейших форм участия общественности в перевоспитании осужденных. Статья 5, п. «г» этого Положения предусматривает в качестве задачи наблюдательных комиссий «содействие лицам, освобожденным из мест заключения, в трудоустройстве»².

Практика последнего времени дает немало примеров правильного разрешения вопросов прописки и трудоустройства лиц, освободившихся из мест заключения. Так, большую работу с такими лицами ведут рабочий коллектив и общественные организации трубопрокатного завода в г. Челябинске. В 1960 г. на заводе работало 111 человек, отбывших наказание в исправительно-трудовых учреждениях. Нуждающиеся в жилье были устроены в молодежных общежитиях, им был выдан внеочередной аванс. Особенно ценно, что на этом заводе при комитете ВЛКСМ создана специальная группа комсомольских активистов из 12 человек, которая совместно с комсо-

¹ Статьи 227, 228, 229 Исправительно-трудового кодекса РСФСР 1924 г.

² «Сборник нормативных актов по советскому исправительному трудовому праву». Госюриздат, 1959, стр. 323.

мольскими организациями цехов организует контроль за прибывшими из мест заключения, оказывает им помощь и поддержку. Об успешном трудоустройстве бывших заключенных не раз сообщалось в нашей печати³.

Понятно, что обеспечение работой и жильем, создание нормальных материально-бытовых условий — важные предпосылки для успешного решения важнейшей задачи предупреждения рецидива. Но это еще не все. Не меньшее значение имеет создание вокруг освобожденного из места заключения здоровой обстановки, дружеской моральной поддержки производственного коллектива, товарищей по работе.

За последнее время родилось такое замечательное явление, как персональное шефство передовых, наиболее сознательных и уважаемых рабочих над лицами, пришедшими на производство из места заключения. Персональное шефство, вовлечение бывшего заключенного в общественную жизнь коллектива и создает как раз ту необходимую обстановку, которая позволяет бывшему преступнику окончательно встать на честный трудовой путь.

Проводя работу по предотвращению рецидива, нельзя упускать из виду индивидуальную воспитательную, разъяснительную работу. Нет сомнения, что принципиальное, но гуманное, требовательное, но заботливое отношение, проявленное вовремя к лицу, освободившемуся из места заключения, терпеливое убеждение его в ничемности и недопустимости ведения преступного образа жизни способно воздействовать на рецидивиста, побудить его прекратить навсегда преступную деятельность. И, наоборот, безразличие к судьбе бывшего заключенного, отсутствие воспитательной работы с ним, контроля за его поведением часто приводит к рецидиву преступлений.

Вопрос о мероприятиях, которые необходимо проводить в отношении бывших заключенных, имеет две достаточно различающиеся, хотя, разумеется, и связанные между собой стороны. Так, прежде всего общество не может не считать себя обязанным поддержать бывшего преступника, ибо именно это — наиболее дальновидное

³ Так, свердловская газета «На смену» от 14 апреля 1960 г. рассказывает о том, как члены народной дружины помогают бывшим осужденным в трудоустройстве после освобождения.

направление в работе по предупреждению рецидива. Но помощь и поддержка, оказываемые лицам, освободившимся из мест заключения, могут принести успех только в том случае, если эти лица твердо решили порвать со своим прошлым и активно стремятся скорее включиться в честную трудовую жизнь. Нельзя не согласиться с автором статьи, который приводит слова бывшего рецидивиста о том, что «пряником, лаской рецидивиста не купишь. Убежден, что наша жизнь понемногу сама очистит им мозги, покажет, куда идти. Но пока он сам не нашел этого пути, его насильно или лаской туда не затанешь. Рецидивисты — волки хитрые, злобные. Нельзя подкармливать тех из них, кто в лес смотрит. Тут еще долго будут нужны капканы»⁴.

Действительно, успех в работе по предупреждению рецидивной преступности может быть достигнут только тогда, когда забота и помощь будут сочетаться с бдительностью и контролем по отношению к таким лицам. Особенно это относится к бывшим осужденным из числа особо опасных рецидивистов.

Как уже указывалось, наличие у лица неснятой или непогашенной в установленном законом порядке судимости влечет для него известные ограничения в правах. В литературе подчеркивалось, что «до истечения давностных сроков факт имевшего место осуждения может влечь или влечет за собой по отбытии назначенного судом наказания или по освобождении от него известные правоограничения для осужденного (в отношении выбора места жительства и др.)»⁵.

Вопрос, однако, заключается в том, какие именно правоограничения в наибольшей степени способны служить задаче охраны нашего общества от рецидива преступления и предупреждения подобных эксцессов. Представляется, что простой отказ в прописке освобожденного из места заключения и тем самым лишение его права на проживание в соответствующем населенном пункте — далеко не самое лучшее средство предупреждения рецидива.

«Орлов В. Н., — сообщаетследователь, — до 14 лет воспитывался в детдоме. Первое преступление было со-

⁴ «Литературная газета», 26 ноября 1959 г.

⁵ Б. С. Никифоров. О рецидиве и судимости. «Советское государство и право», 1957, № 5, стр. 100.

вершено им под влиянием товарищей и в связи с отсутствием за ним контроля. Второе преступление совершено им в связи с условиями, в которых он оказался после отбытия наказания. Он был предоставлен самому себе, не был окружен вниманием и контролем в семье и обществе. В прописке по месту жительства его матери ему было отказано». О рецидивисте Королеве Ю. Н.следователь прямо сообщает, что «прописка у родителей и их наблюдение за Королевым предотвратили бы совершение им второго преступления».

Разумеется, вполне оправданно стремление оградить наши города, наиболее важные центры от лиц, представляющих определенную опасность. Однако отказ в прописке и вытекающее отсюда предложение органов милиции в 24 часа покинуть населенный пункт дает только временный эффект, создает лишь видимость обеспечения безопасности. Действительно, к чему может привести последовательное применение таких ограничений? Только к окончательному разрыву тех социально полезных связей, которые, быть может, еще сохранились у освобожденного из места заключения. В результате он может окончательно потерять семью, не устроиться на работу, истратить последние деньги и затем вновь вступить на преступный путь.

«Осужденный Мантула В. С. по отбытии наказания приехал во Владивосток к своей матери. В прописке ему, однако, было отказано и было предложено выехать из города в 24 часа. В г. Артеме он попал в дурную компанию и в состоянии опьянения совершил повторное преступление». Прокурор, обследовавший осужденного, приходит к выводу, что «проживание с матерью способствовало бы предотвращению с его стороны рецидива». Однако не менее, если не более вредным для дела предупреждения рецидива была бы ликвидация ограничений в прописке для лиц указанной категории. Разумное применение таких ограничений должно дополняться контролем за определенными категориями лиц, освобожденными из мест заключения, и прежде всего за особо опасными рецидивистами.

Контроль за рецидивистами, освобожденными из мест заключения, имеет чрезвычайно серьезное значение и ряд важных особенностей. В 1935 г. в печати сообщалось о таком случае. Лица, которые положительно прояви-

ли себя, встали на путь исправления, работали ударниками, после освобождения были направлены в один из крупнейших центров на большое строительство. Вскоре после того как они начали работать на строительстве, в районе его начались повальные кражи. Местные жители решили, что кражи совершаются бывшими осужденными. Последние категорически отрицали какое-либо отношение к этим преступлениям. При их помощи розыскным органам удалось найти настоящих преступников и вместе с тем открыть подлинный заговор со стороны уголовной среды. Оказалось, что весь уголовный мир города был буквально мобилизован для того, чтобы всю преступную деятельность сосредоточить в том районе, где работают бывшие заключенные. Для того, чтобы скомпрометировать и тем самым толкнуть на путь возврата в уголовный мир была пущена в ход эта провокация ⁶.

Неизбежным обстоятельством, с которым приходится считаться, является стремление наиболее опасных категорий рецидивистов любой ценой пополнить свои ряды. Если в приведенном выше случае средством для достижения этой цели служила попытка умышленного создания атмосферы недоверия вокруг бывших заключенных, то известны также и случаи, когда применялось запугивание, насилие.

Один бывший осужденный, твердо решивший порвать с преступным прошлым, повел среди рецидивистов, находящихся на свободе, агитацию за честную жизнь и прекращение паразитического преступного существования. В ответ на такую его деятельность он вскоре же был убит теми элементами из преступной среды, которые боялись его влияния на остальную часть преступников ⁷.

Вырисовываются два основных направления в работе по предупреждению рецидива. Это, во-первых, — создание максимально благоприятных условий для быстрейшего включения бывшего осужденного в честную трудовую жизнь, устранение препятствий с жильем и трудоустройством и, во-вторых, усиление контроля за опасными преступниками и, в первую очередь, особо опасными рецидивистами.

⁶ «Проблемы уголовной политики», 1935, № 1, стр. 103.

⁷ Там же, стр. 103.

Существенным в этом отношении является проведение следующих мероприятий.

1. Нужно устанавливать и поддерживать эффективный контакт работников исправительно-трудовых учреждений, где содержатся особо опасные рецидивисты, с работниками милиции. Возможно, что по истечении срока лишения свободы из исправительно-трудового учреждения будет освобожден особо опасный рецидивист, не проявивший признаков исправления, либо даже явно намеревающийся продолжать свою преступную деятельность. Объединение предупредительных мероприятий милиции и мероприятий исправительно-трудовых учреждений позволит в таких случаях предупредить рецидив.

Известно, что там, где учреждения милиции в результате усиления прокурорского надзора активизировали свою оперативную работу по контролю за лицами, вернувшимися в район после отбытия мер наказания за совершенные ранее преступления, число преступлений, совершенных этими лицами, значительно сократилось.

2. Предупредительная работа по предотвращению преступлений, повторно совершаемых особо опасными рецидивистами, немыслима без тщательно налаженной регистрации судимостей. Большую пользу мог бы принести специальный персональный учет особо опасных рецидивистов с тем, чтобы данные соответствующей картотеки были всегда в распоряжении следственных и милицеских работников. Следует всемерно поддержать предложение о том, что «соответствующие органы должны вести точный повсеместный и централизованный учет лиц, совершивших ранее особо опасные преступления, рецидивистов, проживающих в данной местности, установить за ними определенное наблюдение и принять меры воздействия к лицам, ведущим паразитический образ жизни, тунеядцам, т. е. к таким, из среды которых чаще всего и появляются преступники»⁸.

3. Предупреждению рецидива в значительной степени может содействовать тщательный надзор за соблюдением правил прописки. Тесно связана с этим вопросом проблема борьбы с бродяжничеством, выявления лиц, без нужды часто меняющих место жительства. Нередко по этим

⁸ В. П. Колмаков. Некоторые вопросы криминалистической профилактики преступлений. «Советское государство и право», 1961, № 12, стр. 109.

признакам можно вовремя распознать гастролирующего рецидивиста и предотвратить совершение им очередного преступления.

Серьезное предупредительное значение имеет также работа по своевременному выявлению лиц без определенных занятий, не работающих без уважительных причин, ведущих паразитический образ жизни. Часто такие лица бывают связаны с рецидивистами, если сами не являются ими. Бродяжничество, паразитизм — явления, сопутствующие рецидиву. Своевременное выявление лиц без определенных занятий, установление за ними контроля с привлечением местной общественности могут сыграть значительную роль в предупреждении рецидивной преступности.

К числу факторов, позволяющих усилить работу по предупреждению рецидивной преступности, относится укрепление паспортного режима, усиление внимания работников милиции в отношении граждан, проживающих без документов, нигде не работающих.

4. Помочь следственным органам предупредить рецидив может работа по выявлению уголовных группировок особо опасных рецидивистов, осведомленность об участниках таких группировок, об их планах. Часто выявление главарей группировок и своевременно принятые против них меры способны предотвратить совершение преступлений второстепенными участниками такой группировки, оторвать их от преступной среды.

Особое значение имеет предупреждение повторного преступления, которое может быть совершено лицами, освобожденными досрочно либо осужденными условно. Основную роль в этом играет правильное, в соответствии с законом назначение условного осуждения и условно-досрочное освобождение. Это отмечалось в постановлениях № 1 и № 2 Пленума Верховного Суда СССР, состоявшегося 28 февраля — 4 марта 1961 г.⁹ Значительное внимание Пленум уделил вопросам исправления и перевоспитания условно осужденных и условно-досрочно освобожденных.

⁹ «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1961, № 3.

В целом ряде постановлений Верховный Суд СССР, своевременно ориентируя суды на усиление внимания к вопросам исправления и перевоспитания условно осужденных, рекомендует привлекать к этой работе народных заседателей и устанавливать тесную связь с соответствующими общественными организациями по месту работы условно осужденных. Там, где суды возглавили такую работу общественности, она дает значительные результаты¹⁰.

В Постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 4 марта 1961 г. указывается, что суды за последнее время проделали значительную работу по рассмотрению дел об условно-досрочном освобождении, но до сих пор встречаются еще случаи, когда условно осужденные и условно-досрочно освобожденные вновь совершают преступления, подчас даже более тяжкие.

Повторное совершение преступлений лицами, условно осужденными и условно-досрочно освобожденными, вызывает особенно сильное возмущение общественности. Негодование по поводу самого преступного деяния в подобных случаях дополняется справедливым негодованием и в связи с тем, что преступление оказалось совершенным тем лицом, которое, если бы к нему не была применена какая-либо из указанных льгот, отбывало бы наказание в месте лишения свободы, и преступление, следовательно, не было бы в это время им совершено.

Такие бесспорно важнейшие институты советского уголовного права, как условное осуждение и условно-досрочное освобождение, не должны быть скомпрометированы их неэффективным применением. Это требует дальнейшего совершенствования указанных институтов, которые по существу не менялись вплоть до принятия Основ уголовного законодательства и новых уголовных кодексов.

Названные институты весьма различны по своему юридическому характеру и в соответствии с этим регулируются различными нормами (условное осуждение

¹⁰ Об умелой и плодотворной работе судов и общественности по перевоспитанию условно осужденных и условно-досрочно освобожденных подробно рассказывается в статьях Ф. К. Глуха и А. А. Алексяняна («Бюллетень Верховного Суда СССР», 1960, № 3, стр. 24—32).

предусматривается ст. 38, а условно-досрочное освобождение — ст. 44 и 45 Основ уголовного законодательства). В то же время их объединяет то, что и в случае условного осуждения, и в случае условно-досрочного освобождения речь идет об осужденном, т. е. лице, признанном по суду виновным. Кроме того, в обоих случаях наказание либо полностью (при условном осуждении), либо частично (при условно-досрочном освобождении) заменяется освобождением при условии несоблюдения условно осужденным или условно-досрочно освобожденным нового однородного или не менее тяжкого преступления. Совпадают и последствия несоблюдения этого условия. При совершении нового преступления суд поступает согласно правилам, изложенным в ст. 36 Основ уголовного законодательства, присоединяя к наказанию, назначенному по новому приговору, полностью или частично неотбытую часть наказания по предыдущему приговору. И, наконец, условное осуждение и условно-досрочное освобождение объединяет то обстоятельство, что приведенные выше последствия рецидива грозят соответствующим лицам не бесконечное время, а лишь в течение определенного срока. В случае условного осуждения этот срок (закон называет его испытательным сроком) определяется судом, вынесшим приговор об условном осуждении. При условно-досрочном освобождении испытательный срок равен неотбытой части наказания.

Поэтому можно рассматривать с точки зрения предупреждения повторной преступности оба эти института одновременно.

Специфика предупреждения повторного совершения преступлений со стороны лиц, условно осужденных и условно-досрочно освобожденных, связана главным образом с наличием испытательного срока. Собственно, основной целью установления испытательного срока и является предупреждение совершения нового преступления соответствующим лицом в определенный период. Это достигается прежде всего угрозой присоединить к наказанию, установленному новым приговором, наказание, назначенное по предыдущему приговору.

В ст. 38 Основ уголовного законодательства закрепляется ранее не известное советскому уголовному законодательству положение, имеющее непосредственное отношение к предупреждению повторного совершения пре-

ступлений со стороны условно осужденных. Согласно этой норме, суд, учитывая обстоятельства дела, личность виновного, а также ходатайства общественных организаций или коллектива рабочих, служащих, колхозников по месту работы виновного о его условном осуждении, может возложить на эти организации или коллектив обязанность по перевоспитанию и исправлению условно осужденного. Новый Уголовный кодекс РСФСР развил эту норму Основ, указав, что если суд применяет условное осуждение при отсутствии указанных ходатайств, он может возложить на определенный коллектив трудящихся или лицо, с их согласия, обязанность по наблюдению за условно осужденным и проведению с ним воспитательной работы. УК установил, что учет условно осужденных и общий контроль за их поведением осуществляет суд, вынесший приговор.

В этой норме интересны следующие моменты. Законодатель стремится к предупреждению повторного преступления со стороны условно осужденного не только путем угрозы усиления наказания (ст. 36 Основ), но и путем организации процесса его перевоспитания. Суды и общественные коллективы активно участвуют в решении задачи предупреждения повторного совершения преступления со стороны условно осужденного. Таким образом, изменяется само содержание испытательного срока. Из процесса пассивного ожидания, совершит ли условно осужденный новое преступление или нет, испытательный срок превратился в активный процесс предупреждения повторной преступности путем перевоспитания осужденного.

Принципиально в этом смысле указание Постановления Пленума Верховного Суда СССР от 4 марта 1961 г. о том, что при удовлетворении ходатайства общественности о передаче условно осужденных для исправления и перевоспитания суды должны разъяснять коллективу высокую моральную ответственность за проведение с условно осужденным воспитательной работы и оказывать коллективу необходимую помощь.

Пленум разъяснил далее, что, применяя условное осуждение при отсутствии ходатайств общественной организации или коллектива трудящихся, суды в соответствии с законодательством союзных республик вправе ставить вопрос перед общественной организацией или отдельным лицом (из числа членов данного коллектива

или общественной организации) об их согласии принять на себя обязанность по наблюдению за условно осужденным и проведению с ним воспитательной работы.

По нашему мнению, это чрезвычайно плодотворное дополнение института условного осуждения может быть с успехом распространено и на институт условно-досрочного освобождения. Необходимо, чтобы в отношении лица, условно-досрочно освобожденного из места заключения, также предпринимались такие действенные меры, которые исключали бы возможность совершения им нового преступления, а также обеспечивали бы его перевоспитание. Это может быть достигнуто путем введения над ним общественного, воспитательного контроля на период, оставшийся до истечения срока назначенного судом наказания.

Интересно отметить, что в подписанной Д. И. Курским Инструкции о досрочном освобождении, утвержденной Постановлением НКЮ 25 ноября 1918 г., была предусмотрена норма, согласно которой «в определении об условно-досрочном освобождении суд указывает орган советского патроната, а при отсутствии такового, другое учреждение или лицо, на которое возлагается обязанность надзора и наблюдения за условно освобожденными». По существу именно это и имеет в виду ст. 53 УК РСФСР 1960-г., в которой предусматривается, что суд, применяя условно-досрочное освобождение, «может возложить на определенный коллектив трудящихся или лицо, с их согласия, обязанность по наблюдению за условно-досрочно освобожденным и проведению с ним воспитательной работы в течение неотбытой части наказания».

В этой норме представляют интерес следующие моменты. Во-первых, испытательный срок для условно-досрочно освобожденного претерпевает ту же эволюцию, что и испытательный срок для условно осужденных (от пассивного ожидания к активному перевоспитанию). Это значительно усиливает предупреждение повторного совершения преступления со стороны таких лиц. Во-вторых, наряду с перевоспитанием условно-досрочно освобожденных говорится и о «наблюдении» за ними. Представляется, что законодатель, специально упоминая о наблюдении за условно-досрочно освобожденными, имел в виду установление за такими лицами определенной формы контроля со стороны государственных органов (суда,

прокуратуры, милиции), что, разумеется, не должно заменять или ослаблять работу по перевоспитанию названных лиц силами общественности. Это представляется тем более логичным, что в отношении условно осужденных новый Уголовный кодекс прямо установил контроль со стороны суда (ст. 44 УК РСФСР). Введение контроля значительно усиливает предупредительную роль испытательного срока в отношении лиц обеих категорий.

В случае совершения условно осужденным (ст. 45 УК РСФСР) или условно-досрочно освобожденным (ст. 54 УК РСФСР) нового однородного или не менее тяжкого преступления суд назначает наказание по правилам, предусмотренным ст. 41 УК РСФСР (назначение наказания по нескольким приговорам). Однако возможны такие случаи, когда условно осужденный или условно-досрочно освобожденный хотя и не совершает нового преступления, но систематически пьянствует, постоянно нарушает трудовую дисциплину, ведет паразитический образ жизни и т. д. В юридической литературе неоднократно поднимался вопрос о необходимости применения действенных мер в случаях, когда поведение условно осужденного или условно-досрочно освобожденного свидетельствует о неправильном применении этих институтов в конкретном случае.

Значительный интерес представляет указание Пленума Верховного Суда СССР от 4 марта 1961 г., смысл которого сводится к тому, что если поведение условно-досрочно освобожденного свидетельствует о том, что условно-досрочное освобождение было применено к нему неправильно, то определения судов об условно-досрочном освобождении могут быть пересмотрены по протестам, внесенным в соответствующие суды по мотивам необоснованности применения условно-досрочного освобождения.

Необоснованное применение условно-досрочного освобождения способно привести к тяжелым последствиям. Особенно большой вред может причинить освобождение рецидивиста, т. е. лица во второй или более раз осужденного за совершение преступления. К сожалению, подчас бывает так, что прежние судимости лица вовремя не обнаруживаются, его личность глубоко не изучается, и в этих случаях на свободу досрочно может быть выпущен опасный преступник-рецидивист.

Пленум разъяснил, что при рассмотрении протестов на определения об условно-досрочном освобождении по мотивам их необоснованности, принесенных в отношении лиц, уже освобожденных к моменту опротестования определения из мест лишения свободы, судам надлежит наряду с проверкой материалов, послуживших основанием к освобождению осужденного, учитывать также и данные о его поведении после освобождения из места лишения свободы.

Оценивая это указание Пленума, необходимо констатировать, что впервые за долгое время предметом специального внимания Пленума явился срок, протекающий после применения к данному лицу условно-досрочного освобождения, т. е. испытательный срок. Пленум ориентирует суды и органы прокуратуры при оценке правильности определения об условно-досрочном освобождении принимать во внимание и характер поведения условно-досрочно освобожденного в период после его освобождения. Если поведение лица в период испытательного срока свидетельствует об ошибочности условно-досрочного освобождения, то по протесту прокурора указанное определение суда может быть отменено и лицо может быть направлено для отбывания неотбытой части наказания. В связи с этим возникают следующие вопросы. Как быть, когда неправильно ведет себя в период испытательного срока не условно-досрочно освобожденный, а условно освобожденный? Как быть, если условно-досрочно освобожденный был досрочно освобожден с достаточными основаниями, т. е. в месте заключения вел себя образцово, а по выходе на свободу подпал под дурное влияние и изменил свое поведение, стал вести себя отрицательно? Эти вопросы, к сожалению, не нашли решения в Постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 4 марта 1961 г.

В связи с поставленными вопросами представляет интерес анализ ст. 52 УК РСФСР, в которой указывается, что если по обстоятельствам дела совершенное лицом преступление и само это лицо не представляют большой общественной опасности и если деяние виновного не повлекло тяжких последствий, а сам он чистосердечно раскаялся, то по ходатайству общественной организации или коллектива трудящихся это лицо может быть освобождено от уголовной ответственности и наказания и пе-

редано на поруки для перевоспитания и исправления той общественной организации или тому коллективу трудящихся, которые возбудили ходатайство. Особый интерес в данном случае представляет та часть ст. 52 УК РСФСР, которая устанавливает, что если лицо, взятое на поруки, в течение года не оправдало доверия коллектива, нарушило обещание примерным поведением и честным трудом доказать свое исправление, не подчиняется нормам социалистического общежития или оставило трудовой коллектив с целью уклониться от общественного воздействия, то общественная организация или коллектив трудящихся, взявшие его на поруки, выносят решение об отказе от поручительства и направляют это решение в прокуратуру или суд для рассмотрения вопроса о привлечении виновного к уголовной ответственности за то преступление, в связи с совершением которого он был передан на поруки.

Заметим вместе с тем, что передача на поруки в соответствии со ст. 52 УК РСФСР уже связывается с предписанием лицу соблюдать определенные условия поведения (не оставлять места работы с целью уклониться от общественного воздействия, подчиняться нормам социалистического общежития). Невыполнение этих условий ст. 52 связывает с упомянутыми выше санкциями.

Конечно, институт передачи на поруки значительно отличается по своим юридическим формам от институтов условного осуждения и условно-досрочного освобождения. Однако эти институты имеют и некоторые сходные черты. Так, на поруки передаются лица, совершившие малозначительное преступление. Для лиц, переданных на поруки, устанавливается испытательный срок в один год.

В литературе отдельными практическими работниками в общей форме выдвигались предложения о том, чтобы условное осуждение и условно-досрочное освобождение в обязательном порядке сочетались с передачей лица на поруки. В этом случае последствия отказа от поручительства должны состоять в реальном исполнении назначенного наказания¹¹. Разумеется, было бы неверно механически распространять действие ст. 52 УК РСФСР на условно осужденных и условно-досрочно освобожденных.

¹¹ «Социалистическая законность», 1960, № 1, стр. 20.

Однако представляется, что выдвинутое предложение заслуживает внимательного рассмотрения.

В тех случаях, когда условно осужденный или условно-досрочно освобожденный по каким-либо причинам не может быть передан на перевоспитание коллективу, представляется целесообразным предоставить суду право самому предписывать условно осужденному или условно-досрочно освобожденному обязанность соблюдения определенных правил поведения, так как, коль скоро поведение условно осужденного и условно-досрочно освобожденного ставится под воспитательный контроль, то это поведение должно быть соответствующим образом и регламентировано. Это может быть достигнуто путем предписания условно осужденному и условно-досрочно освобожденному определенных норм поведения, соблюдение или несоблюдение которых позволит конкретно судить о том, перевоспитывается данное лицо или нет.

В случае условного осуждения предписание осужденному определенных норм поведения (или определенных условий поведения) может содержаться в приговоре суда об условном осуждении. При условно-досрочном освобождении указанные условия могут быть сформулированы в определении суда об условно-досрочном освобождении.

Нормы поведения, предписываемые в указанных случаях, определяемые каждый раз индивидуально, должны выработываться исходя из особенностей личности виновного, характера совершенного им преступления и т. д. Из числа подобных норм можно, например, назвать такие, как обязанность добросовестно трудиться, учиться, воздерживаться от злоупотребления алкоголем, возместить ущерб потерпевшему и т. д.

Разумеется, изложенное выше — только предложение, для реального осуществления которого необходима соответствующая нормативная основа. Предлагаемые нами меры направлены к тому, чтобы «интенсифицировать» испытательный срок как при условном осуждении, так и при условно-досрочном освобождении. Не будет большим преувеличением сказать, что в настоящее время условное осуждение воспринимается подчас как простое освобождение от наказания (как и условно-досрочное освобождение). Ни общественность, ни сам осужденный никак реально не ощущают «условность» освобождения от наказания.

Именно на ликвидацию этого положения направлено указание Постановления Пленума Верховного Суда СССР от 4 марта 1961 г. о том, что при применении условного осуждения председательствующий в судебном заседании после провозглашения приговора должен разъяснить условно осужденному значение испытательного срока и предупредить его о последствиях совершения им нового преступления.

Испытательный срок должен стать по-настоящему тем сроком, в течение которого реально «испытывается» осужденный. А о какой серьезной проверке его поведения может идти речь, если простая перемена места работы или жительства совершенно отделяет условно осужденного даже от тех форм воспитательного контроля, которые и могли бы быть применены к нему? Условно-досрочно освобожденный подчас возвращается домой задолго до истечения срока лишения свободы, к которому был приговорен. Окружающие же недоумевают: «Осудили на пять лет, а вернулся через два с половиной года». В результате этого пропадает вера в неотвратимость наказания — основу общепредупредительного воздействия уголовного закона.

В юридической печати уже высказывались мнения о необходимости повысить действенность условного осуждения. Так, проф. Н. Д. Дурманов подчеркивал, что хотя «условно осужденному предъявляется только одно юридическое требование — не совершать в течение испытательного срока нового преступления», по существу требование к такому лицу со стороны общества гораздо шире, оно включает в себя требование «честно трудиться, безукоризненно вести себя»¹². Ю. М. Ткачевский полагает, что «было бы правильнее требовать от условно осужденного, чтобы он своим активным участием в труде, общественной жизни доказывал свое исправление». Этот автор также предлагает ставить условно осужденных под надзор общественности¹³. Справедливо, что «успех перевоспитания и исправления условно осужденных во многом зависит от контроля за их поведением не только со стороны самой общественности, добровольно взявшей

¹² Н. Д. Дурманов. Освобождение от наказания по советскому уголовному праву. Госюриздат, 1957, стр. 15.

¹³ «Наказание по советскому уголовному праву». Госюриздат, 1958, стр. 271.

на себя обязанности по перевоспитанию, но и со стороны судебных-прокурорских работников»¹⁴.

Общественный контроль за условно осужденным или условно-досрочно освобожденным должен состоять в специальном учете лиц, поставленных под контроль общественности, систематическом наблюдении за их поведением, сборе информации, характеризующей их труд, быт, учебу, поведение и т. д., а также в оказании им конкретной практической помощи в разрешении бытовых, производственных, семейных и иных трудностей. Такой контроль могли бы осуществлять под руководством судебных-прокурорских работников специально уполномоченные на то активисты-общественники, широко использующие помощь комсомольских, профсоюзных и других организаций. Особо важно подчеркнуть, что обязанности этих лиц не должны ограничиваться контролем, а должны включать в себя также оказание действенной помощи нуждающимся в ней лицам (по трудоустройству, жилищному вопросу и др.).

Серьезного внимания заслуживает в этом смысле предложение о том, что «на период испытательного срока должно быть предоставлено право администрации ИТУ и наблюдательной комиссии определять лицу, условно-досрочно освобожденному из мест заключения, вид и место работы, местожительство и т. д.»¹⁵.

Осуществление предлагаемых мер приведет к известному ограничению в правах условно осужденных и условно-досрочно освобожденных. Однако такое ограничение представляется правомерным: во-первых, оно минимальное (не переезжать с места на место с целью уклонения от контроля, не бросать с той же целью работу и т. д.); во-вторых, оно имеет силу только на период испытательного срока, т. е. того срока, который в случае исполнения наказания лицо должно было провести в месте заключения в условиях лишения свободы; в-третьих, подобное ограничение уже предусматривается законом

¹⁴ Н. Ф. Гришанин. Новое постановление Верховного Суда СССР об усилении связи судебных органов с общественностью. «Советское государство и право», 1960, № 6, стр. 108.

¹⁵ Л. В. Багрий-Шахматов. К вопросу о роли общественности в борьбе с рецидивом и повторными преступлениями. «Проблемы развития советского исправительно-трудового законодательства». Саратов, 1961, стр. 219.

на период испытательного срока для лиц, переданных на поруки (ст. 52 УК РСФСР). В данном же случае предлагается применить эти ограничения к условно осужденным и условно-досрочно освобожденным, т. е. к тем лицам, которые в принципе более опасны, чем просто переданные на поруки. Нельзя забывать также то, что от лиц, к которым государство проявляет доверие и которые либо условно осуждены, либо условно-досрочно освобождены, естественно было бы ожидать стремления оправдать это доверие, доказать своим поведением, что они действительно исправились. Явное пренебрежение оказанным доверием, злостное нарушение правил социалистического общежития этими лицами резко осуждается общественностью. Органы правосудия также не вправе игнорировать отрицательное поведение таких лиц.

Задача предупреждения повторных преступлений со стороны лиц, условно осужденных и условно-досрочно освобожденных, настоятельно требует, чтобы испытательный срок, установленный законом для лиц этих двух категорий, стал, наконец, служить реальной гарантией того, что эти лица не совершат преступление вновь. При этом важно обеспечить такое положение, когда в течение испытательного срока условно осужденный и условно-досрочно освобожденный находились бы под эффективным контролем, имеющим своей главной задачей перевоспитание осужденных, оказание им помощи и поддержки, а также обеспечивающим проверку соблюдения осужденными правил социалистического общежития.

Указания, содержащиеся в постановлениях Пленума Верховного Суда СССР от 4 марта 1961 г., в части правильного применения условного осуждения и условно-досрочного освобождения направлены на проведение в жизнь в этом плане действенных мероприятий¹⁶.

Таким образом, задача усиления специального предупреждения рецидива со стороны лиц, условно осужденных и условно-досрочно освобожденных, настоятель-

¹⁶ Например, по УК Чехословакии, п. 2, § 59 «условно осужденному суд может назначить соответствующие ограничения, направленные к тому, чтобы он вел добропорядочный образ жизни трудящегося человека». Вместе с тем УК Чехословакии предусматривает, что по истечении испытательного срока суд должен проверить, как вел себя условно осужденный, и если он не исправился, суд может привести в исполнение условно назначенное наказание (п. 1, § 60).

но требует реализации следующих положений, выдвигаемых развитием соответствующего законодательства и практики.

1. Условное осуждение и условно-досрочное освобождение должны применяться не только при условии не совершения лицом в течение испытательного срока нового преступления, но также и при условии соблюдения определенных правил поведения, предписываемых судом. Характер этих правил должен зависеть от особенностей личности подсудимого и совершенного им преступления.

2. В течение испытательного срока условно осужденный или условно-досрочно освобожденный должен находиться под эффективным общественным контролем, имеющим своей главной задачей перевоспитание осужденного, оказание ему помощи и поддержки, а также обеспечивающим проверку соблюдения им предписанных судом условий поведения.

3. Умышленное, злостное и неоднократное нарушение осужденным предписанных ему условий, свидетельствующее о его упорном нежелании исправиться, должно служить основанием для возвращения его в место заключения и исполнения неотбытой части назначенного ранее наказания.

4. Решение указанных задач невозможно без тщательной регистрации и централизованного учета условно осужденных и условно-досрочно освобожденных. Необходимо покончить с таким положением, когда суд, сталкиваясь с лицом, ранее условно осужденным или условно-досрочно освобожденным, подчас не имеет в своем распоряжении данных, что к такому лицу были применены подобные меры.

Реализация изложенных выше положений приведет к созданию последовательной, эффективной системы мер, которые в значительной степени будут содействовать решению важной задачи предупреждения повторной преступности со стороны условно осужденных и условно-досрочно освобожденных, а тем самым и улучшению дела предупреждения рецидивной преступности в целом.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Углубленное изучение показывает, что решить проблему искоренения рецидивной преступности можно, лишь отчетливо понимая то особенное, то специфическое, что характеризует это явление в уголовноправовом и криминологическом аспекте.

Рецидив преступления и соответственно личность рецидивиста вызывают к себе резко отрицательное отношение социалистического общества, государства, что отражается в соответствующем уголовном законодательстве. Это, естественно, более отрицательное отношение, чем то, которое вызывает к себе человек, совершивший аналогичное преступление впервые. Если совершить преступление впервые человек может в силу более или менее случайного стечения обстоятельств, по легкомыслию, недостаточной сдержанности и т. д., то при совершении преступления этим же лицом во второй раз резко снижается доля «оправдывающих» его в какой-то степени обстоятельств совершения нового преступления. Если же рецидивист совершает преступления в третий, четвертый и более раз, то ясно, что раз от разу все более и более ослабевают, а затем как бы и вовсе сходят на нет «объективные» обстоятельства совершения преступлений, и на первый план все более выдвигается фактор субъективный, все более отчетливо проявляется повышающаяся опасность личности преступника-рецидивиста.

Однако было бы неверно свести всю специфику рецидивной преступности только к повышенной степени опасности личности преступника-рецидивиста. Всякий рецидивист когда-то совершил преступление в первый раз (причем статистика показывает, что чаще всего это бывает в несовершеннолетнем возрасте). Почему же, отбыв

наказание за первое преступление, он не прекратил преступной деятельности, а решился на второе, а затем и третье и более преступление? Почему наказание, целью которого было покарать и перевоспитать человека, совершившего преступление впервые, так, чтобы он впредь уже не совершал подобных деяний, тем не менее не устрашило и не перевоспитало его? Ответ может быть только один: уголовное наказание в данном конкретном случае оказалось не в состоянии решить задач, поставленных законом. Это могло случиться либо потому, что наказание недостаточно соответствовало степени вины и опасности преступника, либо потому, что в процессе исполнения приговора не были реально претворены в жизнь задачи наказания.

Отсюда неизбежен вывод, что в той же мере, в какой рецидив является проявлением особо стойкой преступной установки, характеризующей личность рецидивиста, он является и результатом недоработок в области осуществления карательной политики, недостатков в назначении наказания и несовершенств в его исполнении. Образно говоря, процент рецидива преступлений свидетельствует о степени «брака», допущенного в работе органов, осуществляющих правосудие.

Отчетливое понимание такой «двойственной» природы рецидивной преступности неизбежно должно лежать в основе разработки и осуществления всего сложного комплекса мер борьбы с ней, куда входят и совершенствование законодательства, и дальнейшее улучшение следственной и судебной практики, работы исправительно-трудовых учреждений и всякого рода предупредительные мероприятия. При этом неизбежно приходится учитывать, что рецидивист — это одновременно и человек, наделенный особо отрицательными личными свойствами и качествами, и вместе с тем часто человек неудачной, достаточно тяжелой судьбы, подчас втянутый в преступную среду рядом объективных обстоятельств.

Именно поэтому первое, естественное и кажущееся на первый взгляд достаточным требование усиливать репрессию против рецидивистов не может быть признано вполне исчерпывающим. Изучение рецидивной преступности показывает, что не столько тяжесть репрессии, сколько планомерность и продуманность целого комплекса мероприятий способно привести к успеху в этом деле,

причем необходимо тесное взаимодействие следственных, судебных, исправительно-трудовых органов и учреждений, осуществляющих предупредительные мероприятия.

Не просто усиление наказания, а индивидуализация ответственности, всемерная дифференциация преступников, придание мерам уголовноправового воздействия все большей «меткости», обоснованности, исправительно-трудовому воздействию — максимальной эффективности, предупредительным мероприятиям — последовательности — такова самая общая характеристика методов борьбы с рецидивной преступностью. Не кратковременная «интенсивная» кампания, а кропотливая, продуманная и координируемая, постоянная и неослабная работа всех звеньев, осуществляющих борьбу с преступностью, — такова форма этой борьбы.

Повышенная опасность, которой характеризуются преступники-рецидивисты, не может рассматриваться в качестве обстоятельства, которое в какой-то мере могло бы послужить основанием для малейшего отступления от закона во имя «повышения эффективности» борьбы с рецидивом. История деятельности карательных органов Советского государства показывает, что лишь метод социалистической законности способен привести к успеху в деле борьбы с преступностью. Борьба с любым правонарушением — от незначительного до самого тяжкого — должна вестись на основе скрупулезного и тщательного соблюдения требований закона. Советское государство и общество противопоставляют преступному отрицанию закона, содержащемуся в деяниях рецидивиста, его безусловное утверждение в деятельности своих карательных органов. Именно это и способно придать суровым мерам, применяемым к преступникам-рецидивистам, ту нравственную оправданность, на которой единственно и должно зиждиться наказание в нашем обществе. Законность торжествует только там, где нарушенный преступником правопорядок восстанавливается вполне законными средствами. В этом одна из коренных, принципиальных особенностей социалистической законности, которая не может быть поколеблена и в случае, когда речь идет о борьбе с преступниками-рецидивистами.

Несомненно, что в социалистическом обществе, где успех и благополучие человека зависят только от его честного труда, где благосостояние каждого связано с рос-

том обеспеченности всех, где труд вознаграждается по заслугам, а общественный продукт разумно распределяется в интересах всего общества в целом, преступность вообще, и рецидивная в частности, глубоко противоречит социальному строю и, безусловно, должна быть ликвидирована. Вместе с тем эта общая тенденция на ликвидацию преступности в нашей стране отнюдь не может действовать механически, вне зависимости от сознательной, целенаправленной деятельности соответствующих органов социалистического государства.

Более того, в случае ослабления этой деятельности, извращения принципов социалистического правосудия возможно наступление вредных последствий в области борьбы с преступностью, что способно отразиться и на ее состоянии.

Наличие у определенной, хотя и небольшой части членов нашего общества мелкособственнической морали, недостатки в деятельности органов правосудия все еще способствуют сохранению рецидива преступлений в нашей стране. Ясно, тем не менее, что эти обстоятельства отнюдь не порождают преступность с фатальной неизбежностью. Можно и должно, при надлежащей работе органов социалистического правосудия, опирающихся в своей работе на широкие массы советской общественности, максимально ограничить, а затем и вовсе ликвидировать как рецидивную, так и всякую другую преступность в нашей стране.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие 3

Глава I Повторение преступлений и рецидив 7

Глава II Понятие легального рецидива и его виды 34

Глава III Рецидивная преступность 70

Глава IV Преступные группировки рецидивистов 81

Глава V Общественная опасность личности рецидивистов 89

Глава VI Признание виновного особо опасным рецидивистом 112

Глава VII Назначение наказания рецидивистам 140

Глава VIII Исполнение наказания 159

Глава IX Предупреждение рецидива 198

Заключение 219